

Италия

М 62

МИННА Р.

МАРИЯ

**ПРОТИВ
ЗАКОНА**

МИННА Р.

**МАФИЯ
ПРОТИВ
ЗАКОНА**

ROSARIO MINNA

**BREVE
STORIA
DELLA
MAFIA**

**EDITORI RIUNITI
ROMA, 1984**

МИННА Р.

МАФИЯ ПРОТИВ ЗАКОНА

Перевод с итальянского
К. А. АНТИМИРОВА, Г. С. БАТЫРЕВОЙ,
Н. Л. БОГДАНОВА

Под редакцией и с вступительной статьей
доктора юрид. наук Ф. М. РЕШЕТНИКОВА

МОСКВА, ПРОГРЕСС, 1988

ББК 67.99 (4 Ит)
М62

Редактор Л. В. Махвиладзе

Минна Р.

М62 Мафия против закона: Пер. с ит. / Под ред. и с вступ. ст. Ф. М. Решетникова.—М.: Прогресс, 1988.—344 с.

В своей книге флорентийский судья Розарио Минна рассказывает о преступной деятельности мафии на территории Италии и в международном масштабе, а также о бесплодности борьбы с нею итальянских правоохранительных органов.

М $\frac{1206000000-468}{006(01)-88}$ **64—88**

ББК 67.99 (4 Ит)

ISBN-5-01-001057-7

Редакция литературы по вопросам государства и права

© Editori Riuniti. Roma 1984

© Вступительная статья и перевод на русский язык, Москва, «Прогресс», 1988

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Книга итальянского юриста Розарио Минны, русский перевод которой предлагается вниманию советского читателя, посвящена истории мафии — подпольной преступной организации, чья власть некогда ограничивалась несколькими сицилийскими деревнями, а ныне в могуществе соперничает с крупнейшими мультинациональными корпорациями.

Автор книги, любезно согласившийся написать к ее русскому изданию свое небольшое предисловие, уроженец Лечче — городка на Юге Италии; — работает судьей во Флоренции. Ранее он опубликовал несколько статей в итальянских юридических журналах, а также исследование «История правого терроризма», вошедшее в сборник «Террористы в Италии» (Милан, 1984).

Мафия давно уже стала объектом пристального внимания со стороны специалистов по криминологии, социологии, политике и даже психоанализу. Ей посвящено немало произведений художественной литературы, написанных не только в жанре детектива, но и в других формах (роман, повесть, эссе). После второй мировой войны в одной только Италии было снято около 50 фильмов о мафии, ее главарях и тех, кто пытался с нею бороться (некоторые из этих фильмов стали

заметным явлением в истории мирового кинематографа). Ряд произведений зарубежных авторов, посвященных итальянской мафии, ранее переводился на русский язык. Среди них вышедшие в издательстве «Прогресс» книги видного итальянского общественного деятеля Микеле Панталеоне «Мафия вчера и сегодня» (1969) и венгерского журналиста, часто бывавшего в Италии, Габора Геллерта «Мафия» (1983).

В своей книге Розарио Минна поставил целью выяснить, что представляет собой сегодняшняя, так называемая новая мафия, каковы масштабы ее деятельности, в чем причины все более опасного роста ее могущества и расширения сферы влияния. С конца 60-х годов сицилийская мафия распространила свою деятельность на территорию континентальной Италии. В этот же период она стала активно заниматься торговлей наркотиками в крупных и мелких итальянских городах, в то время как прежде ее функции ограничивались их транспортировкой в другие страны, и прежде всего в США. Все более решительными становятся усилия мафии подчинить себе наиболее доходные сферы экономической деятельности и упрочить контакты с влиятельными политическими партиями и экстремистскими движениями правого и ультралевого толка. Значительно расширились связи итальянской мафии с аналогичными преступными объединениями в других государствах Европы и Америки. Происходят существенные изменения даже в характере совершаемых мафией преступлений, например убийств, которые часто уже не сопровождаются прежде обязательным ритуальным оформлением, и т. п. Для того

чтобы лучше и полнее понять новую мафию и причины, приведшие к названным и многим другим переменам, Розарио Минна счел необходимым исследовать историю мафии со времени ее зарождения до наших дней. В этом своем исследовании автор вполне оправданно сосредоточил основное внимание не на том, что происходило «внутри» самой мафии, а на анализе исторически конкретных социально-экономических и политических причин, породивших это явление и обусловивших его развитие. В своем анализе он неизменно связывает историю мафии с событиями, происходившими как на Сицилии, так и по всей Италии, а порой там, где это необходимо, и с изменениями в международной обстановке.

В книге глубоко раскрыто и прошлое, и настоящее мафии, одного из наиболее сложных явлений современной итальянской действительности. Стремление автора к краткости становится совершенно очевидным хотя бы при сопоставлении сравнительно небольшого объема книги с разнообразием освещенных в ней проблем. Оно проявилось, в частности, и в том, что он лишь вскользь коснулся происхождения слова «мафия». Для сведения дотошного читателя его книги можно сообщить, что при всем желании автор не мог бы дать однозначного объяснения происхождения этого термина. За это не берутся и составители новейших итальянских энциклопедий, предпочитая ограничиться замечанием, что «мафия» — «сицилийское слово неясного происхождения», поскольку ни одна из многочисленных версий, связывающих его с различными итальянскими диалектизмами и даже словами арабского язы-

ка, не считается общепризнанно достоверной. Не уходит автор и в глубины истории, чтобы назвать вероятных предшественников современной мафии, к числу которых порой относят даже участников «сицилийской вечерни» — восстания местных жителей против французских завоевателей в 1282 г. (о нем напоминает либретто одной из опер Верди).

Подлинная история мафии, как справедливо подчеркивает Розарио Минна, начинается с событий, непосредственно предшествующих объединению Италии в единое государство в 60-х годах прошлого века. До этого на протяжении многих столетий остров Сицилия, входивший вместе с восточными районами Южной Италии в состав Королевства Обеих Сицилий, находился под властью сменявших друг друга иноземных поработителей. В XIX веке население Сицилии, одной из самых отсталых областей Италии, где царили нищета и бесправие, не раз поднималось на борьбу с ненавистным правлением династии Бурбонов, установившей в Королевстве Обеих Сицилий реакционный режим жесточайшего террора. Этот режим был свергнут в 1860 г., когда на остров высадились восторженно встреченная народом знаменитая «тысяча» революционеров во главе с Гарибальди, к которой присоединились крестьянские отряды. Отсюда, с Сицилии, где на время он стал диктатором, начались и походы Гарибальди за освобождение Италии, приведшие в конечном счете к объединению страны под эгидой крупной буржуазии и королевской Савойской династии, присвоивших себе плоды революционной борьбы. На Сицилии к моменту ее освобождения действовали соперничавшие между со-

бой вооруженные отряды, находившиеся на службе у правительства либо у частных лиц — помещиков и крупных арендаторов, а также банды разбойников, грабивших и убивавших людей, но порою поддерживаемых местным населением. Эти вооруженные формирования нередко делили между собой «сферы влияния», облагали данью местное население, как богатых, так и бедных, похищали людей и требовали выкупа за их освобождение и т. п. Иначе говоря, по справедливому замечанию Розарио Минны, мафия «уже вполне определенно существовала на Сицилии еще до объединения Италии». Следует согласиться с ним и в отрицании каких-нибудь «революционных заслуг» у будущей мафии, приписываемых ей некоторыми исследователями. Напротив, в период объединения Италии мафиози стали орудием в руках реакционных сил — именно они убивали гарибальдийцев, вмешивались в кампании выборов, запугивая избирателей, убивая или похищая неугодных кандидатов, и т. п.

В период объединения Италии обнаружилась еще одна черта будущей мафии, присущая ей, как показано в книге Розарио Минны, на всех этапах истории Сицилии, — тесная связь с правящими кругами и с теми, кто играет решающую роль в экономике и кому принадлежит политическая и административная власть.

И если говорить о причинах появления мафии в 60-х годах прошлого века, то содержание соответствующего раздела книги Розарио Минны подводит к выводу, что эти причины коренятся в стремлении богатых сицилийцев сохранить в неприкосновенности свои привилегии в условиях, когда револю-

ционные потрясения поставили их под угрозу.

В последующем историческом анализе автор книги неуклонно придерживается избранного им принципа — вся деятельность мафии, подъемы и спады ее влияния исследуются им в тесной связи с изменениями экономической и политической обстановки на острове и во всей Италии. На страницах книги читатель найдет немало убедительных свидетельств того, как правящие круги Италии использовали мафию в борьбе с нарождающимся рабочим движением и для подавления сопротивления батраков чудовищной эксплуатации со стороны землевладельцев и перекупщиков. При прямом попустительстве властей, если не с их благословения, мафиози убивали первых организаторов социалистического и профсоюзного движения на Сицилии еще в конце прошлого века. В свою очередь деятельность мафии, способствовавшей сохранению на Сицилии отсталых социальных порядков и застою в экономике, имела своим следствием рост эмиграции с Сицилии в континентальную Италию и в Соединенные Штаты, которая приняла массовый характер с конца XIX века и продолжалась на протяжении нескольких десятилетий.

В своей книге Розарио Минна уделил большое внимание проблеме взаимоотношений сицилийской мафии с фашистским режимом Муссолини. Существует легенда, будто при фашизме мафия была полностью ликвидирована. В действительности Муссолини, использовавший те же преступные методы, что и сицилийская мафия, лишь умело рекламировал свои «успехи» в борьбе с нею, но не ликвидировал ее корней. Прослеживая связи

деятелей фашистского движения с сицилийской мафией в самом начале 20-х годов, еще до прихода Муссолини к власти, Розарио Минна приводит любопытные факты, свидетельствующие о том, что мафия оказывала финансовую поддержку фашистам, при необходимости укрывала их главарей от полицейских преследований в сицилийских деревнях и т. п. Рассказывая о подавлении мафии в период с 1925 по 1931 год, когда тысячи мафиози были арестованы отрядами карабинеров в ходе самых настоящих военных операций, а затем приговорены судами к суровым наказаниям, Розарио Минна справедливо отмечает, что репрессивные меры фашистского режима против мафиози носили ограниченный характер. Ими не были затронуты богатства, преступным путем накопленные мафией. Остались на свободе главари мафии высшего ранга, подобные «дядюшке» Калоджеро Виццини, некогда встречавшемуся с Муссолини, или Дженко Руссо, который пять раз представлял перед судом по обвинению каждый раз в новых убийствах, но неизменно добивался оправдательного приговора «за недостаточностью улик». Не затронули репрессии и покровителей мафии из числа сицилийской буржуазии, а также политиков, ставших на сторону фашистской партии. Судя по всему, добиваясь явного пропагандистского эффекта от мероприятий по борьбе с мафией, «вождь нации» Муссолини прекрасно понимал, что мафия по-прежнему остается жизнеспособной, коль скоро в конце 30-х и в начале 40-х годов, как рассказывается в книге, он не раз прибегает к ее услугам в своих внешнеполитических авантюрах.

Розарио Минна останавливается в своей книге и на истории взаимоотношений американских военных властей и секретных служб с сицилийской мафией в период освобождения острова от итало-германских войск в 1943 году и в последующее время. Автор приводит многие убедительные свидетельства, в том числе и собранные им самим, того, что сицилийская мафия оказывала немалые услуги войскам союзников, обеспечив им беспрепятственную высадку на остров, но зато взамен с помощью своих заокеанских покровителей, назначивших мафиози мэрами сицилийских городов и поселков, получила возможность установить контроль над населением многих районов острова. Не будет преувеличением вывод, что именно содействие американских оккупационных властей привело к возрождению сицилийской мафии. Главное, что определило позицию военного командования и секретных служб США в этом вопросе,—страх перед растущим политическим влиянием коммунистов на Сицилии, как и во всей Италии, и поэтому мафиози, готовые, как они заявили, «сражаться с коммунизмом даже с оружием в руках», оказались верными союзниками американской реакции. Возрождению мафии после второй мировой войны в немалой степени содействовало и то обстоятельство, что американские власти в 1945 году депортировали в Италию почти 400 гангстеров итало-американского происхождения. Многие из них стали главарями вновь организованных преступных банд, подобно, скажем, Лучиано Лиджо, который свое «образование убийцы» получил в США, а в Италии стал действовать с еще большим размахом (его имя часто

упоминается на страницах книги Розарио Минны).

В своей книге автор уделяет известное внимание анализу структуры мафии и организации ее отдельных группировок, традициям, ритуалам и правилам поведения, обязательным для мафиози, и т. п., однако все эти вопросы остаются как бы на втором плане. Во всяком случае, автор явно избегает смакования подробностей чудовищных убийств или описаний трупов, выставленных мафией на всеобщее обозрение, чтобы продемонстрировать свою власть и безнаказанность. Не так уж много страниц книги посвящено «традиционным» формам деятельности мафии: убийствам и похищениям людей с целью получения выкупа. Гораздо большее внимание автор уделяет вмешательству мафии в экономическую жизнь и ее связям с различными политическими силами, партиями и группировками. Однако Розарио Минна вполне оправданно выделяет одно из направлений преступной деятельности, сравнительно новое для сицилийской мафии, а именно торговлю наркотиками. Занявшись этим бизнесом позже, чем многие другие преступные объединения, сицилийская мафия вскоре не только подчинила своему контролю торговлю наркотиками на территории Италии, но и захватила серьезные позиции на международном рынке распространения наркотиков. Сицилийская мафия специализируется на торговле наиболее доходным и опасным из наркотиков — героином, употребление которого обычно приводит к полной деградации и скорой гибели пристрастившихся к нему наркоманов. По свидетельствам итальянской и американской печати,

за последнее время около трети всего героина, продаваемого на мировом рынке, транспортируется через Сицилию, где находится и несколько подпольных фабрик, на которых опиум, доставленный с Ближнего и Среднего Востока, перерабатывается в героин. В основном именно отсюда, с Сицилии, хотя и различными, часто весьма сложными маршрутами, доставляется героин в Соединенные Штаты, где находится наибольшее число его потребителей — около 500 тысяч человек¹.

В предисловии к итальянскому изданию своей книги Розарио Минна отметил, что было бы весьма любопытно проанализировать самым тщательным образом пути распространения героина от мест его производства до потребителей, ибо именно с этим «бизнесом» связана за последнее время основная деятельность итальянской мафии, полностью преобразившая ее облик и внутреннюю структуру. Но это, как замечает автор, была бы уже другая книга. Что касается советского читателя, то он может обратиться к вышедшим в издательстве «Прогресс» книгам «Преступный синдикат» Ж.-М. Шарлье и Ж. Марсилли (1983), «Боссы преступного мира» Х. Мессика (1985) и «Грязные деньги» Г. Картрайта (1987), в которых показаны пути и методы распространения героина и других наркотиков в современном капиталистическом мире.

Баснословные доходы, получаемые от торговли наркотиками, в свою очередь предопределили перемены как в структуре самой мафии, так и в характере и направлении

¹ «Panorama», 3 maggio 1987.

ях ее деятельности. Старая мафия, господствовавшая примерно до конца 60-х годов, была теснейшим образом связана с экономической и политической жизнью Сицилии, одной из самых отсталых областей Италии, и вся ее деятельность, как и источники доходов, по существу, ограничивалась пределами острова. Пришедшей ей на смену новой мафии, опиравшейся на принципиально иную финансовую базу — прибыли от торговли героином и другими наркотиками, стало уже тесно в рамках одной из областей Италии, пусть и занимающей территорию самого большого острова в Средиземном море. В книге Розарио Минны приводятся многочисленные свидетельства того, насколько успешно проникает мафия в наиболее промышленно развитые районы Севера Италии, используя при этом как традиционные для нее преступные методы угроз и насилия, так и внешне вполне «законные» приемы. Более того, для проникновения мафии в экономику Севера Италии характерны именно «законные» методы скупки акций промышленных и торговых предприятий, организации банков и других финансовых учреждений, поскольку с их помощью мафия получает возможность легализовать доходы от торговли наркотиками и других преступлений, «отмывать» деньги, приобретенные незаконным путем. И если первоначальный расцвет мафии на Сицилии был связан с экономической и политической отсталостью итальянского Юга, то анализ действий мафии, скажем, в Ломбардии показывает, что сложившаяся структура подпольной преступной организации легко преодолела барьеры внешне демократических буржуазных институтов, умело приспособ-

собиалась к условиям экономической жизни больших городов на севере страны, все более распространяя свою власть и на них.

Из книги Розарио Минны читатель узнает о противоречивых, порой парадоксальных явлениях, связанных с проникновением мафии в экономику страны. На всем протяжении своей истории мафия содействовала жесточайшей эксплуатации трудящихся — батраков и промышленных рабочих, расправляясь с их вожаками, подавляя забастовки и любые выступления против помещиков и хозяев предприятий. И вместе с тем в книге приводится, скажем, такой факт, когда рабочие протестовали против ареста главаря мафии, поскольку это могло привести к закрытию принадлежащей ему фабрики, а значит, и к потере ими работы. В книге Розарио Минны наряду с сицилийской мафией кратко описаны и преступные организации, действующие в иных районах Италии: неаполитанская каморра, калабрийская ндрангетта, миланская мала. Сицилийская мафия отнюдь не подчинила их себе, однако смогла добиться того, что деятельность этих организаций ограничена, как правило, лишь относительно небольшими районами, в то время как ее сферы влияния распространяются почти на всю территорию страны, а часто выходят и за ее пределы. Свидетельством преобладающей роли организации, возникшей на Сицилии, служит и то, что термин «мафия» стал синонимом любой подпольной, хорошо организованной и влиятельной во многих сферах социальной и политической жизни преступной группировки. В этом значении термин «мафия», как известно, употребляется ныне не только в Италии, что нашло отражение

даже в итальянских законах последнего времени, но и далеко за ее пределами.

В своей книге Розарио Минна, видимо сознательно ограничивая предмет своего исследования, почти не касается вопроса о связях сицилийской (теперь уже можно говорить — итальянской) мафии с преступными организациями аналогичного типа в других странах, и прежде всего с американской мафией, созданной в 30-х годах и принявшей итальянское название «Коза ностра» («Наше дело»), поскольку в ее создании решающую роль сыграли главари гангстеров — потомки выходцев из Сицилии (Лучиано, Костелло, Анастасиа и другие). За последнее время выявились, например, факты, свидетельствующие о том, что банда мафиози, возглавляемая сицилийцем ди Карли (суд над ним состоялся весной 1987 г.), в течение нескольких лет монополизировала торговлю наркотиками в Великобритании. Таким образом, без учета международных связей итальянской мафии нельзя правильно оценить ни степени ее влияния внутри страны, ни роли в мировой торговле наркотиками, ни, наконец, «контактов» мафии с некоторыми финансистами, занимавшимися валютными махинациями в международном масштабе, подобно Кальви или Синдоне, о которых говорится в книге и чьи имена, вероятно, хорошо знакомы многим нашим читателям.

Что касается президента миланского «Банко Амброзиано» Роберто Кальви, труп которого был обнаружен под одним из лондонских мостов 18 июля 1982 г., то обстоятельства его смерти по-прежнему остаются нераскрытыми. Не до конца выяснены причины и скрытые рычаги, которые сначала

способствовали гигантскому росту международной сети банков, возглавляемых «Банко Амброзиано», а затем привели к краху всей этой крупнейшей финансовой империи. Однако не подлежит сомнению, что эта сеть банков использовалась для «отмывания» огромных сумм денег, принадлежащих мафии, а в финансовых махинациях Роберто Кальви были замешаны реакционные политические режимы и ватиканский банк во главе с архиепископом Марцинкусом. Последующее расследование обстоятельств банкротства «Банко Амброзиано», проводившееся прокуратурой Милана, привело к выдаче в марте 1987 года ордера на арест главы финансовой империи Ватикана. Однако ватиканские власти отказались выдать Марцинкуса итальянскому правосудию и, по-видимому, никогда не выполняют этого требования¹.

В книге Розарио Минны подробно описана деятельность другого международного финансиста итальянского происхождения — Микеле Синдоны, прозванного «банкиром мафии». Ему принадлежал один из крупнейших в США «Франклин нэшнл бэнк», где хранилось 500 млн. долларов, доверенных ему американской мафией. Ему же принадлежал самый большой в Италии частный банк, через который осуществлялось «отмывание» денег мафии, финансирование правых политических партий и группировок и проведение невероятных валютных махинаций («Банка привата финансириа»). Оба банка лопнули в середине 70-х годов, после чего Синдона был арестован в США, предан суду, осужден, но скрылся, инсценировав похищение, но был

¹ «L'Unità», 3 aprile 1987.

обнаружен в Вене и выдан США, где начал отбывать длительное тюремное заключение, а в 1984 году был выдан итальянским властям. Наконец, 18 марта 1986 года он был приговорен к пожизненному заключению, но через день обнаружен отравленным в тюрьме, несмотря на чрезвычайные меры предосторожности, предпринимавшиеся для его охраны¹.

В качестве одной из проблем, подлежащих углубленному анализу, Розарио Минна вполне оправданно избрал вопрос о взаимоотношениях мафии с крайне правыми и ультралевыми террористическими организациями². Известно, что на совести крайне правых неофашистских группировок тяжелейшие уголовные преступления, такие, как взрыв скорого поезда «Италикус» (1974), который должен был стать сигналом к началу государственного переворота, или взрыв на вокзале в Болонье (1980), в результате которого 85 человек погибли и около 200 получили ранения. (Один из организаторов взрыва в Болонье и главарей итальянских террористов-неофашистов Делле Кьяйе, о котором говорится и в «Мафии против закона», в марте 1987 г. был арестован в Венесуэле и выдан итальянскому правосудию.)

Наряду с правыми экстремистами в Италии продолжают свою преступную деятельность и террористические организации ультралевого толка, которые похитили и убили одного из крупнейших политических деятелей Италии Альдо Моро, а совсем недавно, в

¹ «Panorama», 23 marzo 1986.

² См. Политический экстремизм и терроризм. В кн.: «Италия», М., «Мысль», 1983, с. 320—335.

феврале 1987 года, захватили почтовый фургон с 1 млрд. 150 млн. лир, убив и тяжело ранив при этом нескольких полицейских. Эта последняя акция, преследовавшая цель прежде всего укрепить финансовую базу терроризма, лишней раз обнаружила откровенно уголовный характер действий ультралевых экстремистов. В своей книге Розарио Минна, обращая внимание на сходство в методах действий мафии и террористов, приводит любопытные свидетельства сотрудничества с ними мафиози в итальянских тюрьмах и подводит к выводу о том, что некоторые из убийств политических деятелей, совершенные мафиози, были осуществлены ими при содействии либо «по рекомендациям» правых или ультралевых экстремистов.

Среди связей мафии с различными политическими группировками, раскрываемых в книге Розарио Минны, особое значение имеют продолжающиеся со времен окончания второй мировой войны тщательно скрываемые, но не раз уже документально доказанные ее теснейшие контакты с христианско-демократической партией (ХДП), которая на протяжении последних десятилетий почти неизменно остается у власти в Италии либо одна, либо разделяя ее с другими партиями. В «Мафии против закона» приведены любопытные свидетельства таких контактов, но при этом справедливо подчеркивается, что речь идет прежде всего о связях с правым крылом ХДП. В частности, в ней прямо говорится о расправах мафии с теми деятелями ХДП, которые выступали за союз этой партии с коммунистами. Следует добавить, что за последнее время, как это проявилось накануне парламентских выборов в июне

1987 г., мафия стала оказывать все большую поддержку другим партиям, которые наряду с ХДП могут входить в правительственные коалиции, а ведь хорошо известно, как заметила в этой связи «Унита», газета итальянских коммунистов, что «мафия ничего не делает бескорыстно»¹. Вообще взаимоотношения мафии с господствующими классами и их политическими партиями представляются весьма сложными и неоднозначными: порою мафия выступает как их послушное орудие, но все чаще она получает возможность манипулировать политиками, зависящими от нее.

Тесные и особенно трудно раскрываемые связи давно уже установлены мафией также с сотрудниками правоохранительных органов и представителями самых высоких эшелонов власти в Италии и на Сицилии, пользующейся, согласно Конституции 1947 года, статусом автономной области со своими представительными и исполнительными административными органами. Именно наличие этих связей и обрекает на провал любые усилия покончить с властью мафии как на Сицилии, так и в других районах, чего добивается прогрессивная общественность страны. О бесплодности этих усилий говорит, в частности, работа Парламентской комиссии по расследованию преступной деятельности мафии, получившей название «Антимафия». В книге Розарио Минны подробно описана история работы этой Комиссии в период с 1963 по 1976 год, когда ею были представлены доклады большинства — парламентариев от ХДП — и меньшинства Комиссии —

¹ «L'Unità», 13 giugno 1987.

коммунистов. К тому, что читатель узнает из книги, следует добавить, что работа «Антимафии» периодически возобновляется почти после каждых парламентских выборов. Так, начиная с 1983 года Комиссия вновь стала функционировать, на этот раз под председательством сначала представителя ХДП, а затем ее возглавил коммунист Алинови. В поле зрения Комиссии оказалась деятельность не только сицилийской мафии, но и каморры в Неаполе и ндрагеты в Калабрии. В своем докладе парламенту Комиссия вскрыла связи с преступным миром некоторых банков, расположенных на Юге Италии, отметила трудности расследования организованной преступности из-за ее проникновения в политическую систему страны и внесла предложения по совершенствованию законодательства, направленного на борьбу с мафией, с тем чтобы помешать мафиози обходить законы¹. По-видимому, работа Комиссии будет продолжена.

Следует отметить, что ни система правоохранительных органов Италии, ни законодательные нормы, регулирующие уголовную ответственность, ни принятая ныне процедура расследования и судебного разбирательства не отвечают, по всеобщему признанию, потребностям борьбы с таким могущественным и изощренным противником, как итальянская мафия.

В сфере уголовной юстиции в Италии по-прежнему действует законодательство, составленное в основном еще при фашистском режиме, в том числе уголовный кодекс 1930 года, названный по имени тогдашнего

¹ «La Stampa», 22 maggio 1986.

министра юстиции «кодексом Рокко», и подготовленный одновременно с ним уголовно-процессуальный кодекс.

Принятие в 1947 году Конституции Италии — одной из наиболее демократических буржуазных конституций XX века — не привело к радикальным изменениям в системе уголовного законодательства: из него были исключены лишь нормы, непосредственно отражающие фашистскую идеологию. Конституция 1947 года отменила в Италии смертную казнь, и самым тяжким уголовным наказанием, к которому может приговорить осужденного итальянский суд, стало пожизненное тюремное заключение.

В послевоенной Италии был издан ряд законов, направленных на некоторую гуманизацию уголовной репрессии: например, закон 1974 года № 220 предоставил судьям возможности смягчения наказаний, не допускавшиеся «кодексом Рокко», закон 1981 года № 689 предусмотрел замену штрафом лишения свободы как наказания за преступления, не представляющие большой опасности, и т. п. Некоторые изменения были внесены в послевоенное время и в уголовно-процессуальное законодательство: в частности, законом 1955 года № 51 были расширены права защиты на предварительном следствии и возможности обжалования действий суда. Много раз вносились изменения и в законодательство, определяющее сроки содержания обвиняемого под стражей в период предварительного следствия и судебного разбирательства (последние изменения были приняты в 1984 и 1986 годах). Однако коренной реформы уголовного и процессуального законодательства, направленной на его реши-

тельную демократизацию, которой давно уже добивается прогрессивная общественность страны, в Италии так и не было проведено. Несколько проектов нового уголовного кодекса, составленных в 60—70-х годах, носили, напротив, консервативный характер и не получили поддержки в парламенте. Реформа уголовно-процессуального законодательства, несмотря на издание целого ряда парламентских актов, признающих необходимость и неотложность осуществления такой реформы, до настоящего времени так и не проведена.

По всеобщему признанию, система уголовной юстиции Италии давно уже находится в состоянии глубокого кризиса. Он проявляется, прежде всего, в недемократичности существующей судебной процедуры, в неравенстве возможностей защиты у лиц, принадлежащих к привилегированным слоям общества, и у неимущих. Кризис находит свое выражение и в волоките, в том, что расследование преступлений и судебные разбирательства уголовных дел (так же как и гражданских споров) нередко растягиваются на долгие годы.

Все эти слабости итальянской юстиции мафия весьма умело использует в своих своекорыстных интересах. Адвокаты мафии под различными предлогами затягивают следствие и судебное разбирательство, широко используют лжесвидетелей и фабрикации доказательств «невиновности» своих подопечных и т. п. Обнаружилось, что некоторые адвокаты злоупотребляли своими правами защитников и служили «средством связи» между находящимися под стражей мафиози и остающимися на свободе их главарями или

подручными. Переходя ко все более решительным действиям, мафиози давно уже не ограничиваются подкупом сотрудников правоохранительных органов, а запугивают судей и особенно присяжных, убивают неугодных им свидетелей, создавая вокруг судебных процессов обстановку насилия и страха. И если раньше обычаи мафии запрещали убивать «служителей закона», то ныне среди ее жертв насчитываются генералы и полковники карабинеров, судьи, прокуроры, следователи и даже судебные эксперты.

Таковыми же методами убийств и запугиваний всех, кто причастен к судопроизводству, пользуются в Италии и террористы, принадлежащие к экстремистским политическим группировкам, независимо от того, какими лозунгами они прикрываются. Их деятельность, подобно мафии, способствует углублению кризиса итальянского правосудия.

В целях борьбы с мафией и участниками террористических группировок итальянские власти время от времени издают законы, призванные ограничить возможности злоупотребления ими общепринятыми демократическими правовыми институтами, а также использования пороков, присущих современной итальянской юстиции. В частности, в 1965 году был издан закон № 375, который, подобно существующей Парламентской комиссии, получил название «Антимафия», поскольку позволил устанавливать полицейский контроль над лицами, относительно которых существует лишь подозрение, что они принадлежат к мафии, и высылать этих лиц в места обязательного проживания, расположенные подальше от их обычного места жительства. Впоследствии были изданы за-

коны в 1975 году № 152 и в 1980 году № 151, значительно расширившие права полиции «по охране демократического порядка и общественной безопасности» и позволившие ей, в частности, получать у прокурора даже по телефону разрешение на производство арестов и обысков. В законе 1982 года № 304, озаглавленном «О мерах в защиту конституционного строя», предусмотрена возможность смягчения наказания «раскаявшимся» террористам, если они назовут своих сообщников как в ходе следствия или суда, так и во время отбывания наказания (эти положения были распространены и на участников банд мафиози). Особая роль в борьбе с преступлениями итальянской мафии принадлежит закону, проект которого был представлен в парламент его депутатом, руководителем сицилийских коммунистов Пио Ла Торре. Этот законопроект предусматривал проверку источников доходов у главарей мафии и их родственников, а также иные меры по борьбе с мафией. Законопроект, получивший имя «закона Ла Торре», был одобрен парламентом лишь после того, как были убиты его инициатор (30 апреля 1982 года) и посланный на Сицилию генерал карабинеров Далла Кьеза (3 сентября 1982 года), настаивавший на его немедленном принятии. (Деятельность Далла Кьезы на Сицилии описана в «Мафии против закона».) Его сын, журналист Нандо Далла Кьеза, выпустивший книгу об отце, продолжает расследование обстоятельств его гибели и роль в ней различных политических деятелей¹.

¹ «L'Espresso», 22 febbraio 1987, № 7.

За последнее время в Италии прошло несколько судебных процессов, на которых большому числу мафиози были предъявлены обвинения в тяжких преступлениях. Розарио Минна в предисловии к русскому изданию своей книги назвал один из этих процессов, начавшийся в Палермо в феврале 1986 года, самым крупным за всю историю Сицилии судебным процессом против мафии. Судебное разбирательство по этому делу, где обвинение было предъявлено почти 500 мафиози, в том числе и некоторым главарям мафии, продолжалось свыше года. Прогрессивная общественность Италии связывала с его исходом большие надежды. Однако многие на этом процессе (180 человек) были оправданы, а большинство даже признанных виновными отделалось лишением свободы, как правило, на срок не более 4—6 лет. Самое же главное, на этом процессе так и не были выявлены связи мафии с политиками, а следовательно, не были обнажены и хоть как-то затронуты корни ее могущества.

Итальянская коммунистическая партия (ИКП) придает большое значение борьбе с мафией, как с организацией, которая представляет собой опасную угрозу для демократии, тормоз на пути социального и политического прогресса итальянского общества. В документах ИКП, в частности в материалах проведенной ею в конце января—начале февраля 1987 года общенациональной конференции по проблемам юстиции, отмечалось, что успешная борьба трудящихся, всех прогрессивных сил страны с засильем мафии возможна только при условии проведения глубоких структурных преобразований во всей политической и правовой системе Ита-

лии¹. «Мафия против закона», которая, можно не сомневаться, будет с большим интересом встречена советским читателем, свидетельствует о полной оправданности такого вывода.

Доктор юридических наук, профессор
Ф. М. РЕШЕТНИКОВ

¹ «Rinascita», 10 gennaio 1987; «L'Unità», 3 febbraio 1987.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Советский читатель, без сомнения, слышан о сицилийской мафии. Уже многие годы мировая печать уделяет ей большое внимание. Сообщения об убийствах, совершаемых ею, попадают на первые полосы газет прежде всего потому, что эти убийства всегда носят вызывающий характер, а цели, которые они преследуют, неясны.

В последнее время средства массовой информации приписывают мафии роль, по существу, единственного поставщика героина — наркотика, разрушающего здоровье множества людей и вносящего хаос в общественный порядок западных стран. Когда преступные действия приобретают ярко выраженный политический характер, они выдвигают предположение, что за этими событиями тоже стоят высокопоставленные мафиози, как это было, например, после убийства президента США Кеннеди.

Однако многочисленные публикации о мафии лишь затрагивают многие проблемы, но объяснить и помочь решить их они не в состоянии. Так, например, героин получают в результате обработки опиума, а опиум, как известно, произрастает только в Турции и странах Индокитая, отделенных от родины мафии, итальянского острова Сицилия, от-

ромными расстояниями. К тому же в странах — производительницах героина — Турции и Таиланде — социальные группы, организующие его производство и не имеющие никакого отношения к мафии, наверняка связаны с Соединенными Штатами Америки. Следует заметить, что переправкой опиума из этих стран в Сицилию занимаются не только мафиози, но и другие преступные группировки. Кроме того, известно, что мафиози участвуют в международной контрабанде оружия. Совершенно очевидно, что фабриканты оружия не могут не знать, от кого они получают деньги, а поскольку производство оружия везде находится под контролем государства, то с уверенностью можно сказать, что использование людей из мафии здесь вовсе не случайно.

Когда же, наконец, возникает вопрос о том, пользуется ли мафия политическим весом, то мы становимся свидетелями любопытнейших фактов.

В Палермо в 1986—1987 годах шел самый крупный за всю историю острова судебный процесс против мафии.

На скамье подсудимых находились более четырехсот человек, два десятка из которых, без сомнения, являются главарями сицилийской мафии начиная с 1970 года.

Наиболее важным вопросом, рассматривавшимся на этом процессе, был вопрос о доказанности обвинений, выдвигаемых против подсудимых «Мазино» Бушеттой, уже в 1960 году принадлежавшим к высшим кругам мафии.

При появлении Бушетты в зале заседаний мафиози раздражались криками, ругательствами и оскорблениями в его адрес и

категорически отвергали все выдвигаемые им обвинения против них.

На одном из заседаний Лучиано Лиджо, один из боссов мафии, являющийся, пожалуй, главным обвиняемым на процессе, назвал Бушетту отъявленным лжецом и объяснил палермскому суду, почему, на его взгляд, тот выдвигает против него необоснованные обвинения. По его утверждению, в 1970 году он был близок к людям из окружения Бушетты, предложившего ему участвовать в фашистском перевороте, организатором которого был Валерио Боргезе, желавший покончить с демократией в Италии с помощью американцев. Лиджо якобы отказался принять это предложение, и за этот его шаг, направленный на сохранение законности и порядка, он, Лиджо, подвергается сегодня преследованиям подлеца Бушетты.

Сразу же после этого обнаружилось, что в ходе другого разбирательства, происходившего два года назад, Бушетта уже рассказывал суду о тех же фактах, касающихся планируемого Боргезе переворота, но в другой интерпретации. Бушетта утверждал, что переворот не удался только потому, что в те дни в Средиземном море курсировал мощный советский флот.

К сожалению, все разговоры о мафии — это лишь общие рассуждения, ограничивающиеся только описанием этого явления и не раскрывающие его причин.

Целью книги, написанной автором в 1983—1984 годах, явилось желание ответить на некоторые вопросы, возникающие при знакомстве с феноменом мафии. Кто такие мафиози, каково их происхождение, какие цели они преследуют? Почему и с чьей

помощью мафиози добились столь поразительных успехов? Каковы масштабы их деятельности?

Я также попытался связать деятельность мафии с событиями, происходящими на Сицилии, и с историей Италии в целом.

Особое внимание я старался обратить на природу мафии, понять психологию мафиози и то, почему они действуют именно так, а не иначе.

С моей точки зрения, на некоторые из этих вопросов мне удалось дать исчерпывающий ответ. Что касается других, то надеюсь, что мне удалось внести в них больше ясности.

РОЗАРИО МИННА

I. НОВАЯ МАФИЯ

О новой мафии — перерождении такого старого социального феномена, как сицилийская мафия, изменившего свою первоначальную природу, — говорят уже давно.

«Жажда обогащения» — так, выступая в 1963 году перед парламентской Комиссией по борьбе с мафией (ее еще называют «Антимафия»), определил эту перемену генеральный прокурор Палермо Стефано Меркаданте. По мнению Меркаданте, новые мафиози уже не являются порождением «внутренней жизни Западной Сицилии», как это было прежде, когда старая мафия свирепствовала даже в окрестностях города Кастроджованни, впоследствии переименованного фашистским правительством в город Энна. «Объясняется это тем, — пояснял прокурор, — что вереница следующих друг за другом убийств представляет собой финал конфликтов, в основе которых лежит стремление к обогащению».

Тем временем в 1980 году в Палермо от рук убийц погибло 63 человека, в 1981 году число убитых увеличилось вдвое — 122 жертвы, а в 1982 году в городе было зарегистрировано уже более 150 убийств.

Побоища, устроенные мафиози, вызвали в обществе большое возмущение. В различ-

ных концах Италии события толковались по-разному. Возросло количество исследований, направленных на выявление какой-то нити, которая могла бы связать все эти факты.

— В мафии наступает пора перемен,— говорили карабинеры.

А старые полицейские ищейки, поднатревшие в охоте за мафиози, добавляли, что «изменяется все, и трудно понять, в каком направлении, в интересах какой организации и под чьим руководством». Средства массовой информации и простые итальянцы пытались объяснить одно обстоятельство: почему в 1980 году такие известные вожаки мафии, как Бонтаде и Индзерилло, были убиты в Палермо из оружия одного и того же типа — автомата «АПК».

Нелегко установить, что скрывается за этой чередой столь таинственных убийств, почему зачастую остаются неизвестными имена убийц, и совсем уже редко открываются имена подлинных вдохновителей преступлений, которые, однако, если верить прессе, существуют.

«Если льется кровь, значит, мафия на перепутье»,— пишет в своей статье, опубликованной в парижском журнале «Экспресс», француз Р. К. Лантери, где он утверждает, что кровопускание, взбудоражившее общество на пороге 80-х годов, «является войной за наследство». Статья французского репортера вызвала огромный интерес, возможно, оттого, что с итальянцем жители Палермо не откровенничают на определенные темы, а может быть потому, что итальянцы вообще не умеют готовить подобные материалы.

В сицилийской мафии войны за наслед-

ство традиционно ведутся по одной схеме: «Какими бы запутанными ни были события, общие интересы мафии всегда одержат верх над интересами отдельных мафиози».

Как правило, борьба за наследство перерастает в войну при отсутствии законного наследника, то есть человека, в чьи руки, по всеобщему признанию, должна перейти власть. Когда положение главаря какой-нибудь группы настолько пошатнулось, что почти никто не подчиняется ему и не следует за ним, или же когда один или несколько приспешников решают, что время повелевать пришло наконец-то и для них,— столкновение между несколькими противоборствующими претендентами превращается в войну за наследство.

У войны за наследство могут быть и внешние причины. Например, война в палермской мафии в конце 60-х—начале 70-х годов была вызвана деятельностью парламентской Комиссии по борьбе с мафией: государственные органы, подстегиваемые ее присутствием на острове, совершили целый ряд «показательных облав» и посадили многих мафиози в тюрьму на острове Азинаре. Большое число боссов мафии было вынуждено бежать; молодые же мафиози, видя освободившиеся руководящие посты, решили, что настал как раз тот момент, когда можно снизу прорваться к командным высотам. Отсюда берет начало резня, вспыхнувшая среди мафиози в конце 60-х годов.

Лантери, объясняя причины возникновения войны 1980 года, не случайно вспомнил об этом и добавил еще ряд деталей. Начиная с похищения сына Джакомо Карузо—Антонио (Дж. Карузо—сицилийский богач,

близкий друг Бернардо Маттареллы, министра от христианско-демократической партии, поддерживавшего тесные отношения с прокурором Пьетро Скальоне, убитым через три месяца после похищения Антонио Карузо), в Сицилии в середине 70-х годов наступает пора громких похищений с целью выкупа. Таинственно исчез сын дона Чиччо Вассало, очень известного, неожиданно разбогатевшего строительного подрядчика из Палермо, чьими связями с влиятельными христианами Палермо Джойей и Лимой интересовалась «Антимафия». Беда коснулась и старого Корлео, миллионера, сборщика налогов в Западной Сицилии, чья семья поддерживает добрые отношения с христианским демократом депутатом Руффини, перебравшимся в Палермо из Венеции вслед за дядей, кардиналом Руффини. (Племянник впоследствии станет министром обороны, а затем министром иностранных дел в итальянском правительстве.) Попал в руки похитителей и сын одного из наиболее крупных предпринимателей и строительных подрядчиков Сицилии Лучиано Кассины. Кассина-отец, близко знакомый и с законами и с организацией местной мафии, поскольку он занимался в Палермо строительными подрядами—излюбленной сферой деятельности мафии,—вынужден был «унизиться» до того, что стал искать в приходах Палермо и Монреале священника, который мог бы помочь ему передать выкуп похитителям, лишь бы заполучить назад своего сына. С этими преступлениями связывались и убийства тех мафиози, которых считали причастными к похищениям.

По данным Лантери, взбодораженное об-

щественное мнение и миллиардные суммы, полученные от выкупов, вынудили боссов мафии в середине 70-х годов встретиться в Палермо и перекроить карту сфер влияния, которая с этого момента стала законом для всех. На том же самом совете, утверждает Лантери, было принято решение сократить количество похищений на Сицилии, перенеся одновременно этот преступный промысел на континентальную часть Италии, где подобных преступлений раньше почти не отмечалось. Приблизительно в это же время, замечает Лантери, перебрался на постоянное жительство в Милан и Лучиано Лиджо.

Однако это сообщение не соответствует действительности: «дон Тано» Бадаламенти и «дядюшка-кулачок» Джерландо Альберти появлялись в Эмилии-Романье и Ломбардии еще до 1960 года. В 1970 году «коротышка» Греко и «Мазино» Томмазо Бушетта были замечены и задержаны в Милане. Они умолчали о цели своей поездки, но их всегда сопровождал неперенный кортеж из итало-американцев и смазливых девиц, с которыми они останавливались в шикарных отелях или наведывались в соседнюю Швейцарию. Существовало предположение, что они намеревались встретиться с находившимся на нелегальном положении Лучиано Лиджо. Однако все эти факты на несколько лет предваряют похищение Ториелли — первое преступление такого рода, совершенное в Ломбардии. С 1969 года, после своего нашумевшего исчезновения из римской клиники, Лучиано Лиджо разыскивался в связи с постановлением генерального прокурора Палермо Пьетро Скальоне о его предварительном аресте. Но искали его почему-то лишь в районе Корле-

оне, хотя свои последние следы он оставил в Риме, а затем постоянно действовал из Милана. И почти наверняка именно «хромому» Лучиано Лиджо звонил в 1970 году из Рима и Неаполя Альберти.

Ни для кого не является тайной, что наркотики, традиционно вывозимые мафией с Ближнего Востока для продажи в США, с конца 60-х годов стали быстро распространяться по Милану, Турину и всей Северной Италии. Таким образом, половина выводов Лантери неверна.

Но, несмотря на путаницу в истолковании событий, Лантери констатирует в своей статье наличие нового факта: сицилийская мафия действует и в Милане!

Действительно, в июле 1979 года в Милане мафиози зверски убивают адвоката Джорджо Амброзоли, человека безупречной репутации, занимавшегося расследованием обстоятельств банкротства банков сицилиец Микеле Синдоны. Вскоре после этого в баре небольшого городка под Миланом падает на столик сраженный выстрелами из пистолета 38-го калибра некто Гуццарди, находившийся в 1976 году на скамье подсудимых среди наиболее опасных преступников во время судебного процесса над мафией в Милане. И там же, в Милане, в 1980 году убит в своей машине Нелло Перниче — «кум» и ближайший сподручный Лучиано Лиджо. Прошло всего несколько дней, как Перниче вышел из миланской тюрьмы Сан Витторе, где провел полгода в одиночной камере. Он был осужден за то, что скрыл имя человека, стрелявшего в него во время первого покушения. Тогда Перниче сумел спастись, спрятавшись за сопровождавшего его телохранителя, ко-

торый был убит на месте. Во второй раз смерть все же настигла его самого.

Сколько же лет прошло с тех пор, как сицилийская мафия появилась в Милане? 10 октября 1971 года миланская газета «Коррьере делла сера» посвятила целую полосу интервью Джерландо Альберти, «дядюшки-кулачка» (свое прозвище он получил из-за маленького роста и излишней полноты). Газета назвала Альберти самым коварным, самым жестоким и самым ловким главарем новой мафии. «Дядюшка-кулачок» скрывался от полиции, так как над ним висело обвинение в организации убийства палермского прокурора Пьетро Скальоне. Интервью у него брал журналист Дзикари, который сам оказался замешанным в темную историю, связанную со службой безопасности, будто бы направившей его на встречу с одним из руководителей неофашистских террористов. Любопытно, что как раз в момент опубликования интервью проходили заседания «Антимафии».

В газетном материале, посвященном Джерландо Альберти, первый вопрос и первый ответ были традиционными.

— Что такое мафия? Какой-то сорт сыра? Объясните мне сами, что это такое, потому что именно этого я и не знаю,— усмехается, прикидываясь простаком, «дядюшка-кулачок».

Альберти словоохотлив и отвечает на все вопросы.

— Полиция утверждает, что 29 июля 1970 года в автомашине, остановленной миланской автоинспекцией, находились вы, Томмазо Бушетта и Гаэтано Бадаламенти?

— Пусть мне докажут, что я был там,—

возражает Альберти и требует, чтобы ему показали хотя бы «обложку от его документов, пусть даже и фальшивых», которые он имел при себе в тот раз.

— Наркотики? В моих телефонных разговорах, прослушиваемых полицией, слово «наркотики» никогда не произносилось.

— Кто убил Скальоне? В Сицилии судебный чиновник — фигура священная... это могла быть и личная месть.

Но вот один очень значительный факт. Альберти все же признает, что в 1959 году он перебрался поближе к Милану, открыв свое дело по продаже тканей. Следовательно, к 1971 году, когда он давал свое интервью, прошло уже двенадцать лет с тех пор, как он избрал Милан центром своих интересов.

12 ноября 1980 года на первой странице «Коррьере делла сера» помещена заметка, в которой газета выражает сожаление, что скорый поезд на Сицилию отправился накануне из Милана с большим опозданием, но в точном соответствии с требованием некоего «дона» Вито, пославшего своих прихвостней предупредить начальника вокзала, что экспресс из Милана может уйти только тогда, когда «дону» Вито заблагорассудится прибыть на станцию.

Таким образом, на страницах крупнейшей итальянской газеты как бы «узаконивается» постоянное присутствие сицилийской мафии в Милане. Кажется, прошел целый век, а всего лишь в 1964 году решение «Антимафии», поставившей своей первоочередной задачей расследование положения в Сицилии, отправиться на остров вызвало гневную отповедь кардинала Палермо Руффини: «Без-

жалостная пропагандистская кампания через печать, радио и телевидение привела к тому, что заставила всю Италию и зарубежные страны поверить, будто общественная жизнь острова отравлена мафией, а все сицилийцы сплошь мафиози».

Но даже учитывая все изложенное выше, мы, к сожалению, не сумеем объяснить, что же скрывается за этим нагромождением убийств и любого рода преступлений.

Кончилось время, когда мафия была исключительно сицилийской. Последние две-три, триста, а, возможно, и пятьсот убийств, совершенных мафией в Италии от Палермо до Милана, почти совсем (примерно на 90%) утратили присущую им ранее «ритуальность»: в рот жертвы больше не вкладывают камень или деньги, на шею убитого не вешают отрезанные половые органы, а просто большая часть жертв оказывается убитой выстрелом из пистолета рядом со своим домом при выходе на работу. Говорят, что для убийства в Палермо киллеров набирают в Милане, кое-кто даже уверяет, что убийцы прилетают из Нью-Йорка. Милан и Нью-Йорк — или же, наоборот, Палермо, когда мафия собирается исполнить свой приговор в этих двух центрах, — являются к тому же городами, в которых никто не опознает наемного убийцу, стрелявшего за тысячу или десять тысяч километров от своего дома.

Прежде всего, почти ни в одном убийстве, о которых шла речь, не применялась лупара* — извечный фамильный герб сицилийской мафии: киллеры пользовались пи-

* Двуствольный обрез, заряженный картечью.—
Прим. перев.

столетом 38-го калибра или револьвером «магнум» калибра 357, то есть оружием, весьма распространенным в свое время и обладающим большой убойной силой. В Палермо мафия очень часто стреляет из автомата «АПК» — оружия, используемого в Италии также и террористами, появившимися на политической арене, как и новая мафия, в начале 70-х годов.

Сегодня мы с уверенностью можем сказать, что новейшие мафиози порывают со старыми традициями. Для них достаточно мертвого, убитого на улице человека. «Если они и убивают, то только потому, что должны утвердить собственное право на противозаконные действия. Это скорее средство, а не цель».

Начиная с 1970 года, как это верно отмечает Мадео, в мафии произошли «серьезные изменения как с психологической, так и с организационной точек зрения».

Однако если мы ограничимся простым описанием деятельности мафии, которое к тому же иногда приобретает слишком эмоциональную форму, это не позволит нам вплотную подойти и проанализировать цепь событий, происходящих в мафии.

Откровенно говоря, совсем не трудно найти причины, которые могут стоять за различными убийствами или многочисленными похищениями.

За всем этим должен скрываться огромный поток денег. Кого-то убивают в Палермо, и это убийство служит для захвата власти в Милане, или наоборот. Судебные следователи, ведущие многочисленные расследования, в конце концов обнаружили в 1980 году в Палермо одну за другой три

лаборатории по очистке героина. Это была первая удача следствия, к тому же она произошла за короткий отрезок времени — всего за два месяца. Кто же из главарей мафии пошел на предательство? Ведь для того, чтобы наладить подпольную торговлю наркотиками в Милане, мафиозо должен вывезти деньги из Сицилии? А если не из Сицилии, то откуда? Долги оплачиваются, а обманы и мошенничества смываются кровью. Ведь в эти же годы полиция столкнулась (или это была запланированная «случайность») с фактами причастности некоторых политических деятелей к темным махинациям.

Исследователь может заметить и другие любопытные факты. Так, судебные органы США, идя по следу связанного с итало-американской мафией Микеле Синдоны, выявили и отправили за решетку его итальянских сообщников из итало-американской масонской ложи, как, например, Мичели-Крими, а также нескольких лиц свободных профессий и крупных банковских служащих, проживающих в Палермо. Но, к сожалению, мафия лишает нас возможности тщательно разобраться в многочисленных данных, собранных о ней. Она заставляет говорить о себе с помощью выстрелов.

Первый выстрел прозвучал в мае 1971 года, когда среди бела дня в Палермо мафиози убили республиканского прокурора Пьетро Скальоне.

Следующими после него жертвами оказывались только лица, известные как мафиози. Но 20 августа 1977 года под Корлеоне киллеры застрелили полковника корпуса карабинеров Джузеппе Руссо, в течение мно-

гих лет проводившего расследования деятельности мафии в Палермо и в Сицилии. 9 марта 1979 года в Палермо был убит Микеле Реина, провинциальный секретарь христианско-демократической партии, потерпевшей недавно поражение на парламентских выборах. 21 июля 1979 года мафия убрала со своего пути заместителя начальника полицейского управления, командира мобильного отряда полиции Палермо Бориса Джулиано, сидевшего за чашечкой кофе в баре рядом со своим домом. Возможно, что кто-то специально заманил его туда. 25 сентября 1979 года от рук мафии погиб ставший знаменитым по процессам против мафии судебный следователь Чезаре Терранова, избравшийся в парламент в качестве независимого депутата при поддержке Итальянской компартии, в прошлом член комиссии «Антимафия». 6 января 1980 года в Палермо, у дверей своего дома, был убит председатель сицилийского регионального парламента Пьерсанти Маттарелла. 3 мая 1980 года в Монреале от пули мафии погиб капитан карабинеров Базиле. 6 августа 1980 года киллеры убили в Палермо республиканского прокурора Гаэтано Коста.

Когда, казалось, кровавое двухлетие 1979—1980 годов стало забываться, в 1982 году, накануне 1 Мая, праздника трудящихся, мафия убила, как обычно, подло, из-за угла, секретаря областного комитета ИКП на Сицилии, депутата парламента Пио Ла Торре.

Хроника говорит нам, что подобного раньше никогда не происходило. Мафия действует на Сицилии уже около 150 лет. Она всегда решительно расправлялась с «врага-

ми», но никогда не убивала, и тем более в такой короткий промежуток времени, столько высокопоставленных судебных чиновников и политических деятелей национального масштаба, таких, как П. Маттарелла и П. Ла Торре. Впервые мафиози несут ответственность за такое количество «сиятельных трупов». Все убитые относятся к высшим кругам Палермо, к социальной группе, вкус крови которой мафия впервые отведала лишь в эти годы.

Почему? В чем здесь причина?

Дерзкие убийства мафии вызвали в Италии настоящий шок. Социологи только еще начали ставить перед собой первые вопросы об их причинах, как мафиози нанесли новый удар.

3 сентября 1982 года в Палермо убит генерал Альберто Далла Кьеза.

При чем здесь Далла Кьеза? Почему именно он? Почему мафия стреляла из все того же автомата «АПК», который использовали и при убийстве главарей мафии Бонтаде и Индзерилло? Кто из главарей мафии хотел, чтобы его признали единственным организатором этих трех убийств? Кому предназначено его кровавое предупреждение?

«Сиятельные» жертвы мафии переносят возникающие вопросы непосредственно в сферу политики.

И здесь мы должны обратиться к обратной стороне понятия «власть мафии», выражающейся в «одобрении и признании этой власти». Кому-то, видно, хотелось, чтобы мафиози дошли до командных высот, захватили власть. Кто эти люди? Почему они на это согласились? Действительно ли мафия и политика связаны отношением, которое су-

существует между веревкой и повешенным? Прав ли был прокурор Скальоне, когда в 1969 году предупреждал парламентскую Комиссию по борьбе с мафией, что внутри этого сообщества находятся «люди, обладающие огромной властью, причем нам совершенно ничего не известно об их деятельности, они ни в чем себя не проявляют, и почти невозможно избежать их мести»?

Кажется, до сих пор ничего не известно о лицах, которым потребовались эти «сиятельные трупы», поэтому у человека, не связанного с мафией, возникает своего рода убеждение, что настоящих главарей мафии никто никогда не тронет.

Однако в 80-е годы все только и говорят о новой мафии, о которой толком никто ничего не знает, за исключением разве того, что она резко отличается от старой. После каждого очередного убийства пресса напоминает, что сегодня сицилийская мафия — это международный картель, транснациональная компания организованной преступности.

Поскольку в прошлом старая мафия являлась специфической «субкультурой насилия», необходимо решить вопрос, представляет ли собой новая мафия некое самостоятельное явление в современном ей мире или же речь идет об обыкновенных организованных группах, которые прибегают к насилию лишь как к орудию, с помощью которого можно достичь различных преимуществ и в первую очередь экономических?

Мы уже говорили, что это очень серьезная проблема, целый комплекс разнообразнейших вопросов, для решения которых необходимо выделить основную линию, органично связывающую между собой отдель-

ные выводы. В то же время мы предупреждали, что анализ деятельности мафии не сводится всего лишь к перечню совершенных ею убийств, поскольку мафиози играют значительную роль в жизни Сицилии и, следовательно, роль, важную для жизни всей Италии.

Исследование, посвященное новой мафии, должно носить исторический характер, т. к. только осмысление событий, происшедших от зарождения мафии до наших дней, позволит лучше и полнее понять происходящее сегодня. Это исследование должно идти по двум направлениям. Во-первых, необходимо установить, какие отношения возникли с годами между группами мафиози и органами власти? И во-вторых, каковы были внешние проявления внутренней структуры этих групп?

II. ИСТОРИЯ МАФИИ С 1800 ПО 1950 ГОД

Первоначальные сведения о сицилийской мафии относятся к первой половине XIX века.

С тех пор и вплоть до сегодняшнего дня мафия была неизбежной участницей всех событий, которыми отмечена история Италии. Однако мы можем заметить единую нить, проходящую через более чем полуторавековую историю мафии, в которой легко установить период господства старой мафии (приблизительно с 1800 по 1950 г.), переходную стадию (примерно с 1950 по 1970 г.) и современный этап — победу новой мафии (после 1970 г.).

В нашем исследовании мы рассмотрим эти три этапа.

1. МАФИЯ С 1800 ПО 1920 ГОД

Мафия родилась в XIX веке в треугольнике, на вершинах которого находятся города Палермо, Трапани и Агридженто. Но само слово «мафия» впервые появилось в 1862—1863 годах, когда в Палермо с большим успехом шла комедия Джузеппе Ричцотто «Мафиози из наместничества».

С неизбежностью возникает вопрос: появилась ли мафия в результате объединения

Италии с Сицилией или же молодому Итальянскому королевству она досталась в наследство от Бурбонов?

Ответ надо искать в особом характере сицилийского крупного помещичьего землевладения.

Монархи из династии Бурбонов, правившие королевством обеих Сицилий, жили в Неаполе, а управление островом поручали вице-королю. Бурбоны не доверяли сицилийским дворянам, которые в наполеоновский период имели возможность познакомиться с конституционной монархией, а в 1848 году, когда в Палермо вспыхнула революция, завершившаяся введением конституции, свергли с престола Фердинанда II. Король, восстановив через год свою абсолютную власть, в 1852 году посетил Сицилию, отказавшись, однако, заехать в Палермо.

Сицилийское дворянство никогда не было «придворной знатью», оно не было и «военной знатью», потому что Бурбоны вверяли свою личную безопасность, еще со времен якобинцев неоднократно подвергавшуюся угрозе, наемным войскам, набранным из швейцарцев.

Вся политическая жизнь в Палермо в начале XIX века заключалась в плетении заговоров и интриг вокруг вице-короля, а также публикации блестящих теоретических трудов по вопросам государства и права, которыми увлекалась небольшая группа дворян. Более того, в результате исторических условий, сложившихся в Палермо еще со времен нормандского завоевания, там не было «третьего сословия» (за исключением очень малочисленной группы), отличающегося от дворянства и духовенства, которое

могло бы благодаря своей многочисленности или крупным состояниям, оказывать давление на дворянство, что оживляло бы общественную жизнь острова. Буржуазии, которая именно в начале XIX века начинает расширять и укреплять свои позиции по всей Европе, в Палермо было еще совсем немного. Буржуа как бы укрывались под сенью феодалов, находясь в личной зависимости от них,— зависимости, построенной на «особых» отношениях между отдельными сеньорами и преданными им мелкими буржуа. Отсюда возникают покровительство и угодничество, породившие отраву фаворитизма и коррупции в бюрократических учреждениях правительства Бурбонов.

Дворяне Западной Сицилии (князья, герцоги, графы, маркизы, гранды), пользовавшиеся правом не снимать шляпу в присутствии короля и продавать дворянские титулы, жили на доходы от своих феодалов— крупных поместий, передававшихся по наследству.

В те времена средний феодал, как правило, превышал 1000 гектаров, но сам сеньор не мог управлять им, так как это означало бы «работать» и привело бы к потере им сословных прав и привилегий.

Начавшееся с 1700 года обесценение денег и стремление извлекать доходы из всего феодала, привели к дроблению феодальной латифундии на «массерии» (большие хутора), достаточно крупные территории, включавшие в себя десятки гектаров земли.

Феодал, разделенный на массерии, сдавался в аренду на основе «габеллы», т. е. за твердо установленную годовую плату, иногда в натуральном виде, независимо от размера уро-

жая. Арендная плата была ниже реально получаемого с земли дохода, что гарантировало прибыль арендатору, который стал называться «габеллотто». В свою очередь габеллотто или сами обрабатывали землю, и в этом случае поселялись в центре испольного хозяйства, или же по частям сдавали ее внаем, разделив на небольшие участки различных размеров. Таким образом, феодал эксплуатировался весь, целиком, а габеллотто стали взимать арендную плату натурой или деньгами, в зависимости от скользящих цен на товары. Это было стихийным применением в сицилийских условиях системы оплаты, известной уже в течение нескольких веков в английском сельском хозяйстве.

Габеллотто представляют собой новую социальную группу в сицилийской деревне первой половины XIX века. Они являются потомками крепостных феодала и выходят из его дворового окружения. Некоторым из них, правда, немногим, удастся разбогатеть настолько, что они оказываются в состоянии приобрести отдельные наделы или целые феоды, от которых желает избавиться помещик. В среде габеллотто появляются «бароны», покупающие у разорившегося аристократа вместе с землей и соответствующие титулы. В сущности, это «капиталисты», а не землевладельцы, так как земля все еще остается в собственности дворян. У габеллотто имеются наличные деньги, семена, сельскохозяйственные машины, скот. Из рядов габеллотто выходят священники, адвокаты, врачи. Это они вместе с дворянами первыми бросились на захват государственных земель, воспользовавшись тем, что обезоруженные крестьяне не могли оказать им

сопротивление и были вынуждены смириться с этим.

Габеллотто необходимо иметь в личном подчинении наемную силу: помощников, следящих за ходом работ, взимающих арендную плату (нередко с применением силы) и охраняющих обрабатываемую землю. Стражи габеллотто, даже тех из них, кто приобрел себе дворянские титулы, выполняют функции, присущие старому феодальному строю: надсмотрщиков, объездчиков, полевых сторожей и т. д. Габеллотто и их подчиненные — единственные в сицилийской деревне люди, у которых есть лошади и оружие. Фигура габеллотто олицетворяет собой бег времени в архаических сельских общинах Сицилии, теперь уже габеллотто, если захочет, может проломить голову любому человеку, он заключает и расторгает браки, дает и отнимает работу.

На самой нижней ступеньке сицилийской общины, почти в аду, находились батраки, крестьяне «без очага и крыши над головой», появившиеся в результате отмены крепостного права, которая началась в 1781 году. В одном только Палермо находилось «40 000 пролетариев, чье существование зависит от случая или каприза аристократа». Это были народные массы, жившие в беспросветной нужде и испытывавшие жестокую эксплуатацию со стороны господствующих классов.

В городах общественный порядок охранялся жандармами, подчинявшимися королю: традиционными для Бурбонов, как и во Франции Луи-Филиппа, стали набор и использование в полиции «уголовных элементов», поскольку считалось, что они более всего

подходят для борьбы с обыкновенными преступниками. Такая полиция была очень жестокой и вызывала всеобщую ненависть. Она не ограничивалась полумерами и поддерживала «прямые» связи с преступным миром. Еще более хитрой и зоркой она станет тогда, когда Бурбоны потребуют от нее слежки за «политическими».

В сельской местности Сицилии свирепствовали разбойники, в чьи ряды стекались взбунтовавшиеся против нищеты, ожесточенные голодом крестьяне, беглые преступники, которым в случае их ареста грозила смерть, солдаты-дезертиры, а порой и монахи, изгнанные или сбежавшие из монастырей. Против них помещики использовали «брави» — смелых, отчаянных слуг, обученных обращаться с оружием.

В 1812 году Бурбоны упразднили феодальное право, но объявили, безусловно под давлением сицилийского дворянства, что «все прежние феодальные владения, права и атрибуты» остаются «сообразно с пожалованием» в безраздельной собственности помещика.

Таким образом, феодал, несмотря на последующие законодательные меры, принятые в 1838 году, сохранится до 1860 года, когда в новом итальянском королевстве земли Западной Сицилии (Палермо, Трапани, Агридженто) на 90% оставались еще в руках феодалов.

Вплоть до 1860 года габеллотто являлись основным стержнем почти исключительно аграрной экономики Западной Сицилии. За эти годы они, невзирая на «личную» зависимость от помещика, сумели укрепить свое социальное положение, предусмотрительно

передавая по наследству как доходы, так и сам статус габеллотто последующим поколениям своих семей.

В том же, 1812 году по требованию сицилийских аристократов неаполитанские Бурбоны создали «вооруженные отряды» для усмирения разбойников в сельской местности.

Отряды состояли из групп вооруженных всадников, набираемых из лиц, не имевших отношения к королевской полиции. Они набирались на местах и, следовательно, были выходцами или из рядов «брави», или из стражников габеллотто и действовали под прямым командованием дворян и тех же самых габеллотто.

В сицилийской деревне в правление Бурбонов сталкивались между собой три войска: разбойники, вооруженные правительственные отряды, а также габеллотто с их людьми, которые защищали «селян», т. е. жителей поселков.

В отношениях между этими тремя вооруженными группами возникали конфликты, но одновременно у них были и общие интересы. Убийства чередовались с торгами и скупкой краденого скота и ворованных товаров, которыми занимались как габеллотто, так и бандиты. Иногда вооруженные отряды давали какой-нибудь шайке разбойников, разумеется после предварительного взноса соответствующей суммы, обещание воздержаться от нападений. Часто речь шла о поручении, заранее обговоренном с бандитами, отправиться на грабежи и разбой в соседние районы, а чаще против конкретного феодала или землевладельца, так что от такого налета тайный вдохновитель преступ-

ления извлекал личную выгоду. Похищения людей приносили бандитам богатые выкупы в наличных деньгах. Эта практика настолько окрепла и укоренилась, что даже богатые аристократы не раз страдали от нее.

Еще до 1840 года Бурбонов, этих властителей «административной монархии», подобной Габсбургской, откровенно и подробно извещали о сложившейся ситуации, приобретающей уже хронические формы. Лодовико Бианкини — высокопоставленный и образованный чиновник — предупреждал короля, что в сицилийских деревнях почти все землевладельцы платят «отчисления» (определенную ежегодную сумму) для умиротворения бандитов. Пьетро Калло Уллоа, королевский прокурор в судебном округе Трапани, предостерегал Неаполь, говоря, что «здесь во многих сельских местностях существуют братства, или своего рода секты, именующие себя партиями, без особой окраски или политической цели, без собраний, без всяких иных связей, кроме зависимости от главаря, являющегося либо землевладельцем, либо священником. Они применяют различные средства, помогающие им, если это необходимо, то добиваться снятия какого-нибудь чиновника, то защищать его, иной раз покровительствовать подсудимому, другой раз обвинить человека невиновного. Это как бы маленькие государства в государстве».

В таких условиях мафия уже вполне определенно существовала на Сицилии еще до объединения Италии.

Но те же самые габеллотто, хотя некоторые из них и вошли в «благородное» сословие, оказавшись в кругу тех, кто не запачкает своих рук, зарабатывая себе на жизнь,

никогда не имели в Сицилии той эпохи возможностей для приложения своих сил в общественной деятельности и находились куда ниже по своему положению, чем феодалы и сицилийские дворяне. Те держали в Палермо в своих руках всю государственную и политическую власть, будь то правительственные должности или же политические группировки, оказывавшие давление на вице-короля или выступавшие против Бурбонов. Но, как замечает историк Вирджилио Титоне, все эти дворяне и ассимилировавшиеся с ними буржуа занимались политикой довольно своеобразным образом. В своих научных трудах или при встречах и ожесточенных дискуссиях, завершавшихся составлением «программ и призывов», сицилийские дворяне не скрывали истоков и целей их политических движений и мужественно принимали от Бурбонов тюрьмы и смерть. Но они всегда отказывались замарать руки осуществлением своих идей. Так, в 1860 году молодые сицилийские дворяне, оказывая весьма решительную поддержку Гарибальди, сердито упрекали «барышников» за то, что они, будучи вовлеченными этими же самыми дворянами в движение гарибальдийцев, требовали, чтобы и синьоры вступили в открытую борьбу.

Когда в 1860 году Гарибальди высадился на Сицилии, его отряды (всеми признанный исторический факт) получили решительную поддержку со стороны сицилийских крестьян, посланных на помощь гарибальдийцам местными дворянами, такими, например, как Розолино Пило граф Капачи. Крестьяне следовали за Гарибальди по двум причинам: во-первых, потому, что в 1860 году не отмер-

ла еще «пуповина», связывавшая сицилийское дворянство и крестьянские массы, а также потому, что до крестьян докатились неясные, но захватившие их слухи, что обещанная Гарибальди свобода будет сопровождаться земельными реформами в пользу беднейших слоев.

Несомненно также то, что некоторая, пусть и незначительная, часть мафиози помогала гарибальдийцам. В деревнях, из которых стекались к Гарибальди крестьяне, мафиози держали оружие и лошадей. По своему характеру и роду занятий они командовали в этих местах, им одним были знакомы дороги и проходы, неизвестные для других—причина, по которой они прекрасно приспособились к партизанскому типу войны, с успехом применяемому Гарибальди. Есть и еще одно красноречивое свидетельство: умеренно-либеральный историк, королевский сенатор Рафаэле де Чезаре, непосредственный наблюдатель событий, друг и доверенное лицо многих видных политических деятелей того времени, писал, что уже в конце 1859 года либеральные сторонники объединения Италии поручили мафии убить в Палермо Манискалько, талантливого начальника бурбонской полиции, ставшего главным препятствием на пути готовящейся революции. Членом одного из дворянских комитетов был Филиппо Кордова, ставший впоследствии в 1867 году великим магистром итальянской масонской ложи. Кроме того, документированно подтверждено участие в гарибальдийском движении Мичели, Бадиа и других менее известных мафиози.

Лишь только стало забываться потрясение, вызванное гарибальдийской эпопеей и

жестоким подавлением восстания крестьян, требовавших раздела земель, как в Палермо высадились войска Виктора-Эмануила II.

К этому времени в городе уже бурлила политическая жизнь: из ссылок и тюрем возвращались бывшие мятежники, некоторые из них старались свести кое с кем старые счеты; в Палермо оставалось много гарибальдийцев, которые собирались смести все старое и поднять знамя демократии; росли ряды «образованных» сицилийцев, которые, как сообщал незадолго до прибытия Гарибальди английский консул Гудвин, мечтали об автономии острова. Крупные землевладельцы готовились отбить любые нападки на правовую систему и социальный порядок, на которых с незапамятных времен строилось их благополучие. Многочисленные убежденные сторонники Бурбонов начинали приходить в себя после ошеломляющего, молниеносного падения королевства (кстати сказать, Франческо II Бурбон будет постоянно получать большое количество голосов на первых сицилийских выборах). В 1860 году такой подъем политической жизни на Сицилии означал, помимо прочего, проведение выборов почти на все общественные должности.

Вслед за этим на Сицилии стали происходить странные события: барон Алькамский захватывает экипаж с новым интендантом, отправлявшимся в Алькамо как раз для руководства избирательной кампанией; какие-то лица обходят дома избирателей и передают жителям списки депутатов, за которых они обязаны проголосовать, если не хотят «испытать неприятности»; депутат национального парламента подстрекает бан-

дита на убийство советника Апелляционного суда, бывшего гарибальдийца Гуччоне, причем убийца затем находит укрытие на вилле одного из адвокатов. Палермо; там же, в Палермо, были застрелены два гарибальдийца, и кое-кто стал распускать слухи, что одному из них «досталось за то, что он угождал трем или четырем возлюбленным, не считая своей молодой жены». Но не следует переоценивать эти факты. В 1860—1861 годах происходят политические события, имеющие гораздо большее значение.

В октябре 1860 года Гарибальди учредил в Палермо Чрезвычайный государственный совет, в который вошли такие просвещенные деятели, как Микеле Амари, Перес, Феррара. Они считали, что необходимо принимать во внимание своеобразие сицилийской жизни, в связи с чем острову должна быть предоставлена значительная автономия. Это была политическая линия «ограниченного присоединения» к Пьемонту.

Итальянское правительство, составленное после смерти Кавура из лидеров исторической правой партии, не оказалось той политической силой, какой оно хотело и старалось быть. На Сицилии оно обрубилло все ростки демократического и автономного направления и, как впоследствии на всем Юге Италии, избрало политическую линию умеренных, состоящую в «безоговорочном присоединении» острова к Пьемонту, жестоко подавляя любое движение, уклоняющееся от этой линии. Для проведения такой политики правительству было необходимо «осуществить централизацию, дать новый толчок истощенной экономике Юга Италии, монополизировать власть». Оно изгнало гарибаль-

дийцев из административных органов, куда они вошли за короткий период правления Гарибальди, а затем методично и повсеместно преследовало их.

Историк Франко Мольфезе писал, что господствовавший в то время политический класс не сумел «в подходящий момент принять обоснованные требования, выдвигаемые оппозицией, или хотя бы существенную их часть». Совет о необходимости принятия таких требований был дан правительству в 1861 году Диомеде Панталеоне, откомандированным на Сицилию для выяснения реальной ситуации на острове.

На Сицилии правительственная линия вызвала недовольство почти во всех слоях населения.

В сентябре 1866 года в Палермо вспыхнуло восстание, получившее название «семь с половиной», длившееся, как видно из его названия, чуть больше недели. Восстание было «внезапным, хаотичным и запутанным, без определенных целей». Одной незначительной искры хватило на то, чтобы разгорелись антиправительственные настроения, накопившиеся повсеместно за шесть лет централизованного правления. В нем принимали участие священники, гарибальдийцы, сторонники Бурбонов, республиканцы и вся обездоленная часть населения Палермо, причем все они не были связаны между собой. К восстанию примкнули и даже отличились в нем некоторые мафиози, среди которых был знаменитый Тури Мичели, главарь мафии из Монреалья. Восстание, однако, не распространилось за пределы Палермо и довольно скоро было подавлено войсками генерала Кадорны.

На Сицилии, писал Гаэтано Фальцоне, после налетевшего шквала восстания уже «существует мафия».

Действительно, центральное правительство на Сицилии потерпело неудачу даже в сфере поддержания общественного порядка. После объединения Италии с почти циклической последовательностью, примерно раз в два года, проводились военные кампании против сицилийского бандитизма, но каждый раз они были изолированными, не скоординированными между собой и никогда не имели единого плана. Правительство, правда, использовало в этих кампаниях регулярные войска, но их количество всегда было слишком незначительно, и современный историк Джампьеро Кароччи выдвинул гипотезу, что историческая правая преднамеренно, словно отмеривая из пипетки, посылала только небольшие отряды карабинеров, чтобы посеять страх у сицилийских землевладельцев, рассматриваемых ею «как пешки в ее игре против революции». Борьба с бандитизмом велась с использованием опыта Бурбонов: в 1863 году были возрождены «вооруженные отряды», распущенные Гарибальди, а теперь возвращенные к жизни на тех же условиях получастных вооруженных формирований, сохранившихся вплоть до 1882 года под названием «конных ратников» или «конной стражи общественной безопасности». Снова приглашены в полицию бывшие уголовники для борьбы с преступным миром, хотя впоследствии выяснится, что полицейские Палермо были непосредственно замешаны в очень громкие, скандальные ограбления, сумма выручки от которых превышала несколько миллионов тогдашних лир. Аристократ Палеоло-

го под большим секретом в личной беседе открыл генералу Медичи имена нескольких преступников, разбойничавших в сельской местности, но вскоре некие «друзья» предупредили его, что он рассказал слишком много, и в итоге ему пришлось бежать из своей усадьбы.

Правительство само подливало масло в огонь, продолжая политику обязательной воинской повинности, на которую никогда не отваживались Бурбоны. В 1861 году оно оказалось перед фактом дезертирства более тысячи человек в одном лишь районе Палермо. Этим людям не оставалось ничего другого, как уйти в преступный мир, став «бандитами поневоле».

Правительственные репрессии против бандитизма окончились, по сути, провалом: на острове не только сохранялся разгул преступности, характерный для времени правления Бурбонов, но к нему еще добавлялось постоянное осадное положение, безжалостно введенное Римом после неудачных попыток подавить бандитизм.

Эта борьба совершенно не затронула мафию, что прекрасно почувствовали современники. 29 мая 1875 года Сораньи, возглавлявший в то время префектуру Палермо, писал министру внутренних дел, что «...мафия ...эта обширная организация, которая расползлась по всему социальному организму, играя на противоположных чувствах, угрожая, покровительствуя и пытаясь подменить законную власть собою... обладает большей силой, чем правительство и закон». Таким образом, префектура впервые официально отделила мафию от бандитизма и, противопоставляя ее бандам разбойников,

указала, что это она «основная причина зла, упорно отстаивающая свою организацию и обновляющая редеющие ряды преступников».

Вскоре мафия опять заставила говорить о себе. 25 июля 1861 года князь Мирто направил петицию королевскому наместнику в Палермо, в которой жаловался на то, что габеллотто прибегают к «вендетте» как против крестьян, так и против землевладельцев. Сам королевский наместник еще с января 1861 года уведомлял правительство о продолжающейся цепи убийств и похищений людей (последние обычно заканчивались уплатой выкупа в размере от трех до шести тысяч лир). Все правительственные чиновники в докладах, которые будут опубликованы намного позже, информировали министерство внутренних дел о том, что население не оказывает им никакой помощи в поимке преступников, что сицилийцы предпочитают разрешать свои проблемы сами, что судьи и полицейские часто бывают подкуплены или проявляют слишком большую терпимость и мягкость, сталкиваясь с молчанием подозреваемых и обвиняемых.

Кажется, что на Сицилии сразу же после 1860 года наибольшая обеспокоенность правительства в деле поддержания общественного порядка была связана с подавлением предполагаемого или действительного революционного движения. Только этим предположением можно объяснить некоторые действия властей, которые в противном случае выглядели бы колоссальной ошибкой. В апреле 1865 года префект Палермо маркиз Филиппо Гуальтерио в официальном донесении министру внутренних дел впервые употребил

слово «мафия». Гуальтерио спешил уведомить правительство о взрывоопасной обстановке в Палермо. По его мнению, мафия, вероятно, могла оказать помощь скрывающемуся от правосудия Бадиа, который в 1863 году был сподвижником Гарибальди под Аспромонте. Иными словами, Гуальтерио боялся, что усиление мафии будет содействовать разжиганию восстаний и мятежей среди населения Палермо. Однако следует признать, что Гуальтерио, чиновник, строго придерживающийся иерархических принципов, в угоду римскому правительству подогнал толкование феномена мафии под то, которое отвечало взглядам и программам этого правительства.

И все же Гуальтерио показал действительное положение дел. Известил правительство о том, что многие землевладельцы, внешне оставаясь «честными» и «порядочными», из страха понести серьезные убытки вступили в «пусть даже молчаливый» союз с мафией, а сами мафиози уже тесно сплелись со многими семьями, которые начали обогащаться после объединения Италии.

В государственном архиве Палермо, издающем сегодня без указания настоящих фамилий все подлинные документы тех дней, хранятся бумаги, доказывающие, что уже в те годы много богатых людей, лишенных официальной защиты полиции и правосудия, вынужденно или своекорыстно поддерживали связи с мафией.

Уже в 1861 году Панталеоне, а в 1863 году Дзеннер обвинили зажиточные круги Палермо в том, что они пристрастились к насилию, злоупотреблениям, обману и мошенничеству. Префекты, квесторы, судей-

ские чиновники и журналисты начинают в эти же годы разоблачать вмешательство мафиози в муниципальные выборы и назначения на административные должности в Палермо, Трапани и Агридженто. Факты говорят нам о том, что сицилийцы, встречаясь с мафией, объединяющей бандитов, не сомневались в том, что нити от нее тянутся к другой организации, которую называли мафией «белых перчаток».

31 июля 1874 года префект Палермо Распони в официальном донесении министерству внутренних дел предупреждал о необходимости отличать «открыто действующего мафиози» от того, «кто действует тайно, но к кому стекаются все сведения и секреты, касающиеся замысла и исполнения преступлений». Распони был убежден, что «богатый человек опускается до уровня мафиози, чтобы уберечь целой и невредимой от неизлечимой язвы бандитизма свою жизнь и свою собственность, или же использует мафию как орудие сохранения былого превосходства, которое ныне он начинает утрачивать из-за появления либеральных учреждений и расширения свобод».

Случилось так, что сицилийцы три раза подряд стали свидетелями уверенной победы мафии в «белых перчатках», против которой уже с 1868 года безуспешно боролся генеральный прокурор Палермо Борсани.

В 1871 году генеральный королевский прокурор Палермо Тайани выдал ордер на арест квестора Палермо Альбанезе, обвиняемого в тайном сговоре с мафией, однако Альбанезе оправдали, и он остался на своей должности, в то время как Тайани, сделавший впоследствии заметную карьеру, дослу-

жившись до поста министра, был вынужден покинуть Палермо.

В 1875 году полиция провела удачную операцию и арестовала «собравшихся за братской трапезой и прихвативших с собой оружие» членов банды Сайева. Вместе с ними задержали барона Калауро, землевладельцев братьев Чезаре и Инноченцо Траинити, которые были предводителями мафии «белых перчаток» в Джирдженте. Влияние, хитрость и уловки старой мафии, которых так опасался и о которых писал в своем докладе министру префект Палермо, в конце концов победили: бандитов судили отдельно, они получили строгие приговоры, вплоть до пожизненной каторги, а бароны, чье дело слушалось в суде в отсутствие бандитов, отделались тремя—шестью годами тюрьмы.

И наконец, префект Палермо Манусарди, проводивший безжалостную борьбу с бандитизмом, доносил в 1878 году правительству, что маркиз Спинола, управляющий имуществом палермского королевского дворца, является сообщником мафии. В результате сам Манусарди вынужден был подать прошение об отставке.

Несмотря на все эти неудачи, как утверждали в 1876 году Л. Франкетти и Дж. С. Соннино, «достаточно было бы трех дней согласованных действий, чтобы истребить на острове индустрию насилия».

С кем же надо было согласовать такие действия?

Несомненно, самым главным союзником в этой борьбе могли стать деревенские батраки и городской пролетариат—социальные группы, составляющие подавляющее большинство населения, отстраненное от полити-

ческой борьбы и жестоко эксплуатируемое землевладельцами и городской буржуазией.

Когда после 1870 года в Палермо появились первые группы социалистов, полиция сразу же обвинила их в связях с мафией, однако в тюрьму были брошены не мафиози, а руководители социалистов.

Вполне понятно, что соглашения, направленного на борьбу с мафией, мафиози допустить не могли. Как отмечали Франкетти и Соннино, они «содержат агентов даже в Риме, направляя их во все министерства шпионить, интриговать, ходатайствовать». Такое соглашение так и не состоялось, поскольку, замечают Франкетти и Соннино, на Сицилии «господствующий класс неизбежно склонялся к покровительству преступникам». Этот господствующий класс состоял в то время из «людей, яростно оберегавших свои привилегии и власть, которая на Сицилии, больше чем в любом другом месте, приносила богатства, людей, с неудержимой страстью стремившихся к самовластию, нетерпимых к оскорблениям, неумолимых в соперничестве за власть, влияние и доходы, наиболее непримиримых в ненависти, наиболее жестоких в мести».

Франкетти и Соннино («два прекрасных молодых человека, умных, образованных, богатых, бескорыстных, хорошо знающих историю, экономику и право, подготовленных на манер английских политических лидеров к общественной деятельности» — как охарактеризует их спустя годы, не без некоторой, правда, иронии, Луиджи Капуана) являются, по мнению некоторых сицилийцев, «двумя клеветниками», написавшими «этот гнусный пасквиль». Но если вспом-

нить, кто эти молодые люди, и прежде всего Соннино, который до конца своей жизни оставался верным исследователем исторической правды, то вряд ли можно допустить, что они сознательно искажали действительность.

Большая часть официальных актов, о которых говорилось ранее, подтверждает правильность анализа, произведенного Франкетти и Соннино, которые, без сомнения, не были знакомы с этими документами, недоступными в их время для ознакомления под предлогом сохранения государственной тайны. Но сама природа приводимых ими фактов доказывает истинность выводов, сделанных Франкетти и Соннино.

Действительно, все источники подтверждают, что в первые годы после объединения Италии политическую игру вели отнюдь не мафиози. Согласно действовавшему тогда избирательному закону, с 1861 по 1882 год право на участие в выборах имели только 2% всего итальянского населения, а на Сицилии число избирателей едва превышало 40 000 человек, из которых 20% (удивительно высокий процент для такого числа избирателей) воздержались от участия в голосовании. Среди этих 2% населения, обладавшего правом голоса, мафиози были белыми воронами: в списки избирателей, конечно же, не входили полевые стражники и охранники, не имевшие необходимого ценза. Также незначительно и число габеллотто, принимавших участие в выборах, т. к., будучи капиталистами («перекупщиками»), а не землевладельцами, они испытывали определенные трудности, когда требовалось официально подтвердить размеры их доходов. К тому же в среде

габеллотто и их подчиненных встречались и неграмотные, что автоматически лишало их избирательных прав. Кстати, среди депутатов, избранных на первых выборах, подавляющее большинство составляли представители дворянства или городской буржуазии, тесно связанной с дворянами.

Следовательно, в 1861 году «почтенный» депутат, руками мафиози убивающий гарибальдийца, или барон, занимающийся предвыборными махинациями и с помощью мафиози похищающий карету с чиновником, в обязанности которого входит контроль за прохождением избирательной кампании, или же тот, кто всерьез угрожает избирателям в случае их неповиновения,— все они не могут не принадлежать к господствующему классу.

Мафия в первые годы после объединения Италии являлась орудием в чужих руках, и именно эти люди использовали мафию в своих интересах, согласно критериям «персонализма и насилия», присущего сицилийским феодалам. У господствующего класса на Сицилии нет в политике «аристократической традиции», которая, по словам Титоне, существовала в Тоскане, Пьемонте, Ломбардии и Венеции.

Мафиози следовали за чужой политикой, для поддержания которой они и вербовались. В 1866 году мафиози участвовали в восстании «семи с половиной», которое стало первым наглядным проявлением краха государственной политики в Сицилии. Даже восстание не заставило правительство задуматься о собственных ошибках. В 1867 году парламент направил в Палермо специальную комиссию для выяснения положения в городе, но тот же самый парламент отверг и прова-

лил одно из предложений комиссии об учреждении «специального фонда», в связи с «неотложной необходимостью» прокладки дорог в районе Палермо. Вслед за этим из провинциального совета вышел маркиз ди Рудини, сторонник исторической правой, действовавший весьма решительно при подавлении восстания «семи с половиной».

Отказ правительства согласиться с выводами комиссии вызвал на Сицилии большое недовольство, в результате чего «различные идеологические фракции» слились в один сплоченный оппозиционный фронт, выступающий против исторической правой. Регионалисты, сторонники автономии, приверженцы Бурбонов, клерикалы, масоны-республиканцы Финоккьяро Априле, демократы-гарибальдийцы создают единый блок, объединившись вокруг требования «административной и политической децентрализации» острова. К этому требованию присоединились участники различных политических акций, начиная от выступлений аристократов против центральной власти, отвергавших даже идею объединенной Италии, если при этом подвергалась опасности система феодальных порядков на Сицилии, и кончая различными движениями противоположного идеологического характера, отражавшими точку зрения разнообразных противоборствующих группировок.

На выборах 1874 года коалиционная оппозиция Сицилии завоевала 43 депутатских места из 48.

Впервые в истории Италии выборы на Сицилии приобретают важное значение для всей страны: историческая правая терпит в парламенте поражение и, поскольку на но-

вых выборах в 1876 году сицилийская оппозиция опять завоевывает 43 депутатских кресла, сицилийцы оказываются решающей силой при формировании нового правительства Депретиса, с которым к власти приходят левые. Однако левые, возглавляемые масоном Депретисом, не имеют такой четкой политической программы, как у исторической правой, если не принимать во внимание ее политического значения. Историческая левая возникла из союза парламентариев, избранных в избирательных округах, выдвигающих только одного депутата, в которых почти отсутствовали политические партии. Она сформировалась на основе целого ряда «личных» соглашений, ориентированных на исправление той или иной ошибки, допущенной исторической правой, или же направленных на удовлетворение того или иного требования той или иной группы. Поэтому современники сразу же заметили, что «трансформизм» — это болото, в котором не может не увязнуть тот, кто провозглашает гарантированную «управляемость», но сводит ее к простой смене руководства.

В 1877 году немецкий журналист Хиллебранд с большой долей скептицизма спрашивал, сумеет ли Никотера, новый министр внутренних дел в правительстве исторической левой, обуздать, даже с помощью чрезвычайных мер, «мафию в белых перчатках». Никотера действительно провел серию безжалостных экспедиций и решительных акций против рядовых сицилийских бандитов, но на этот раз на Сицилии поднялась целая волна протестов и осуждения, причем в масштабах, во много раз превышающих оказанные теми же сицилийцами аналогич-

ным мерам правой, так как осадное положение, введенное правительством, приводило лишь к росту беззакония. Префекты, квесторы, обычные граждане по-прежнему будут свидетельствовать, что мафия год от года укрепляет свою власть.

Отсюда возникает все более отчетливое ощущение, что с приходом к власти исторической левой на Сицилии победила «оппозиция мафиози», ради которой «государство отказалось от своих полномочий в пользу баронов». Многие исследователи уже склонны считать, что победе исторической левой на выборах в Сицилии содействовали именно мафиози.

Как раз в этот период «власть мафии» становится все более заметной, так как приобретает новые черты.

Полевые сторожа, надсмотрщики, охранники—люди, которых вооружали габеллотто,—превращают «феодалное право сеньора» в «пиццо» (остроконечную бородку), которое мафиозо должен окунуть в чужую тарелку, как остроумно заметил немецкий социолог Гесс. Землевладелец и арендатор при феодализме, соблюдая так называемое «макаронное право», выплачивали определенную сумму тому, кто охранял от воров их поля и скот. Это право было частью «сторожевого права», в соответствии с требованиями которого сеньору оплачивали его расходы по содержанию отряда сельских стражников. После отмены в 1860 году феодального права сеньору больше не платят ничего, но сторож все равно получает свою долю, так как если землевладелец или арендатор откажутся платить стражникам, у них в буквальном смысле испарятся виноградники,

пшеничные поля и скот. Поскольку на острове отсутствует какая-либо сила, способная обуздать мафиози, «пиццо» постепенно становится частью прибыли, которую землевладелец или арендатор вынужден платить мафиозо, если он и впредь намерен получать доходы со своего земельного владения, а не видеть, как оно превращается в пустыню.

Дворянин платит и помалкивает. Он не смеет выступить с требованием обуздать мафиозо-вымогателя, так как, обращаясь к королевским карабинерам за помощью, «он опустится до признания своего собственного бессилия».

Бедняк платит и тоже помалкивает. Он сознает свою полную беззащитность перед лицом вооруженного насильника, потому что из-за спины мафиозо, отправленного в тюрьму, возникают сотни других, готовых кровью смыть «нанесенное оскорбление».

Произвол мафии не нравится всем, но мафиози плевать на то, что против них растет и усиливается всеобщая ненависть. Когда в 1894 году, выступая в парламенте, маркиз Сан Джулиано заявил, что на Сицилии народ не испытывает неприязни к дворянам, а смертельно ненавидит габеллотто, так как именно они устанавливают размер арендной платы, которую бедняки обязаны платить дворянам-землевладельцам, всем стало ясно, что владычество мафии укоренилось в самой иерархической системе власти, действующей на Сицилии.

Именно мафия с ее культом насилия отныне определяет истинное положение дел на острове.

Феодализм юридически был упразднен на Сицилии в 1860 году, но экономика острова по-прежнему продолжала опираться на систему латифундий, упадок которой из-за внутренних экономических причин станет очевиден только после второй мировой войны.

Земля, как и раньше, обрабатывалась с использованием системы аренды и «габеллы». При таком положении мафиози-габеллотто оказывались незаменимыми, так как никто, кроме них, не умел поддерживать сложившиеся отношения, извлекая из них выгоду. Когда цены на сельскохозяйственную продукцию росли, они вносили за аренду денежную плату в заранее установленном размере, в случае же их падения расплачивались натуральным продуктом. Мафиози были очень инициативны при определении размера арендной платы, навязывая землевладельцам свою цену за сдаваемый внаем участок. Если у какого-нибудь землевладельца возникало желание воспротивиться этому диктату, то в запасе у мафиози всегда оставался «говорящий выстрел», когда пуля пролетала на расстоянии ладони над головой несговорчивого землевладельца, выбивая из нее всякую охоту к сопротивлению. У богатого, связанного с мафией габеллотто находилась в подчинении целая армия полевых сторожей, охранников, объездчиков, надсмотрщиков, нужных ему для того, чтобы заставить батраков и крестьян, взявших землю в поднаем, оплатить субаренду и усердно и беспрекословно работать на хозяина.

Изображение мафиози как всего лишь паразитической окаменелости в структуре сицилийской деревни неверно.

Напротив, мафиози, чтобы утвердить в общественном мнении свою роль, с раннего детства работали за троих и устремлялись в любое место, где появлялась возможность увеличить состояние и проявить свою власть. Серные рудники и соляные копи принадлежали дворянам, но и сюда проникают мафиози, арендуют и покупают шахты, так что в конце концов они все оказываются в их руках. Зерно, виноград, маслины — все это сельскохозяйственное сырье, которое еще должно быть переработано и превращено в муку, вино и масло. В таком отсталом и патриархальном крае, каким в конце XIX века была сицилийская деревня, все оборудование, необходимое для переработки сырья, находилось тут же, в деревне. Мельницы, маслобойни, ножные давилки для винограда располагались в строениях, занимавших территорию, равную целой деревне, образуя сицилийские массерии (хутора). Транспорт, необходимый для перевозок, также находился в руках мафиози, использовавших его, кроме того, и в своих преступных целях.

Но масло и вино, овощи и фрукты, соль и сера должны быть проданы и, участвуя в торговых сделках, которые, расширяясь, должны были со временем выйти из-под их контроля, сельские мафиози спускаются в города, где вскоре достигают такого положения, с которым уже нельзя не считаться даже в Палермо, где в 1875 году они вступают в торговые ассоциации, связанные вначале с мукомолами и скотоводами.

Сельский мафиозо становится и единственным банкиром в сицилийской деревне. Механизм его действий очень прост: мафиозо-габеллотто одалживает крестьянину-

арендатору семена и требует вернуть долг натурой с надбавкой, достигающей 20—30%. Только габеллотто имеет наличные деньги, которые он может в случае надобности ссудить на свадьбу, похороны, на случай болезни или эмиграции. «Дядюшка» принимает просителей, обходясь без банковских формальностей. Он чутьем распознает того, кому можно отложить уплату долга без лишних расписок, потому что, если крестьянин-должник не вернет взятое в срок, «дядюшка» станет хозяином его осла, халупы, а иногда и самой жизни, принудив должника подкараулить и убить человека, на которого он ему укажет. Итак, с самого начала ростовщичество и смерть шагают рядом в структуре власти мафиози. Идя таким путем, мафия к концу XIX века станет основным стержнем экономики в сельских районах вокруг Палермо, Трапани и Агридженто, где не происходит абсолютно ничего, что было бы неуютно мафии.

Так, начиная с 1875 года мафиози вступают на путь «первоначального накопления» и приобретают все больше денег и власти.

Но возрастающее с каждым днем значение мафии в экономике Западной Сицилии на рубеже веков все-таки еще относительно.

С одной стороны, неправомерно было бы приклеивать мафии конца XIX—начала XX века ярлык «формирующейся буржуазии», так как для отсталого сельского хозяйства Сицилии сам термин «буржуазия», который мы употребляем только по отношению к индустриальному обществу, может показаться абсурдным. Общий объем сицилийской экономики пока еще невелик. Мафиозо еще не стал хозяином безграничных

земельных угодий. Лишь тот, кто владел огромными поместьями, мог называться подлинным богачом на Сицилии того времени. Умирая (часто от пули, выпущенной из лупары), мафиозо не оставлял своим детям «капитала», на ренту от которого они могли бы существовать. Дети мафиозо должны были продолжать и расширять дело отца и упрочивать свое положение.

С другой стороны, мафиози, составлявшие в тот период незначительное меньшинство среди основного населения острова, продолжали занимать более низкое социальное положение относительно некоторых других социальных групп.

Еще не утратило своего значения сицилийское дворянство.

На протяжении многих лет после объединения Италии сицилийцы, не принадлежавшие к дворянскому сословию, еще никак не могли отказаться от публичного целования руки сеньора. Вплоть до 1946 года, когда в Италии пала монархия, которая на Сицилии, как и во всей южной части страны, будет в течение последующего двадцатилетия оставаться влиятельной политической силой, дворянская знать сохраняла почти абсолютную монополию на высокие дипломатические посты и высшие звания в армии—государственные должности, которые даже при фашизме останутся феодальной привилегией сторонников короля. В 1860 году дворянам принадлежало около 90% земель, в начале XX века они были владельцами 75% земельных угодий, а в 1946 году помещики еще имели в своей собственности около 27% земель. Нетрудно понять, что первоначальное дробление и последующая продажа при-

надлежавшей дворянству земельной собственности явилась результатом наследственных разделов, начавшихся в связи с полной отменой феодального права.

Экономический кризис, вызванный на Сицилии таможенной войной, связанной с поставками вина, которую развязало против Франции в 1881 году германофильское правительство исторической левой, сильно ударил по дворянству, но оно не нашло ничего лучшего, чем по-прежнему продолжать сдавать в аренду свои огромные земельные угодья. Больше того, чем сильнее рос авторитет мафии, тем сильнее проявлялось стремление сдать свои земли в аренду наиболее могущественному мафиозо-габеллотто. (Достаточно вспомнить о распрях, возникших среди сицилийских помещиков уже после 1945 года, когда многие из них стремились заручиться услугами знаменитого «дядюшки Кало» Виццини.)

Рядом с дворянством после 1875 года день ото дня все сильнее утверждалось «баронское» сословие, которое в какой-то мере можно определить как «аграрную буржуазию» Сицилии до 1920 года. Это — представители свободных профессий, капиталисты, владельцы недвижимой собственности, а также сливки габеллотто, которые в погоне за земельными владениями, весьма характерной для Сицилии в эпоху после объединения Италии, скупают поступающие в свободную продажу дворянские имения. Это они стояли у колыбели торгово-промышленно-финансовых групп Флорио и Рубаттино, они скупили примерно 200 тысяч гектаров земли, конфискованной государством у церкви, которая с 1860 по 1890 год

была распродана частным лицам, и 93% ее оказалось в руках тех, кто уже владел земельной собственностью, так что к концу XIX века количество земель, не принадлежащих помещикам, возрастает с 200 тысяч до 650 тыс. гектаров. В 1893 году новые землевладельцы положили конец начавшемуся еще при феодалах расхищению городских и коммунальных земель, приняв постановление в пользу тех, кто уже захватил эти земли, то есть в свою собственную пользу. Только с 1870 по 1874 год они получили от Сицилийского банка займов на сумму три миллиона лир и сумели значительно увеличить количество займов после прихода к власти правительства исторической левой.

С этой буржуазией мафия поддерживала родственные связи, потому что «многие мафиози выводили своих детей в священники, врачи, адвокаты и таким образом проталкивали их в круг влиятельных людей». Во все времена организации мафии — «коске» — был необходим «покровитель, как слону бывает необходим хобот». Мафиози нужен был «патрон» из культурной среды — человек, который бы разбирался в налоговой системе и нотариальных актах, мог повлиять на ведение судебного процесса и уладить неприятности с полицией. При этом патрон становился «белой перчаткой» мафии: буржуа-барон — сам по себе не мафиозо, но ему мафиози, «почти полностью безграмотные», вверяют свои отношения с цивилизованным миром, то есть с государством и его аппаратом. И вполне естественно, что многие буржуа-бароны сообщали мафиози необходимые сведения, руководили ими и направляли их вендетты и преступные действия, в связи с

чем в 1910 году в одном из многих, но всегда поверхностных, парламентских расследований о положении на Сицилии утверждалось, что «некие честолюбивые состоятельные лица» являются настоящими «вожаками мафии».

В этом переплетении экономических и человеческих отношений проявлялся «персонализм» сицилийского господствующего класса, который сознательно способствовал взлету мафии, выражавшемуся в безнаказанности действий мафиози, чье падение (каторга) подрубило бы как систему аренды-габеллы, так и прибыльное ремесло патрона-та. Действительно, дворяне и бароны, «если они хотят использовать преступный мир в своих целях, должны по крайней мере дать ему возможность блюсти свои частные интересы», поскольку безнаказанность мафиози «является платой, которую вносят господствующие круги за то, чтобы всегда иметь в собственном распоряжении средства насилия», писали в своем исследовании Франкетти и Соннино. Таким образом, с одной стороны, действуют «кроткие мафиози», занимающиеся их излюбленным вымогательством, а с другой — патроны, заседающие в парламенте, куда пробился баронат, или в сенате, в который длительное время назначались только князья и маркизы.

В деревнях мафиози-габеллотто поддерживали реальную плату за труд сельских батраков на уровне ниже прожиточного минимума, что заставило эмигрировать из Сицилии с 1880 по 1913 год более 800 тыс. человек, из которых около 200 тыс. в 1915 году возвратились назад. Начиная с 1890 года, когда в Генуе была создана Итальянская

социалистическая партия, сицилийские трудящиеся, и в первую очередь сельские батраки, примыкают к социалистическому движению и начинают решительную борьбу за изменение существующего порядка. С этого момента правительство перестает видеть в них всего лишь «заговорщиков и конспираторов», а начинает рассматривать народные массы как политическую силу, которая подрывает сицилийскую экономику, базирующуюся на жестокой эксплуатации батраков мафиози. Итальянское правительство в это время возглавлял сицилиец Криспи, связанный с масонами представитель бароната, который с помощью пушек и тюрем решил расправиться с трудящимися из сицилийских фаши*. В подавление народных волнений вмешалась и мафия: полевые сторожа, охранники, объездчики, состоявшие в еще существующих вооруженных отрядах, а после роспуска последних служившие полевыми сторожами, расстреливали манифестантов, шедших под социалистическими лозунгами, устраивали самую настоящую резню, как, например, в Граммикеле, где в 1905 году было убито 18 и ранено около 200 крестьян.

Именно мафия убивает в годы правления Джолитти профсоюзных лидеров Панепинто и Верро, а бароны срывают предложенную Криспи более чем робкую попытку аграрной реформы 1896 года.

С приходом к власти исторической левой (1875—1915) политическая ситуация на Сици-

* Движение сицилийских крестьян возглавлялось так называемыми «фаши», или «союзами трудящихся». Название «фаши» происходит от *fascio* — союз, объединение.— *Прим. перев.*

лии меняется, но в то же время политические связи между господствующими классами и мафиози становятся еще более тесными, прямыми, публичными, то есть создается их своего рода сообщество.

Начиная с 1882 года подвергается различным изменениям избирательный закон. Так, например, количество избирателей по отношению к общему числу населения всей Италии с 2% (примерно 600 тыс. человек по всей Италии) в 1861 году возрастает до 8% (около 2 миллионов человек) в 1882 году, вплоть до завоевания в 1913 году избирательного права для всех мужчин. В связи с этим увеличилось число лиц, имевших право быть избранными в представительные органы. И в то время, как князья и маркизы занимали места в сенате, члены которого назначались королем, многочисленные бароны — представители свободных профессий и землевладельцы — боролись между собой за кресла в палате депутатов.

С этим обстоятельством связан целый ряд эпизодов, характерных для Сицилии конца XIX — начала XX века. Сплошь и рядом какой-нибудь барон в «белых перчатках» использует своих «клиентов»-мафиози для достижения собственных целей: избирательные бюллетени выдаются только лицам, которые считаются надежными, повсюду стоит треск ружейных выстрелов, уничтожаются виноградники, оливковые и апельсиновые рощи, голосуют «слепцы» и «мертвые души», попадают избиратели, до такой степени полюбившие свои гражданские права, что по несколько раз являются на избирательные участки; урны с бюллетенями или заполняются заранее, или сжигаются. Все

делалось ради того, чтобы при вскрытии избирательной урны избранными оказались только проверенные, надежные люди. Масон Нунцио Нази — будущий министр, которому прочили роль крупного национального политического лидера, вынужденный в начале XX века удалиться с политической арены из-за скандала, довольно таинственного по своей природе и тем целям, которые преследовали лица, заинтересованные в его разоблачении, — поступал так же, как и все остальные, и на каждых выборах прогуливался по улицам городков, выставляя напоказ украшенные пистолетами животы своих мафиози, составлявших его блистательную свиту. Масон Витторио Эмануэле Орландо, занявший в 1918 году пост премьер-министра, всегда проводил свои избирательные кампании в окрестностях Монреале и Партинико, районах процветания мафии, выступая в каждом городке с речами на торжественных обедах, где «дядюшки» и «кумовья» (все явные мафиози) занимали самые видные, почетные места, ели и пили за одним столом с «нашим уважаемым депутатом».

В 1895 году в соответствии с распоряжением Джолитти, приказавшего префектам и полицейским чинам по всей Италии любой ценой добиться победы кандидата от правительства, ревностный генерал Мирри, исполняя приказание, покинул Палермо и лично отправился в Алькамо, чтобы выпустить из тюрьмы некоего мафиозо, чья семья могла сыграть большую роль в избрании депутатом выдвинутого кандидата.

Без сомнения, «белые перчатки», буржуа-бароны использовали мафиози и для

того, чтобы сводить между собой счета, однако народ на Сицилии понимал, кто на самом деле извлекал из этого выгоду. В те годы всем в Монреале было ясно, что настоящим «хозяином и депутатом» является «дон» Витторио Кало, который, как почтенный вождь мафии, пожелал видеть крестным отцом своего сына барона, которому он, «дон» Витторио Кало, помог пройти в парламент и которого он, «дон» Витторио Кало, с полным основанием называет теперь своим «кумом».

В стране заметно возросло число избирателей, и если буржуа сметают дворян в погоне за креслом в национальном парламенте, то и среди самих избирателей появляется много самых настоящих мафиози, которые, понятно, даром ничего не делают. Увеличение количества избирателей и лиц, имеющих право быть избранными, влияет на ход выборов и в местные органы власти, то есть в коммунальные и провинциальные советы. Поэтому мафия заключает с «белыми перчатками» взаимовыгодное соглашение: начиная с 1882 года в каждом населенном пункте на Сицилии образуется «депутатская партия». В Рим, в парламент, отправляется буржуа-барон. В Палермо, Трапани, Агридженто, Партинико, Монреале — в коммунальные и провинциальные советы едут мафиози, и именно те мафиози, чья помощь и поддержка оказывается необходимой для избрания национального депутата. Неразрывность установившихся связей «депутатская партия» сумела доказать в 1913 году, когда в силу соглашения между Джолитти и католиками, так называемого «соглашения Джентилони», правительство хотело навязать като-

лического кандидата в одном из городков под Палёрмо. Мафиози, не получавшие никаких выгод от центрального римского правительства, провалили официального кандидата и вновь поддержали своего «уважаемого депутата».

С конца XIX века во многих сицилийских городах мэрами (синдаками) и коммунальными советниками неизменно оказывались явные мафиози.

Так начиналось «царство мафии».

Власть мафии, которая занимала прочные позиции в экономике земледельческой Сицилии, получила свою полную легализацию, когда представители мафии стали также и законными руководителями местных общественных институтов, таких, как коммунальные и провинциальные советы. В то время мэр обладал не только прямой политической властью, которую он сохраняет и по сегодняшний день, но также, согласно законодательству той эпохи, являлся полицейским чином, непосредственно подчиняющимся министерству внутренних дел. Мэр городка, затерявшегося в глубине Сицилии, не только вербовал или отдавал распоряжения о найме полевых сторожей и городской стражи, но и посылал префекту — главе и представителю государства в провинции — сообщения о положении дел в его городке. Следует сказать, что в Сицилии конца XIX века почти отсутствовало дорожное сообщение между населенными пунктами и тысячи сицилийцев ни разу в своей жизни не видели Палермо, хотя проживали в нескольких десятках километров от столицы острова.

В эти годы (1880—1920) мафиозо — влиятельная и значительная фигура незави-

симо от того, является ли он мэром или адвокатом, собственноручно убивает противников, чтобы доказать, что именно он — бесспорный глава, или приказывает другим уничтожить «неугодных ему лиц», занимается вымогательством или похищает людей с целью выкупа... И когда члены мафии приобретают такую силу, воля мафии в сельской местности становится законом.

Государство всего лишь взимает налоги, призывает на военную службу, содержит карабинеров, в то время как в деревне и лист не шелохнется, если мафия этого не захочет. Именно господствующие классы Италии и Сицилии предоставили мафиози не только реальную, но еще и законную власть, дающую им право официально представлять население сицилийских деревень и городков.

И все-таки царство мафии с 1880 по 1920 год существовало на Сицилии в постоянно изменяющейся ситуации, как, впрочем, и во всей Италии.

В Риме это были годы правления Джолитти, который, по мнению Сальвемини, являясь «министром негодяев», все же был «меньшим злом» по сравнению с другими государственными деятелями. На Сицилии, как и во всей Италии, Джолитти проводил экономическую политику, приносившую выгоду лишь немногим слоям общества, но тот же Джолитти обратился к социалистам с призывом принять деятельное участие в управлении общественными институтами. Джолитти — это король ежедневно формирующегося и распадающегося парламентского демократического большинства, но он же олицетворял собой и «неизбежный переход» от либеральной демократии к фашизму.

Конфликтность сицилийской политической ситуации отражается в отношении сицилийских масонов к феномену мафии.

Масоны, которых нужно рассматривать лишь как элемент или, вернее, зеркальное отражение господствующего класса, всегда имели большой вес в Сицилии. С 1863 по 1868 год в Палермо постоянно открывались все новые масонские ложи. Их количество быстро увеличилось с 40 до 121. Вначале они резко выступали против политики исторической правой и находились в натянутых отношениях с Великой восточной масонской ложей в Риме. Но с приходом к власти исторической левой сам Финоккьяро Априле, масон и убежденный республиканец, подвергавшийся преследованиям и находившийся под надзором полиции, приступил к организации внутри масонских лож «избирательных комитетов». С конца XIX века по 1922 год из сицилийских масонских лож выйдут многие депутаты национального парламента: Нунцио Нази, Витторио Эмануэле Орландо, Наполеоне Колайанни, Де Феличе Джуффрида. Нази и Орландо никогда не скрывали, что их опорой была «хорошая» мафия, которая, само собой разумеется, поддерживает «порядок».

Колайанни и Де Феличе, наоборот, принадлежали к числу наиболее известных и решительных противников мафии, постоянно обличая суть ее отношений с «белыми перчатками».

Если же говорить конкретно о сицилийских мафиози, то, вероятно, «царство мафии» следовало бы переименовать в «вице-королевство мафии», поскольку в силу определенных исторических причин власть на

острове начиная с 1500 года почти всегда находилась в руках вице-короля.

Достоверно известно, что, когда знаменитый главарь мафии в Монреале «дон» Витторио Кало садился в конку, все спешили уступить ему сидячее место, никогда не проявляя такой учтивости по отношению к тогдашнему монреальскому епископу. Но если некоторым главарям мафии и мафиози-габеллотто удавалось проникнуть в среду хотя бы мелкой земельной буржуазии или баронетов, то основная масса мафиози (охранники, надсмотрщики, полевые сторожа, садовая мафия, барышники, мелкие виноделы) занимала прежнее положение и жила почти в такой же нужде, как батраки и пролетариат. С 1880 по 1920 год все мафиози на иерархической лестнице стоят еще намного «ниже», чем дворяне и бароны. Об этом свидетельствуют два уголовных дела, наделавших в то время много шума по всей Италии. 1 февраля 1893 года в железнодорожном вагоне между Термини Имерезе и Трабией неизвестными лицами был убит директор Сицилийского банка маркиз Эмануэле Нотарбартоло. Благодаря настойчивости и упорству семьи убитого были проведены многочисленные и совершенно скандальные процессы. В конце концов палата депутатов выдала в 1899 году разрешение на возбуждение судебного дела против депутата парламента Раффаэле Палиццоло, обвиняемого в организации этого убийства. Судебные протоколы доказывают, что ответственность за преступление лежала на мафии, а Палиццоло, осужденный за убийство в 1901 году судом присяжных в Болонье, но в конце концов оправданный в 1905 году за недоста-

точностью улик судом присяжных во Флоренции, был ловким представителем «белых перчаток», поддерживавших близкие отношения с мафиози. Однако мафия (и это показательно) не фигурировала на процессе. Нотарбартоло, как писал в своем дневнике, только ныне ставшем известным, председатель сената Фарини, проводил расследование о злоупотреблениях членов директората и служащих Сицилийского банка, в котором обнаружились те же махинации и пропажи миллионов, что и во многих римских банках. После разоблачения спекуляций управляющих римскими банками разразился грандиозный скандал. Нотарбартоло до тех пор, пока его не настигла «своевременная смерть», неоднократно сообщал в министерство о результатах своего расследования. Но неожиданно он обнаружил, что люди, обвиняемые им в махинациях,—цвет палермской знати во главе с герцогом делла Вердура—уже знали о содержании разоблачающих донесений, с которыми Нотарбартоло лично знакомил директорат Сицилийского банка, куда в то время мафиози не были вхожи. Точно так же не имели отношения к мафии и долго длившиеся скандалы, связанные с исчезновением из кассы коммуны Палермо нескольких миллионов. Не интересовали мафию в это время и подряды на общественные работы.

В 1909 году на удивительно красивой площади Пьяцца Марина был убит лейтенант нью-йоркской полиции Джо Петрозино, приехавший в Сицилию для установления родственных связей мафии с членами преступной организации «Черная рука», стремительно расползавшейся в это время по Нью-

Йорку. В убийстве Петрозино был обвинен «дон» Вито Кашо-Ферро, знаменитый главарь палермской мафии. На суде «дон» Вито спасает свою шкуру не благодаря своему уму и хитрости: выручает его один из депутатов парламента, избранный в Палермо, который не жалеет своего красноречия, доказывая, что в час убийства мафиозо присутствовал на обеде в его доме (отсюда видно, какова роль «белой перчатки», если она имеет общественный вес).

В потоке эмигрантов, бежавших в те годы с Сицилии, было немало и мафиози. Им, волею судьбы осевшим в Нью-Йорке, еще предстояло прийти к своему американскому могуществу и забыть о тяжелой нужде, изгнавшей их из родных сицилийских деревень.

Но где господство мафии было беспредельным, так это в мире преступности. Уже в 1878 году правительство Франции предпринимало официальные демарши в связи со случаями покушений на французских подданных, путешествовавших по Сицилии. Но мафия, не обращая на это никакого внимания, упорно продолжала свою деятельность: с 1880 по 1920 год сотни состоятельных людей, среди которых были дворяне и даже баронеты, были похищены и возвращены семьям только после уплаты крупного выкупа. Временами это становилось похоже на пари: за кого заплатят самый крупный выкуп. Новый век начался с похищения молодой красивой Бианки Уайтэкер, девушки из известной англо-сицилийской семьи. Через три дня, после уплаты крупного выкупа, когда девушка уже возвратилась домой, между похитителями вспыхнула ссора из-за

дележа выкупа, и «дон» Фифи Маккьярелла, их главарь, убил четырех своих сообщников, настаивавших на более высокой доле. Через два дня он сам будет убит родственниками его бывших сообщников.

Вряд ли кто сможет сосчитать число вымогательств (сбора самой настоящей дани, в одних случаях предварявшей, а в других — заменявшей похищение), совершенных мафией в эти годы. Почти никто не заявлял о них, зная, что правительство все равно не сумеет пресечь этот преступный промысел, так как никто не решится отправиться на Сицилию ради ареста вымогателей.

Мафия создает себе ореол героев и даже приобретает расположение некоторой части населения благодаря своей обходительности, загадочности и намекам на то, что она «вынуждена» доставлять людям неприятности.

Страшную международную славу принесло мафии огромное количество сопровождавшихся жуткими подробностями убийств, совершенных ею на рубеже двух веков. Это были ритуальные убийства (засунутые в рот жертвы отрезанные половые органы, вложенный в руку камень, разбросанные повсюду колючки кактуса-опунции), кровавое сведение счетов между соперничающими бандами мафиози, когда взрослый мужчина мог не задумываясь убить двенадцатилетнего мальчика из враждебной семьи. Это были «подвиги» Розарио Мичели, Кристофаро Лето, Саверио Спиннато, Игнацио Трифи́ро, «стоппальери»* и «фратуц-

* Стоппальери (stoppaglieri) — буквально «производители пробок», в иносказательном смысле — люди,

ци» **, о которых можно узнать из наиболее громких судебных процессов того времени.

Положение мафии укрепились еще и в связи с тем, что на процессах, возбужденных против мафиози, почти всегда выносились оправдательные приговоры с формулировкой «за недостаточностью улик». «Дон» Витторио Кало, которому все уступали место как «уважаемому представителю» города, кажется, имел на своей совести что-то около 39 убийств, но продолжал спокойно садиться в конку, которая из Монреале, «его вотчины», доставляла его в Палермо.

Правда, разговоры, вызываемые в эти годы совершаемыми мафией убийствами, легко вписывались в общий вулканический характер жизни острова. Так, в 1908 году жители Нижней Рагузы, расположенной в долине, объявили подлинную войну жителям Верхней Рагузы, которые торжественно открыли новые общественные уборные, а сточные воды стали сбрасывать в долину. Находились и люди, попытавшиеся извлечь пользу из этой войны. Так, несколько священников, воспользовавшись городской сварой, решили, что наступил подходящий момент для упразднения церковного обета безбрачия. Правда, ничего из этого не вышло.

готовые вмешаться, чтобы устранить зло.—Прим. перев.

** Фратуцци (fratuzzi)—дословно маленькие братья, в переносном значении—люди, связанные между собой узами более тесными, чем кровные. Фратуцци и стоппальери были двумя группами мафиози, вступившими между собой в ожесточенное соперничество.—Прим. перев.

2. ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О МАФИИ

С 1901 по 1909 год в треугольнике, образуемом городами Палермо, Трапани и Агридженто, было совершено 5084 умышленных убийства, в среднем около 250 убийств в год в Палермо, около 130 в Кальтаниссетта, более 100 в Трапани и около 140 в Агридженто. Если по всей Италии с 1900 по 1910 год было зарегистрировано чуть более 2500 умышленных убийств в год, то в сицилийских провинциях, где господствовала мафия, т. е. на территории, занимавшей менее половины острова, была совершена почти третья часть всех умышленных убийств, совершенных в Италии с 1900 по 1910 год. С 1906 по 1910 год в среднем по Италии было зарегистрировано 9,93 убийства на каждые 100 тыс. жителей, в то время как в Палермо это число подскакивало до 39,53; в Кальтаниссетта достигало 39,23; в Агридженто оставалось на уровне 34,04; а в Трапани равнялось 26,73. В первые годы нашего века первенство по количеству убийств, бесспорно, принадлежало Сицилии, хотя не все из них были совершены мафией. Показательно, что в то же десятилетие — 1900—1910 годы — Трапани, Палермо, Агридженто, Кальтаниссетта находились на уровне чуть ниже среднего национального, указанного в статистических данных, касающихся общей преступности (от убийства и кражи до нарушения правил дорожного движения), в то время как эта средняя цифра оказывалась почти удвоенной по Неаполю и его провинции.

Следовательно, на рубеже XIX и XX веков Италия с полным основанием связывала

мафию с Сицилией. Считалось, что остров как бы сам по себе порождает мафию.

В 1875 году депутат парламента Бонфантини писал в связи с очередным парламентским расследованием, что сицилийское общество не стояло перед социальными или политическими проблемами, что основная ответственность за происходящее на Сицилии ложилась на Бурбонов и что мафия являлась построенным «на инстинктивной, жестокой, своекорыстной солидарности сообществом, которое объединяло в ущерб государству, закону и правовым органам всех тех лиц и те социальные слои, которые желали извлекать средства для своего существования и благополучия не трудом, а насилием, мошенничеством и угрозами».

В 1876 году Франкетти и Соннино, авторы самого блестящего исследования, когда-либо посвященного мафии, установили, что мафия—это «стоящее над законом сообщество», не вызывающее враждебности местного населения, потому что это сообщество оценивает человека «не в зависимости от отношения к нему властей и законов», а в соответствии с глубоко укоренившимся в сицилийском обществе понятием, согласно которому власть может основываться лишь на силе и насилии.

Кое-кто из членов комиссии Ячини, проводившей в 1884 году обследование земель Сицилии, связывал причины распространения преступности на острове с его климатом, отличающимся часто почти африканской жарой. В эти же годы Ломброзо, давший независимо от своей теории точный анализ системы функционирования мафии, считал, что в ней проявлялась атавистическая на-

следственность жестоких обычаев и нравов первобытного населения острова. И наконец, Ничефоро в конце прошлого века прямо говорил о «сицилийской расе», которая по своим наследственным качествам решительно асоциальна и в высшей степени преступна, а потому должна быть признана низшей расой.

На подобные теории сицилийцы реагировали с вполне оправданным негодованием.

По мнению молодого палермского маркиза Антонио ди Рудини, которого в 1876 году называли «чудо-ребенком итальянской политики», следует отличать «порядочную мафию», основанную на мужестве, непокорности и стремлении не дать взять над собой верх, от «вредной мафии», выросшей на преступлениях и круговой поруке. В 1896 году Джузеппе Питре, один из крупнейших социологов, лингвистов, исследователей сицилийского фольклора, опубликовал статью, в которой утверждал, что слово «мафия» является синонимом «преувеличенного представления о значимости индивидуальной силы, нетерпимости к превосходству, самоуправству и деспотизму другого человека». Тогда же, в 1898 году социалист Каммарери Скурти, придерживающийся скрупулезной точности в своих исторических выводах, рассматривал всю жизнь Сицилии как сплошной «ад», пропитанный всевозможным насилием и своеволием власть имущих, в котором мафия, сама по себе не всегда воплощение преступности, обозначала для отдельного человека «необходимость преуспевания в жизни».

Наряду с этими спорами, в которых проступала их идеологическая основа, в эти

же годы берет свое начало и мифологизация образа жизни мафиози, хотя, как недавно доказал Титоне, «засада» — излюбленная тактика, к которой почти всегда прибегала мафия, — сама по себе была «подлостью и трусостью», то есть привычкой нападать врасплох на человека, лишенного возможности обороняться.

К сожалению, ожесточенные споры о «сицилийском характере» мафии, сопровождаемые бесконечными укорами и взаимными обвинениями, продолжаются и в наши дни, и это, как замечает Нандо Далла Кьеза, перевело вопрос о сицилийской мафии в плоскость моральной болезни и скрыло ее глубокое и вполне определенное политическое содержание.

Я думаю, что, помимо характерных черт, присущих «южному вопросу», возникшему на рубеже XIX—XX веков и исследовавшемуся многими политиками и социологами, начиная от Джустино Фортунато до Грамши и Дорсо, власть мафии, укоренившаяся на Сицилии во второй половине XIX века, имела свою отличительную особенность. В это время в Италии известны и другие районы (Апеннинские горы, большая часть провинции Венето, предгорья Альп под Бергамо, ущелья Пьемонта), где царила страшная нищета и самый настоящий голод, однако только на Сицилии отмечались постоянные волнения и восстания местного населения, выступавшего против почти всех правительственных мер. Даже те умышленные убийства, о которых говорилось выше, показывают, что на Сицилии к концу XIX и началу XX века деятельность государства не находила одобрения. Недаром в эти годы среди

островитян ходили поговорки: «В римской верхушке одни потаскушки», «Правительство в столице хуже блудницы».

Вопрос о власти мафии этого периода должен рассматриваться в связи со следующими основными вопросами:

1. Как воспользовались плодами Рисорджименто победители и побежденные?

2. Какие формы новой власти образовались на острове, почему они возникли на Сицилии после ослабления, а затем и падения монархии Бурбонов?

3. МАФИЯ С 1920 ПО 1943 ГОД

В октябре 1922 года Муссолини отправился в «поход на Рим». В военном отношении силы фашистов были весьма незначительны, и правительственные войска без труда могли бы остановить их, но правящие группировки, начиная с масонов, первыми приступивших к финансированию Муссолини, думали использовать фашизм для решительного подавления движения трудящихся, поднявшегося в 1918 году после окончания первой мировой войны. Поэтому в 1921—1922 годах различные влиятельные круги открыто содействовали зарождению фашизма. Так, в июне 1922 года правительство сместило с поста префекта Болоньи Чезаре Примо Мори, сорвавшего с помощью армейских частей, находившихся в то время в распоряжении префектов, попытку местных фашистов захватить городской муниципалитет.

В Сицилии, как и на всем Юге Италии, за исключением Неаполя, где активно действовал Аурелио Падовани, фашизм до 1922 года

не находил большого числа последователей и пользовался незначительным успехом, так что на выборах 1921 года ни один фашистский кандидат не сумел пройти в парламент от сицилийских избирательных округов.

Но и в Сицилии с 1918 по 1922 год произошли значительные изменения в среде правящего класса.

Престарелый Наполеоне Колайанни и де Феличе Джуффрида, оба бывшие пламенные демократы, встали на сторону зарождавшегося в те годы национализма — движения, которое наложило свой отпечаток на фашизм, привнесло в него многое из своей идеологии, а затем и слилось с ним после 1922 года. Витторио Эмануэле Орландо, Нунцио Нази, Андреа Финоккьяро Априле, сын Камилло Финоккьяро Априле, деятеля Рисорджименто, князь Таска ди Кутó, фантастический политический персонаж, добившийся перед войной своего избрания в парламент по спискам социалистической партии, социал-демократ Аурелио Драго, депутат-католик Пекораро, Луиджо Стурцо из народной партии — все «старые, влиятельные деятели» Юга Италии почувствовали, что после войны мир изменился, возникли очевидные причины для глубоких политических перемен. С этим явлением связано возникновение целого ряда новых политических движений, резких поворотов в политической позиции отдельных лидеров, а также неизбежное предвыборное маневрирование и блокировки. В 1920 году аристократ Лучо Таска ди Бординаро покинул Итальянскую народную партию и вместе с дворянином Пуччо ди Бениски создал аграрную партию, которая откровенно выступала в пользу помещиков и

резко критиковала «вялость» и бездеятельность правительства Нитти в связи с захватом крестьянами земель на Сицилии. Среди самых ярких сторонников Лучо Таска выделялся мафиозо Калоджеро — «дядюшка Калó» Виццини, который еще до войны не раз оказывался под судом по обвинению в убийствах и причастности к преступной организации, но каждый раз его оправдывали за недостаточностью улик. «Дядюшка Кало» Виццини, награвший себе руки во время войны на поставках фуража и лошадей для итальянской армии, был дальновидным человеком. Его интересы не ограничивались одной лишь Сицилией, и еще до октября 1922 года он встречался в Милане с Муссолини, с которым, кажется, даже отобедал в семейном кругу. Виццини поддерживал близкие отношения с фашистами и, вероятно, финансировал их еще до «похода на Рим». До этого он укрывал в «своих» сицилийских деревнях фашистского главаря из Тосканы, которого разыскивала полиция по обвинению в убийстве. Впоследствии этот главарь станет заместителем министра в правительстве Муссолини, а «дон» Виццини будет его компаньоном во владении земельной собственностью в Тоскане и в других финансовых предприятиях.

Основная часть мафии довольно равнодушно взирала на политические перемены, происходящие по всей Италии. Сидящий в Риме «уважаемый депутат» мог по своему усмотрению перемещаться и парить по всему политическому небосклону, так как идеологические вопросы, которые решались в Риме, не интересовали мафию, а политической властью в Палермо и его окрестностях все-

гда ворочала «депутатская партия» с ее окружением, состоящим из мафиози.

Однако после октября 1922 года власть в Риме захватили фашисты, с которыми сразу же сомкнулись националисты. Этот поворот сразу оказал воздействие на всю страну, в том числе и на Сицилию. Наряду со старыми представителями влиятельных слоев, многие из которых уже начинали уходить из жизни, включились в политическую деятельность и примкнули к фашизму новые представители этого лагеря, приведя с собой «собственные партии» и, разумеется, своих ближайших сторонников — мафиози.

Фашистское руководство старалось привлечь на свою сторону влиятельных политических деятелей прошлого. Одним из последних пошел на это сближение Витторио Эмануэле Орландо, который хоть и признал фашистскую власть, но публично заявил, что и в этих условиях он будет продолжать свою прежнюю либерально-демократическую линию. Вплоть до 1925 года, то есть до подавления парламентской оппозиции после убийства Маттеотти, правительство Муссолини признавало, что фашистское движение еще не пустило в стране глубоких корней, и поэтому было вынуждено бороться с различными группами «реальной власти», разбросанными по Италии. Муссолини лично не раз встречался со статс-секретарем Ватикана кардиналом Гаспарини и в преддверии официального соглашения с католической церковью упразднил масонские ложи — каноническую Великую восточную итальянскую ложу с резиденцией в палаццо Джустиниани и ложу с Пьяцца дель Джезу, отколовшуюся 15 лет назад от Великой вос-

точной и пользовавшуюся большим влиянием на Сицилии.

На самой Сицилии префект Палермо, следуя указаниям Муссолини, отдал 14 января 1924 года приказ своим заместителям и офицерам корпуса карабинеров письменно сообщать о политической ситуации в каждом населенном пункте, входящем в палермский избирательный округ. Эти донесения, опубликованные историком Джузеппе Карло Марино с многозначительными звездочками вместо собственных имен, свидетельствовали, что все городки управлялись или непосредственно мафиози, или «патронами», официально признанными мафией и пользовавшимися поддержкой таких знаменитых главарей, как Вито Кашо-Ферро, Фаринелла и др. Из донесений, странным образом не затрагивавших районов, находившихся под влиянием Витторио Эмануэле Орландо, следовало, что в большинстве городков прочные позиции захватила организация, состоящая из фашистов и мафиози и управлявшаяся фашистом Кукко, врачом-окулистом из Палермо. Эти донесения, составленные по приказу фашистского правительства полицией и карабинерами, отчетливо говорили о том, что мафия раскололась надвое. «Старая мафия», состоявшая из людей, уже достигших своих целей и не заинтересованных в переменах, способных смести их, старалась поддерживать постоянного традиционного кандидата, тогда как «новая мафия» — молодежь, которая старалась вытеснить стариков, — уже связала себя с фашистским режимом. В сложившейся ситуации Муссолини проявил решительность и приказал, чтобы на политических выборах 1924 года по всей Италии

был представлен общий список кандидатов, в который должны были войти убежденные фашисты и остатки представителей старых правящих классов. Шестого апреля 1924 года в административном округе Палермо «общий список», включавший в себя все остатки старых влиятельных лиц, объединившихся с фашистами, получил около 476 тысяч голосов из 697 тысяч голосовавших и 38 депутатских мест из 38. Эти выборы, доказывал Джакомо Маттеотти, вскоре после своих разоблачений убитый фашистами, сопровождались в Сицилии, как и по всей Италии, махинациями, запугиванием и применением насилия против оппозиции.

Витторио Эмануэле Орландо, избранный в парламент и по общему количеству поданных за него голосов завоевавший третье место, и оказавшийся пятым Альфредо Кукко свели свои счеты, в какой-то мере личные, но отразившиеся—а именно это нас особенно интересует—на старой и новой мафии на коммунальных выборах в Палермо в августе 1925 года. Витторио Эмануэле Орландо, уже отошедший от фашизма и возглавивший список «Союза за свободу», произнес на предвыборном митинге свою знаменитую речь: «Если под мафией подразумевается доведенное до крайности чувство чести... то я объявляю себя мафиозо и горжусь, что являюсь им». Орландо открыто обвинил Кукко в том, что он возглавил фашистский список, горячо поддерживаемый мафиозипреступниками. Но Кукко получил на выборах 26 429 голосов и одержал уверенную победу, тогда как Орландо был вынужден удовлетвориться 16 616 голосами и проиграл.

В мае 1924 года сам Муссолини прибыл в

Палермо и совершил поездку по острову, где его встречали огромные по тем временам толпы народа. В городке Пьяна дей Гречи мэр-мафиозо Кучча по прозвищу «бочонок» — такой он был маленький и толстый — принялся укорять Муссолини за большое число полицейских, вызванных для его охраны: по его мнению, это все были лишние траты, так как Муссолини находился под личной защитой «бочонка» и, следовательно, не мог испытать никаких «неприятностей».

Однако в том же мае 1924 года, вернувшись в Рим, Муссолини назначил в Трапани префектом Чезаре Примо Мори, который после событий в Болонье попал в резерв и жил на покое во Флоренции. В октябре 1925 года Мори был переведен на должность префекта Палермо и получил непосредственно от Муссолини прямое указание покончить с мафией.

Мори, как тонкий политик, сразу же обратился к самим сицилийцам с призывом вступить в борьбу за освобождение от гнета мафии и нанес этой преступной организации страшный удар.

Тысячи мафиози, если не удавалось посадить их в тюрьму, в течение длительного срока содержались в казармах карабинеров или в комиссариатах полиции. Мафиози в наручниках выводили из дома и вели пешком по улицам их городов в полицейское управление, чтобы тем самым унижить их в глазах окружающих.

Начиная с мэра Кучча из Пьяна дей Гречи, Мори решительно расправлялся со связанными с мафией мэрами и коммунальными советниками, многие из которых отправлялись в тюрьму или в ссылку по

обвинению в причастности к преступной организации «мафиозного типа». Даже священники-мафиози и адвокаты главарей мафии попадали в тюрьмы вслед за своими сообщниками. С 1925 по 1931 год проводились многочисленные судебные процессы против мафии, на которых иной раз бывало свыше ста обвиняемых. Большинство этих процессов заканчивалось вынесением суровых приговоров. Менее чем за три года деятельности Мори по всей Западной Сицилии уровень преступности резко упал вниз. Впервые в истории итальянское государство применяло силу против мафии.

Первые результаты оказались обнадеживающими. Мори с разрешения Муссолини прибегал к «чрезвычайным мерам» и неоднократно применял чисто военную тактику, оцепляя, например, городок и требуя выдачи всех местных мафиози. В случае неповиновения он угрожал жителям повальными обысками дом за домом. Вокруг фигуры Мори начинала создаваться легенда, и многие мафиози добровольно сдавались в руки префекта после долгих лет безмятежного подполья и безнаказанности.

Действуя таким образом, Муссолини пытался создать впечатление, что стремится установить в Италии справедливый общественный порядок, прибегая к услугам даже таких крупных профессионалов, как Мори, который в свое время препятствовал распространению фашизма. После того как он обрезал пуповину, связывающую мафию с «белыми перчатками», мафиози были сведены до уровня простых преступников, а «белые перчатки» смогли получать политические выгоды только от того, что они состо-

яли в рядах фашистской партии. С политической точки зрения борьба с мафией для Муссолини—одна из многочисленных уловок, которыми он пользовался для ослабления правящего класса, приведшего его в 1922 году к власти.

Но Муссолини не уничтожил мафию.

Крупное помещичье землевладение и институт аренды остались целыми и невредимыми. В 1930 году контролируемое фашистами Общество по оздоровлению экономики Беличе—района, в котором всегда было сильным влияние мафии,—заказало группе известных ученых разработку проекта работ по мелиорации земель этого района с учетом использования в первую очередь запасов подземных вод. Ученые разработали удачный проект, который развивал идеи, сформулированные еще в 1842 году Карло Афан де Ривера. Но как когда-то Бурбоны, так теперь и фашисты отказываются от возможности изменить облик сицилийской деревни, которая с 1922 по 1943 год влачила при фашизме такое же жалкое существование, в каком она пребывала и в 1700 году.

Тот тип общественного порядка, который хотел установить Муссолини, просуществовал очень недолго, о чем можно судить по судьбе, выпавшей на долю префекта Мори. Мори знал, что для полного уничтожения мафии необходимо покончить с «мафией в белых перчатках». Поэтому он от «мелкой сошки» стал подбираться к крупным фигурам. Вскоре после своего назначения в Палермо он, сознательно игнорируя судебные власти, указал Муссолини на брата генерала Ди Джорджо, бывшего военного министра в первом правительстве Муссолини, а затем

командующего III армейским корпусом в Палермо, как на главу мафии.

Начиная с 1926 года Мори неоднократно сообщал Муссолини достоверные факты, говорящие о тесных связях между мафией и членом парламента, «фашистом первого часа» Альфредо Кукко, руководителем фашистской организации Палермо. Именно к Кукко стекался весь «ропот» против Мори. Кажется, даже из Соединенных Штатов, где, пользуясь нелегальными путями, укрывались многие мафиози в надежде пересидеть и избежать преследований префекта, доходило до Кукко требовательное ходатайство о смещении Мори и прекращении «гонений». В руках карабинеров находились материалы, разоблачающие Кукко, который в бытность свою врачом-окулистом выдавал ложные свидетельства, служившие основанием для освобождения от военной службы.

В 1928 году Мори по указанию Муссолини получает звание сенатора. Однако на следующий год Муссолини снизил до 55 лет возрастной ценз для занятия должности префекта, и в июне 1929 года, в самый разгар расследования дела Кукко, уволил Мори в отставку под тем предлогом, что тот уже перешагнул через этот установленный возрастной рубеж. Кукко впоследствии был реабилитирован и стал заместителем генерального секретаря партии, а «железный префект» Мори до конца своей жизни застрял на почетной должности сенатора. С уходом Мори закончилась и его политика, прямое давление на мафию ослабело.

Генеральный прокурор Палермо Джампьеро, занимавший свой пост с 1925 по 1931 год, в одном из своих безукоризненных

с юридической точки зрения выступлений заклеил мафию как самую настоящую преступную организацию и наклеил на нее ярлык обыкновенной банды преступников. Однако другой сановный деятель Пулья утверждал в 1930 году в Палермо, что мафия — это отнюдь не преступная организация, потому что мафиозо «не является синонимом преступника», поскольку в мафии находит «выражение естественное чувство симпатии и уважения между свободными людьми», а в своих наиболее крайних проявлениях это всего лишь «преувеличенное представление о собственной силе и нетерпимость к чужому превосходству».

Репрессивные меры фашистского режима против мафиози носили ограниченный характер, так как не затрагивали богатства, накопленного мафией с помощью незаконных действий. Несмотря на то что с 1925 по 1931 год большое число мафиози было приговорено к различным срокам наказания, многие из них — самые крупные, богатые и влиятельные — оказывались оправданными на тех же самых процессах, начиная с «дона» Калó Виццини, который лишь чуть более суток отбывал ссылку на одном из островков у сицилийского побережья. Старый принцип безнаказанности мафии в «белых перчатках» действовал и при фашизме. Так, мафиози-буржуа после тюрьмы, ссылки или краткого пребывания в полицейском управлении возвращались в свои городки и заставляли там то же самое положение, что и до своего ареста, и пользовались почти абсолютной монополией на наличные денежные средства, которые всегда делали их сильными в глазах тех, кто соглашался исполнять их приказания.

В 1928 году «дон» Калоджеро Виццини помог жителям Алькамо наконец-то добиться открытия супрефектуры в их городе. «Дядюшка Калó» просто-напросто фальсифицировал данные о количестве жителей в Алькамо, которое на бумаге за одну ночь выросло с 31 765 человек до 63 051 человека. На процессе, который последовал после разоблачения этого мошенничества, мелкий чиновник — «стрелочник» — получил «свой срок», но никто не посмел тронуть «дядюшку» Виццини. И даже те «оплеухи», которые фашистские органы отвешивали мелкой рыбешке из «мафиози-чернорабочих», сами по себе были весьма относительно. Генеральный прокурор Палермо Меркаданте вспоминал в 1963 году перед членами Парламентской комиссии «Антимафии» о том, как в тридцатые годы он, молодой следователь, замечал, что сотрудники полиции испытывали своеобразную, порой лежащую на грани страха, «робость» перед лицом мафиози.

Мифические оправдательные приговоры «за недостаточностью улик» удивительно часто выносились за время 20-летнего фашистского правления. В качестве примера можно привести дело Дженко Руссо, в годы фашистского режима совсем еще молодого человека, по отзывам полиции, «с мятежным и своевольным характером», сумевшего пробиться в сливки мафии только к середине 50-х годов. 27 апреля 1928 года обвинительная палата апелляционного суда Палермо снимает с Дженко Руссо обвинение в совершении пяти убийств. 21 декабря 1929 года та же судебная палата снимает с него обвинение еще в четырех убийствах; 18 января 1930 года опять все та же палата отклоняет

предъявленное ему обвинение в двух убийствах и в трех покушениях на убийство; в октябре 1931 года суд присяжных города Кальтаниссетта снимает с него обвинение в принадлежности к преступной организации, а 23 ноября 1932 года тот же суд оправдывает его по делу о трех убийствах. Все оправдательные приговоры были вынесены «в связи с недостаточностью улик».

Эти факты свидетельствуют о том, что Муссолини наносил удар скорее не по мафии, а по печати, которой в фашистское двадцатилетие запрещалось цензурой сообщать сведения о преступности в стране.

Создается впечатление, что Муссолини прекрасно знал, насколько жизнеспособной осталась мафия, если сам он прибег к услугам мафии для развязывания беспорядков в Тунисе, а в 1932—1940 годах, используя посредничество мафии, пытался убедить американцев вступить в войну.

4. МАФИЯ С 1943 ПО 1950 ГОД

10 июля 1943 года войска англо-американских союзников высадились на Сицилии. 25 июля 1943 года король Виктор-Эмануил III назначил маршала Бадольо главой итальянского правительства (еще и сегодня некоторые исследователи считают, что действия этих двух лиц направлялись масонами) и отдал приказ карабинерам, устроившим засаду в машине «скорой помощи», оставленной в королевском парке, арестовать диктатора Бенито Муссолини.

Союзники получили от мафии очень большую поддержку при осуществлении их плана высадки на остров. С начала 1943 года

из Алжира, где находились основные силы союзников в районе Средиземноморья, один за другим отправлялись на Сицилию «повидать родственников» агенты американских и английских секретных служб. Гэвин Максвелл, работавший в те годы на английскую разведку, писал, что агенты союзников, тайно высадившиеся на острове, еще находящемся в руках нацистов и фашистов, направлялись сицилийскими мафиози к адвокату Бернардо Маттарелла, проживавшему в районе Кастелламаре дель Гольфо (один из районов, где влияние мафии всегда было сильным) или к монсеньёру Филиппи, архиепископу монреальскому, в чьем приходе также процветала сицилийская мафия. (В 1957 году миланский суд признал проявившего неосторожность Максвелла виновным в диффамации, задевающей честь упомянутых здесь Маттарелло и монсеньёра Филиппи.)

Другой историк, ди Маттео, в свою очередь сообщал, что до июля 1943 года сицилийские мафиози помогали людям из англо-американских спецслужб, постоянно прибывавшим из Алжира на Сицилию, связаться с кругами, в которых созревала идея «сицилийского сепаратизма». Вполне вероятно, что сицилийцы, с которыми поддерживали контакты агенты союзников до июля 1943 года, не только передавали англичанам и американцам сведения военного характера, но прежде всего гарантировали им определенное общественно-политическое устройство, которое будет установлено на Сицилии после высадки союзников на острове.

В конце концов для того, чтобы получить точные и заслуживающие доверия сведения о кругах, «не связанных с фашизмом и

заинтересованных в прибытии на Сицилию сил союзников», еще в 1942 году американская разведка установила контакты с итало-американским гангстером Лаки Лучиано, приговоренным в Америке к тридцатилетнему тюремному заключению за принуждение многих женщин к занятию проституцией. Другие итало-американские мафиози указывали на Лучиано как на единственно возможного посредника для связи с сицилийской мафией, что являлось основной целью американской секретной службы.

Много романтических легенд рассказывалось о пребывании Лаки Лучиано на острове, куда он был доставлен еще до высадки основных сил союзников. Зато вполне достоверно то, что среди союзников, уже прибывших на Сицилию, видное место занимал итало-американский гангстер Вито Дженовезе, официально разыскиваемый правосудием США. Точно так же несомненно, что член масонской ложи полковник Чарльз Полетти — глава союзнической администрации сперва в Палермо, а затем в Неаполе и Милане — занимался на Сицилии спекуляцией продовольствием с помощью Вито Дженовезе и Дамиано Люмиа, племянника Калоджеро Виццини. В Нью-Йорке их соучастником был Джимми Хоффа из профсоюза транспортных рабочих США, впоследствии замешанный в покушении на Роберта Кеннеди и всегда слывший человеком американского преступного синдиката, получившего название «Коза ностра».

Но, возможно, одна до сих пор неизвестная деталь поможет нам расширить представление о характере услуг, оказываемых сицилийской мафией англо-американским со-

юзникам во время второй мировой войны.

29 января 1940 года особый трибунал по защите государства приговорил во Флоренции Санто Сордже к 20 годам тюремного заключения по обвинению в принадлежности к подрывной организации и в военном шпионаже в пользу, кажется, Франции. Вместе с Сордже были осуждены еще два сицилийца и три таинственных выходца из Центральной Европы, сведения о которых отсутствуют в приговоре. Когда в 1948 году в Италии появилась возможность пересмотра приговоров, вынесенных фашистскими судами, апелляционный суд Флоренции признал Сордже невиновным в причастности к подрывной организации, но (и это характерно) подтвердил вынесенный ему приговор к четырем годам заключения за военный шпионаж. Сордже родился в Муссомели и был близким другом своего земляка Дженко Руссо, которого после смерти «дона» Калоджеро Виццини стали называть новым главарем сицилийской мафии, а также поддерживал тесную дружбу с людьми из окружения Лаки Лучиано. Впоследствии, в августе 1965 года, против Санто Сордже, ставшего уже американским гражданином, несмотря на то что в США обычно сурово относились к эмигрантам с уголовным прошлым, в Палермо было возбуждено уголовное дело и выдан ордер на арест в связи с контрабандным ввозом наркотиков из Италии в Нью-Йорк. Мафиозо такого калибра, как Санто Сордже, не мог заниматься военным шпионажем против Италии без одобрения или, точнее, без вполне определенного приказа его шефов, и это говорит о том, что сицилийская мафия во время войны 1940—1945 годов, вероятно, за-

нималась шпионажем в пользу англичан и американцев. И наконец, известно, что в 1946 году шеф военной разведки американского флота писал, что Лаки Лучиано «оказал большую помощь вооруженным силам» США. Вскоре Лучиано был выпущен из тюрьмы и выслан в Италию, причем при этой процедуре были явно нарушены правовые нормы.

Следует указать, если вернуться к лету 1943 года, и на вероятность того, что представители сицилийской мафии находились в Кассибиле (Сицилия) при подписании акта о капитуляции Италии, вступившего в силу 8 сентября 1943 года.

Среди итальянских офицеров в Кассибиле оказался вместе со своим коллегой князем Гальвано Ланца ди Бранчифорти ди Трабиа состоявший тогда в звании капитана адвокат Вито Гуаррази, против которого в 1970 году «Антимафия» распорядилась начать следствие в связи с подозрением о его тесных отношениях с мафией. Неопровержимо доказав факт присутствия Гуаррази в Кассибиле, «Антимафия» допустила непозволительный «просмотр», не указав, чем Гуаррази занимался (или в совершении чего он подозревался) в Кассибиле, а также запретив публикацию данных по этому делу. Объясняется это, по-видимому, тем, что в свое время та же «Антимафия» обращалась с официальным запросом в министерство иностранных дел для выяснения возможности существования «секретных пунктов» в акте капитуляции при Кассибиле и обещала при этом оставить ненаказуемыми прошлые преступления некоторых мафиози. Но министерство иностранных дел ответило, что

«невозможно установить, существовали ли на самом деле документы с вышеуказанным содержанием».

Итак, летом 1943 года войска союзников высадились на побережье Сицилии и вскоре после этого поставили мэром Муссомели мафиозо Дженко Руссо, мэром Виллальбы мафиозо Калоджеро Виццини, мэром Палермо сепаратиста Лучо Таску.

После падения фашистского режима мафиози снова нагло, как это и свойственно им, заявили о себе в обществе. «Дон» Калоджеро Виццини, сам лично бывший членом фашистской партии, заявил: «Хватит! Фашизм опорочил Сицилию своими чрезвычайными полицейскими законами. На нас смотрели, как на колонию преступников. Теперь американцы должны смотреть на Сицилию, как на жемчужину Средиземноморья». Создавалось такое впечатление, будто войну выиграл он, «дон» Калó, сумев любезным обхождением завлечь на Сицилию американцев.

На Сицилии война окончилась на два года раньше (1943 г.), чем в остальном мире, и сразу же на острове возникли два очень серьезных явления: сепаратизм и бандитизм, которые привлекли к себе всеобщее внимание.

Среди сепаратистов, всегда живших старой идеей автономии острова, в которую после союзнической оккупации вдохнула новую жизнь появившаяся реальная возможность отделиться, «отколоться» от остальной Италии, видное положение занимали уже упоминавшийся Лучо Таска и его брат Алессандро (в нем многие исследователи видят подлинного вдохновителя движения, хотя

сам он постоянно оставался в тени), которых, как представителей крупных землевладельцев, не устраивал полностью даже фашистский режим. Непосредственное руководство движением взяли на себя масон Финоккьяро Априле, близкий родственник Финоккьяро Априле, игравшего заметную роль в кругах сицилийских масонов и демократов с 1860 по 1922 год. Молодой Финоккьяро Априле вместе с масоном генералом Бенчивенья активно действовал и в Риме, когда благодаря целенаправленной и дальновидной помощи американских масонов, имевших сильное влияние в американской администрации, начали возрождать свое влияние загнанные в «катакомбы» фашистскими репрессиями итальянские масоны. Среди сепаратистов были и сторонники левых, представленные адвокатом Варваро, впоследствии избранным в областную ассамблею Сицилии по спискам коммунистической партии.

В уличных манифестациях сепаратистов активно участвовали и мафиози, как, например, «дон» Паолино Бонта и Филиппоне из Палермо. Более того, руководители сепаратистов братья Таска и Финоккьяро Априле часто в официальной и неофициальной обстановке встречались с теперь уже неудержимым и необузданным «доном» Калоджеро Виццини, который всеми силами оказывал им поддержку. Но когда в середине 1944 года союзники вступили в Рим, вновь обрела силу общенациональная политика. Сепаратистское движение уже не обещало быстрого успеха, и мафиози благоразумно отошли от него. 21 ноября 1945 года главы мафии Вито Гуаррази, бывший адъютантом генерала Кастильоне, Паоло Вицци, Бруно Маццара,

Джузеппе Коттоне-старший и Джузеппе Коттоне-младший встретились в Палермо, чтобы определить свое отношение к сложившейся политической ситуации. На этой встрече главарей мафии было решено не оказывать преимущественной поддержки ни одной из политических партий, но стремиться находить возможность влиять на них и контролировать каждую. Руководители мафии отметили, что на Сицилии они уже проникли в ряды либералов и представителей трудовой демократии, а также «прочно укоренились на всех уровнях формирующейся христианско-демократической партии». По завершении встречи оба Коттоне отправились к резиденту американских секретных служб в Палермо, из записок которого взяты эти сведения, и, ознакомив его с принятыми решениями, заявили, что мафия «готова сражаться с коммунизмом даже с оружием в руках».

По сути, отношения движения сепаратистов и мафии — это новый вариант старой и неразрывной связи между «белыми перчатками» и мафиози, той связи, какая существовала в конце XIX века: одна или несколько групп, принадлежащих к господствующему классу Сицилии, например окружение Таски или Финоккьяро Априле, поддерживают контакт с послушными группами мафиози, которые превращаются в частную и лично зависимую вооруженную силу, подчиненную тому, кто обладает официальной властью.

В то же время со вспышкой движения сепаратизма появляется немало новых черт в облике сицилийской мафии.

Итальянское правительство, то есть централизованная государственная власть, было

еще очень слабым и почти не проявляло себя.

Умберто Савойский, наместник итальянского королевского престола, после вынужденного отречения его отца, Виктора Эммануила III, засылал на Сицилию своих доверенных людей, которые должны были выяснить, существует ли возможность, опираясь на движение сепаратистов, создать независимое савойское королевство на Сицилии. Англичане, стремившиеся видеть Сицилию опорным пунктом своих средиземноморских интересов, и американцы, которым некоторые сепаратисты и довольно широкий круг сицилийцев давали понять, что хотели бы видеть Сицилию «сорок девятой звездой» в созвездии Соединенных Штатов, объединились, несмотря на их частные расхождения, и повели игру на нескольких досках, так, чтобы любое возможное решение сицилийской политической ситуации происходило всегда и только на их условиях, а поэтому выискивали контакты и связи со всеми сицилийскими политическими группировками, начиная с сепаратистов и действуя таким образом, чтобы каждая из этих группировок считала, что она добилась полного одобрения своих взглядов со стороны союзников.

В этой бурной политической обстановке мафиози, как мы уже видели, не сидели сложа руки.

В начале 1945 года они «убедили» Финоккьяро Априле, угрожая ему крахом его политической карьеры, отказаться от уже недостижимой идеи независимости острова и смириться с решением, поддерживаемым большинством политиков в Риме, согласно которому предусматривалась значительная

автономия Сицилии внутри единого итальянского государства.

В январе 1945 года в Палермо Калоджеро Виццини беседовал с глазу на глаз с американским консулом Нестером. «Дон» Калó говорил об утрате веры в силу монархии, которая ничего не обещала мафии в обмен за ее помощь. К сожалению, остается неизвестным, что ответил ему американский консул, но в беседах с англичанами, которые склоняли Италию к монархии, «дон» Калó, конечно, не обсуждал эту проблему.

В эти годы сицилийская мафия завязывает открытые отношения с иностранными секретными службами. Надежных сведений о подобного рода связях с тех пор больше не появлялось, хотя существуют документы, подтверждающие, что итало-американские мафиози были наняты американскими спецслужбами для проведения на Кубе акций против Фиделя Кастро, а впоследствии итало-американская мафия совместно с американской разведкой оказалась втянутой в очень запутанную историю убийства президента США Джона Ф. Кеннеди.

После того как генерал корпуса карабинеров Кастеллано изложил в январе 1945 года американцам свою точку зрения о «пользе» объединения сепаратистов, мафии и различных партий для подавления на Сицилии бандитизма и общего разгула насилия, от сицилийской мафии впервые после июля 1943 года потребовали официальных действий.

В конце 1945 и начале 1946 годов квестор Палермо доносил американскому консулу Нестеру, что мафиози в соответствии с его просьбой помогали генералу

итальянской армии Берарди обезвредить бойцов из «Эвис», боевых отрядов, созданных теми сепаратистами, которые стремились достигнуть своих целей насильственным путем.

Ни сепаратисты, ни масоны, ни христианские демократы, ни англичане, ни американцы или итальянская полиция не прибегали более к услугам «белых перчаток», чтобы мобилизовать мафиози. Напротив, все группировки, которые в эти годы соперничают между собой в борьбе за власть на Сицилии, обращаются непосредственно к явным мафиози. Это, безусловно, было первым признанием самостоятельности мафии как определенной социальной группы. Однако ей не сразу удастся разыграть карту своей автономии, так как у нее еще нет единой иерархической структуры, к тому же после двадцатилетия фашистского режима самой мафии недоставало уверенности в том, что общество готово с нею считаться.

Послевоенный сицилийский бандитизм почти всегда ассоциируется с фигурой Сальваторе Джулиано. На самом же деле начиная с 1943 года Сицилия была захлестнута волной массового бандитизма. Бандиты действовали не только в таких исторически принадлежащих им районах, как Палермо, Трапани, Агридженто, но часто встречались и в Мессине, Катании, Сиракузах, где мафии прежде не существовало. Сицилийский бандитизм в эти годы — это часть национального феномена: много поразительно жестоких бандитов зверствовали в Неаполе, Риме, Болонье, Милане. Характерно, что почти о всех итальянских бандитах послевоенного времени в Италии, разоренной войной и нацистской оккупацией, находящейся еще под конт-

ролем войск союзников, которые останутся в ней до 1947 года, повсюду говорили, что они «крадут у богатого, чтобы отдать бедному». Такие разговоры придавали бандитскому разбою налет бунтарства и основывались они то ли на крайне немногочисленных случаях благотворительности со стороны бандитов, то ли на всеобщем желании покончить с «акулами», то есть с теми, кто не прекращал наживаться и в мирное время так же, как когда-то в военное.

Сальваторе Джулиано продержался дольше всех и продолжал «работать» вплоть до 1950 года, пока его кузен и сообщник Гаспаре Пишотта не убил его в Кастельветрано, передав его труп полиции.

Джулиано был своеобразным типом. Он много писал: стихи, национальные гимны сепаратистской Сицилии, политические воззвания. Его излюбленным «коньком» были угрозы. То он сообщал всем о своем намерении похитить христианского демократа Бернардо Маттареллу, то отправлял письмо, дышащее дикой яростью из-за того, что после организованного им голосования половины жителей Монтелепре (его родного городка и цитадели) за «нужных» людей вдруг узнавал, что карабинеры ответили на это арестом его матери и сестры, обвинив их в пособничестве. Он распространяет слух о подготавливаемом им похищении монсеньёра Филиппи, епископа монреальского, заставив того тем самым искать встречи с главарем мафии Ванни Сакко. Дошло до того, что его осенила мысль похитить самого «дона» Калоджеро Виццини, но это похищение осталось всего лишь неосуществленной мечтой. Единственным преступлением, которое Джу-

лиано удалось совершить в высоких кругах, было похищение сепаратиста-помещика Лучо Таски.

Джулиано и мафиози хорошо знали друг друга. Однажды высокий чиновник из министерства внутренних дел отправился на частную встречу с этим особо опасным преступником, разыскиваемым полицией, прихватив ему в подарок рождественский пирог и бутылку шампанского. Генеральный прокурор и кардинал Палермо предпринимали конкретные шаги для установления прямых, личных отношений с Джулиано.

Джулиано опирался на силу мафии, и мафиози каждый раз приходили ему на помощь в наиболее сложные моменты его карьеры бандита.

Кое-кто из мафиози стал непосредственным участником личной встречи вождей сепаратистского движения с Джулиано, на которой он был произведен в полковники армии сепаратистов. Первого мая 1947 года Джулиано вместе со своими людьми стрелял, спрятавшись за скалой, в крестьян, собравшихся на организованный левыми партиями праздник в районе местечка Портелла-делле-Джинестре. При этом 11 человек было убито. В течение многих лет делались попытки выяснить: кто приказал Джулиано устроить это кровопролитие? На процессе, проходившем в 1953 году перед судом присяжных в Витербо, Гаспаре Пишотта назвал среди вдохновителей преступления христианского демократа Бернардо Маттареллу и монархистов Аллиата из Монтереале и Кузумано Джелозо, но обвинения с них были сняты еще во время предварительного следствия. Однако 1 мая 1947 года именно мафиози

были теми проводниками карабинеров, отвечавших за соблюдение порядка в районе Портелла-делле-Джинестре, которые и направили их в поселок, расположенный далеко от той деревни, где несколько часов спустя Джулиано вместе со своими сообщниками расстрелял из пулемета безоружных мужчин, женщин и детей.

Джулиано любовался собой, позируя перед фотоаппаратами репортеров благонамеренных газет и галантно принимая иностранных журналисток. Между тем мафиози незаметно стали предавать в руки полиции людей Джулиано. После того как была ликвидирована большая часть банды, один из мафиози, «дон» Нитто Миназола, который десять лет спустя был застрелен на улице, провел Сальваторе Джулиано в Кастельветрано, укрыв его в одном из домов. Здесь же Миназола предварительно спрятал Гаспаре Пишотта, который и убил спящего Джулиано. Полковник карабинеров Лука, знавший о ловушке, приготовленной для Джулиано, сочинил в официальном донесении версию о якобы происходившей перестрелке. По его словам, Джулиано был убит карабинерами. Несколько дней спустя палермские полицейские арестовали Гаспаре Пишотту, пользовавшегося покровительством карабинеров. В деле об убийстве Джулиано впоследствии проявились серьезные разногласия между конкурирующими службами охраны общественного порядка, поддерживавшими в свое время явные и тайные связи с Пишоттой, которые и привели к Джулиано. Правда, еще и сегодня есть основания думать, что мафиози обещали карабинерам выдать Джулиано живым, а сами, передав лишь его труп, присвоили себе

загадочные бумаги Джулиано, в которых, возможно, были драгоценные сведения о связях бандита с определенными политическими кругами.

Бандитизм и сепаратизм имели, конечно же, и политическое значение для Сицилии и всей послевоенной Италии, но если мы будем преувеличивать значение этих двух феноменов, то неизбежно скатимся на уровень фольклорной легенды. Бесспорно, что мафия имела связи как с сепаратистами, так и с бандитами. Безусловно, что встречались люди, готовые воспользоваться беспорядками, порожденными сепаратизмом и бандитизмом, и способствовать успеху на выборах тех политических партий, которые выступали за поддержание общественного порядка. Но так же верно и то, что с окончанием 25 апреля 1945 года войны в Италии мафиози, как и все другие сицилийцы, спешно возвращались к политической деятельности, развернувшейся уже по всей стране. 2 июня 1946 года в Италии проводился национальный референдум по вопросу о государственном устройстве. Решался вопрос: монархия или республика. На референдуме победили сторонники республики с небольшим преимуществом над монархистами.

В Сицилии, наоборот, победу праздновали сторонники монархии, получившие 1304 тыс. голосов (64,7%), в то время как республиканцы набрали только 710 тыс. голосов (35,3%).

Несомненно, результаты голосования в Сицилии стали крупной победой правых, к которым присоединилась значительная часть центристов из христианско-демократической партии, тогда как за республику выступили

коммунисты, социалисты, некоторые немногочисленные христианские демократы и республиканцы.

Вскоре после этого еще раз выявилось соотношение сил на выборах в органы областного самоуправления, учрежденных в 1946 году. 20 апреля 1947 года на первых областных выборах в Сицилии народный блок, включавший коммунистов и социалистов, собрал 591 тыс. голосов (29%); христианские демократы набрали 400 тыс. (20%); либералы получили 287 тыс. (14%); монархисты 185 тыс. (9%); индипенденты — сторонники независимости острова, среди которых была также незначительная часть левых во главе с адвокатом Варваро, набрали только около 171 тыс. голосов (8%), а следом за ними шли другие неопределенные политические группировки, формировавшиеся вокруг влиятельных лиц, тесно связанных с местной средой.

Результаты выборов в областной орган показали, что левые силы (коммунисты и социалисты) обладали одной третью всех голосов, потеряв, правда, 5% голосов, полученных на референдуме по вопросам государственного устройства, проводившемся за несколько месяцев до этого. Но в мае 1947 года левые были выведены христианским демократом Де Гаспери из состава правительства национального единства, включавшего в себя все партии, участвовавшие в Соппротивлении. После 1947 года, с началом «холодной войны», левые силы по всей Италии становятся в оппозицию без какой-либо возможности поддерживать отношения с парламентским большинством. Поэтому и в Сицилии 30% избирателей, входя-

щих в левые партии, остаются в жесткой оппозиции.

Фактически 20 апреля 1947 года правоцентристский блок выиграл эту избирательную кампанию, получив 70% голосов. Но именно здесь и начинались противоречия: христианские демократы с их 20% голосов действительно были наиболее сильной группировкой среди правоцентристов, но другие правые группировки, каждая из которых имела меньшее количество голосов по сравнению с христианскими демократами, объединившись между собой, по количеству голосов превосходили ХДП. Поэтому при таких результатах региональных выборов 1947 года дальнейшая динамика сицилийской политической жизни определялась борьбой среди различных группировок за главенство внутри правоцентристской коалиции. В то время областное правительство находилось в руках христианских демократов Алесси и Рестиво, поддерживаемых либералами и последними представителями движения сепаратизма, ряды которого таяли с каждым днем.

Тем временем мафиози рассеялись по широкому фронту, который предоставляла им сицилийская правоцентристская коалиция. Так, на предвыборной встрече с избирателями масона и либерала адвоката Джироламо Беллависта мафиози Челесте заявил: «Вы меня знаете! Из того, кто проголосует за кандидатов народного блока (коммунисты и социалисты), я все потроха выпущу». Знаменитый мафиозо Ванни Сакко (умерший много лет спустя в возрасте 80 с лишним лет) примкнул к либералам. Другие мафиози присоединились к сепаратистам и монархи-

стам, остальная часть сразу же связала себя с христианскими демократами.

Выбор политического лагеря мафиози определялся двумя причинами. С окончанием войны исчезли с политической сцены официальные представители разбитого фашистского режима, который, однако, как политическая сила будет сохраняться вплоть до наших дней. Эту кратковременную пустоту господствующий класс заполняет своими влиятельными деятелями. Крупные адвокаты, врачи, люди свободных профессий, землевладельцы, выходцы из привилегированных каст сразу же начиная с 1943 года повели свою политическую игру. Вновь появился на политической арене престарелый Витторио Эмануэле Орландо, которому Фрэнк Коппола (Трехпалый) тотчас же преподнес в дар бочонок доброго вина. Множество местных дворян заполнило своими именами списки кандидатов и получило места депутатов-правоцентристов. По сути дела, вновь всплывает на поверхность мафия в «белых перчатках», доминировавшая на сицилийской политической сцене с 1860 по 1920 год, те самые «белые перчатки», которые в двадцатилетний период фашистского режима блюли интересы своих клиентов-мафиози, оказывая им юридическую поддержку и защиту, «белые перчатки», которые, не порывая в фашистский период исторически сложившихся отношений, продолжали и после 1945 года вверять управление своей земельной собственностью мафиози-габеллотто.

Экономическое положение в стране было безрадостным. В 1947 году занятость в Пьемонте составляла 52% от общего числа

населения, в Ломбардии работало 47,7% населения, в Тоскане — 44,5% всех жителей, на Сицилии в 1947 году из примерно 4 миллионов жителей имели работу лишь 33,9% сицилийцев. До войны в Ломбардии средняя сумма банковских вкладов равнялась 2350 лир, в Пьемонте она поднималась до 3 тыс. лир; на Сицилии та же средняя цифра в 1939 году равнялась 900 лирам, а после окончания войны она опустилась до 700 лир.

Сицилия с 1945 по 1950 год оставалась областью с почти исключительно сельскохозяйственным производством, где, однако, крестьянин и даже мелкий землевладелец, не говоря уже о множестве батраков, имевших работу менее 100 дней в году, получали годовой доход, не превышающий в лучшем случае 200 тыс. лир, тогда как крупные землевладельцы, не обрабатывавшие сами землю, получали с нее около 10 млн. лир в год.

С 1946 по 1951 год Сицилийский банк распределял по всему острову займы для развития промышленности на сумму около 14 млрд. лир. С 1947 по 1951 год правительство брало на себя обязательство израсходовать по всей Сицилии около 50 млрд. лир, из которых 10 млрд. предназначались на возмещение военного ущерба и 7 — на санитарные нужды. В действительности государство израсходовало всего лишь 75% от планируемой суммы. В свою очередь областное правительство Сицилии собиралось израсходовать с 1947 по 1951 год около 40 млрд. лир, из которых 8 предназначались на санитарные нужды, а 10 — на развитие сети дорог. Фактически местное правительство израсходовало 16% от 40 обещанных миллиардов.

В 1950 году областное правительство значительно снизило налоги на прибыль, поощряя создание новых промышленных предприятий. К концу 40-х годов на острове начинают говорить о нефтяных месторождениях, предполагают создать китобойный флот и перерабатывающую промышленность, которые могли бы выйти на мировой уровень.

При таком состоянии экономики Италия, включая и Сицилию, в 40-х и 50-х годах, как и в конце XIX века, оставалась «лучшей страной для богатых и худшей для бедных». На острове продолжали сохраняться условия, благоприятные для различных групп мафиози: постоянная погоня за земельными участками, распределение водных ресурсов, черный рынок зерновой продукции, угон скота, грабежи, вымогательство. К таким условиям мафиози легко научились приспособляться начиная еще с 1800 года.

Не забывают мафиози и о своих традициях. В 1946 году вновь вспыхнула, принеся большое количество ненужных жертв, война между кланами мафии Чакулли, Виллабате и Крочеверде.

В политическом плане мафиози и «белые перчатки» полностью восстановили прежние связи и границы разделения власти.

Сразу же после 1945 года «режим свободы и демократии», как писал в одном из своих донесений командир отряда карабинеров, предоставил крестьянским массам политические свободы, и левые партии организовали движение за проведение аграрной реформы. За забастовками и крестьянскими волнениями следовали захваты помещичьих земель. Крестьянская борьба поставила под сомнение реальную систему власти, сложив-

шуюся в сицилийской деревне, в которой постепенно начинают появляться фигуры крестьянских вожаков, тесно связанных с левыми партиями.

Возможность появления новой системы власти в сицилийской деревне заставила помещиков объединиться под девизом «уничтожить коммунистов и профсоюзных организаторов» и, как говорил командир отряда карабинеров в Корлеоне Агостино Виньяли, «мафия услышала» призыв «белых перчаток».

Следуя древним сицилийским обычаям, «белые перчатки» и мафия не собирались начинать открытую борьбу с сицилийскими крестьянами. Их политическая линия состояла в индивидуализации объектов столкновений между крестьянскими массами, с одной стороны, и землевладельцами и мафиози-габеллотто — с другой. Те, кто после 1945 года лично противостоял власти мафии над землей и над крестьянами, подвергались нападениям, организованным мафиози и «белыми перчатками». Так, с января 1945 по январь 1948 года в треугольнике Палермо — Трапани — Агридженто от пуль мафии пал 31 руководитель «красных» профсоюзных организаций, к которым следует добавить еще одиннадцать крестьян, безжалостно расстрелянных в Портелла-делле-Джинестре первого мая 1947 года бандитом Джулиано в сговоре с мафиози и «белыми перчатками».

После совершения преступления «белые перчатки» выдавали мафиози вознаграждение. Вслед за национальными выборами в апреле 1948 года, на которых ХДП получила абсолютное большинство голосов, правительство, возглавляемое Де Гаспери, начало

осуществлять аграрные мини-реформы. Но «законы на Сицилии не действуют», поскольку в треугольнике Палермо — Трапани — Агридженто государственный закон должен считаться с волей мафиози. В эти годы мафиози уже сплотились в мощную, находящуюся под влиянием ХДП крестьянскую корпорацию, на которую опирались хорошо известные Виццини, Дженко Руссо, Торретта, Бонтаде, Греко, Плайа. Жонглируя запутанными и малоэффективными законами, направленными на проведение аграрной реформы, мафиози контролировали и направляли распределение крошечных земельных наделов в нужное им русло, используя, таким образом, государственные средства в собственных интересах.

Так, воспользовавшись этими попытками реформ в сельском хозяйстве, мафиози сумели вписать еще одну «славную» страницу в свою историю.

В 40-е годы некоторые специалисты и соответствующие административные органы сочли возможным использовать для орошения и обработки полей огромные запасы воды, находящиеся в районе Грифоне, неподалеку от Палермо. После составления проекта приступили к ирригационным работам. Однако мафия выступила против проведения этих работ. («Могу ли я назвать имена? — отвечал в 1965 году на вопрос «Антимафии» инженер Скрофани. — Вот они: Бонтаде, Греко, Ла Барбера, Торретта».) Мафиози постоянно держали под контролем необходимые для сельского хозяйства источники подземных вод. Ведь именно мафия распределяла воду и устанавливала тарифы для изнывающих от жажды людей. Поэтому мафиози

заявили, что вода из района Грифоне должна быть направлена в направлении, прямо противоположном предусмотренному проектом, чтобы создать водоем для разведения угрей, а не использовать ее на общественные нужды. Некоторые руководители проекта попытались выступить против этих предложений, но неизвестные лица в знак предупреждения изуродовали лицо руководителю работ. После этого вода была направлена в сторону Багерии в соответствии с пожеланиями мафиози. Человек, изуродовавший руководителя работ, остался безнаказанным, а все «белые перчатки» на уровне центрального правительства, областных, провинциальных и коммунальных властей пожелали, чтобы мафиози занялись разведением в этих водоемах угрей.

В мафии конца 40-х годов самой заметной фигурой являлся «дон» Калоджеро Виццини — «призрак» дофашистской эпохи, чья карьера мафиозо началась в 1898 году с процесса по обвинению в убийствах, закончившегося оправданием за недостаточностью улик, который был известной личностью уже в 20-е годы.

С июля 1943 года, то есть с того момента, когда на Сицилии высадились английские и американские войска, по июль 1954 года (год его смерти) мафиозо Калоджеро Виццини появлялся всюду, где этого требовали его интересы, устраивал свои дела и удалялся. Администрация союзных войск, либералы, христианские демократы, владельцы поместий и рудников, директора банков, бандиты, сепаратисты, хозяйка салона, молоденькая графиня, которой, по слухам, он поставлял кокаин, — все отмечали его удивительную

бесцеремонность: посыльный без стука распахивал двери и, что бы ни происходило в это время в помещении, вводил в комнату «дядюшку Калó», коренастого, уже дряхлеющего мужчину. Уладив свои дела, «дядюшка Калó», дружески прощался и уходил к себе домой. В конце жизни Виццини «одарил» интервью уже ставшего к тому времени знаменитым журналиста Индро Монтанелли. За несколько лет до этого Виццини приказал своим подручным стрелять в коммуниста Ли Каузи, посмеявшегося публично обрушиться на мафию и ее главаря.

Стала событием и его смерть. Местная организация христианских демократов Виллальбы, городка, где он родился и проживал, вывесила траурный флаг, получив скорбное известие о его кончине. Над воротами церкви, убранной для таких похорон подобающим образом, висело полотнище, восхвалявшее достоинства и заслуги умершего «дядюшки Калó». Даже из Америки докатилось эхо «соболезнований горю его родственников и великой семьи, считавшей его своим патриархом».

В 1955 году, через несколько месяцев после смерти Виццини, Джузеппе Гвидо Ло Скъяво, честнейший судебный чиновник и исследователь мафии, еще в 1930 году заклеивший ее как самую обыкновенную преступную организацию, писал: «Сегодня называют имя нового патриарха — преемника «дона» Калоджеро Виццини в лоне тайного семейства. Да будет его деятельность направлена на уважение законов государства и улучшение жизни общества». Зная Ло Скъяво, наивно думать, что его благие пожелания преемнику «дядюшки Калó» относятся

к новому главе мафии. Тогда что же это за тайное семейство, патриархом которого был при жизни Виццини? Сами слова, употребляемые таким тонким стилистом, каким был Ло Скъяво,—«тайное семейство», «патриарх», «улучшение жизни общества»—непосредственно отсылают нас к другому братству—масонству. Возможно, что Виццини был также и главой масонов. К тому же между мафиози и масонами часто устанавливались тесные связи, так как речь шла о двух ветвях правящего сицилийского класса. В 1974 году в Палермо карабинеры должны были арестовать коммерсанта Мандалари и встретили в его доме пришедшего за «консультацией» знаменитого «дона» Тано Бадаламенти.

Мандалари, баллотировавшийся в парламент от неофашистской партии итальянское социальное движение, был одним из видных членов масонской ложи и оказался близким другом падре Агостино Копполы, приговоренного впоследствии к десяти годам тюремного заключения за соучастие в похищениях людей с целью получения выкупа, осуществлявшихся Лучиано Лиджо. (В 1976 году итальянская пресса называла масоном и Агостино Копполу.) Ничего странного в том, что на Сицилии какой-то человек является одновременно и мафиози и масоном, нет. Тем не менее наше предположение требует дополнительных доказательств, которые могут появиться, если проанализировать тесные отношения, существующие между масонами и итало-американскими гангстерами в США.

Лучшим свидетельством изменений, происходящих в мафии, начиная с 1945 года,

является фигура такого мафиозо, как врач Микеле Наварра.

«Дон» Микеле принял бразды правления мафией Корлеоне вскоре после окончания войны. Под его властью оказались все «герои» сельской мафии этого района, связанные с ним традиционными отношениями кумовства по случаю крестин, конфирмаций, венчаний. Среди сообщников «дона» Микеле особенно выделялся молодой парень, которого звали Лучиано Лиджо, уже в 12 лет стрелявший лучше профессионала, а в 1943 году, как говорили, участвовавший во взломе сейфа итало-немецкого армейского корпуса в Корлеоне. С таким окружением Наварра проводил традиционную политику любого вожака мафии. Он подчинил себе всю сельскую зону Корлеоне, где ничто, начиная с убийства, не могло произойти помимо его воли, но усмирить окончательно своих подданных он не мог и в 1958 году после весьма запутанной истории нашел свою смерть от руки Лучиано Лиджо, ставшего к тому времени уже «идеальным убийцей».

Доктор «дон» Микеле Наварра (говорили, что как врач он не хватал звезд с неба, но был умен и недурно образован) прокладывал в мафии свой особый путь. Он стал «врачом Национального института по страхованию на случай болезни и имел такое количество пациентов, какого не было ни у одного из его коллег, был главным врачом больницы в Корлеоне, врачом местного управления железных дорог, врачом туберкулезного профилактория, врачом, а потом инспектором больницы при кассе взаимопомощи союза». «Дон» Микеле не ограничивался врачебной

практикой, сфера его интересов простиралась от должности государственного чиновника по вопросам культуры до надзора за бензоколонками. В течение своей жизни он занимал много разных постов и мелких должностей.

Наварра был очень осмотрителен в выборе нужных ему друзей. Так, он стал «другом» христианских демократов Алесси, Вальле, Альдизио, Маттарелла, а затем и Марио Шельбы, могущественного министра внутренних дел во всех правительствах христианских демократов с 1948 по 1953 год. В 1951 году Микеле Наварра был выслан на принудительное поселение, которое, однако, продолжалось всего одни сутки, после чего он вернулся в свой городок и преспокойно проживал в нем.

Наварра был очень дальновидным человеком. Во время избирательных кампаний он выдвигал кандидатов, которые наверняка должны были победить, и, как только они занимали публичные должности, устанавливал с ними такие взаимоотношения, которые обеспечивали бы ему помощь и протекцию в случае возникновения сложных ситуаций. Одновременно он вводил много молодых людей из семей мафиози в организацию «Католическое действие», которая в эти годы была питомником руководящих кадров для христианско-демократической партии, а впоследствии — и государственного аппарата. И внедрял он своих ставленников в таком количестве, что это вызывало протесты даже со стороны некоторых священников, поскольку в «Католическом действии» буквально не оставалось места для молодых людей, рекомендованных ими самими.

В отличие от Наварры, так недвусмысленно готовившего для мафии будущее, почти вся оставшаяся часть мафиози не осознавала, что на рубеже 40—50-х годов в жизни началось время больших перемен.

Благодаря разоблачениям коммуниста Ли Каузи стало известно, что в 1952 году «белые перчатки», управлявшие в то время коммунальным советом Палермо, приступили к «развитию» жилищного строительства в городе. Как вспоминал в своих показаниях перед комиссией 29 апреля 1964 года человек демократических убеждений профессор Вирга, занимавший в то время должность асессора в палермском муниципалитете, необходимо было каждый раз вызывать отряд вооруженных полицейских, чтобы коммунальные землемеры могли произвести топографическую съемку местности в отдельных районах Палермо. Если служащие муниципалитета приходили туда без сопровождения полиции, вооруженные мафиози прогоняли их. Это происходило в районах Чакулли и Гуаданья, где власть находилась в руках главарей мафии Греко и Бонтаде. Вирга, не решившийся открыть Комиссии конкретные имена, все же утверждал, что во многих районах Палермо местный глава мафии и представитель «законной власти», «возможно», одно и то же лицо.

III. НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СТАРОЙ МАФИИ

В старой мафии главарь занимал привилегированное положение. Он никогда не участвовал в преступлениях, чтобы иметь алиби, когда за дело принимались сыщики; при нем всегда находился верный человек, выступавший в качестве «щита» и охранявший его от нападений других мафиози, он проводил различные переговоры, возглавлял окутанные тайной заседания, отдавал приказы, одним взглядом, намеком или жестом добиваясь полного подчинения.

Однако при определении структуры старой мафии возникают некоторые трудности. Старая мафия, как писал социолог Франко Ферраротти, остается феноменом, «необъяснимым с точки зрения современных социологических теорий»; у нее «индивидуальный характер», она как бы соотносится со способностями отдельного главаря; у нее «рациональный характер», потому что она создает эффективные организации, аналогичные бюрократическому аппарату; ее организм подобен организму ящерицы».

Некоторые моменты в характере старой мафии можно все же выделить с достаточной уверенностью.

Мафиози становятся мафиози из поколения в поколение. Они уже рождаются мафи-

ози, потому что их кровь—это кровь их семьи.

Если ты не сын, не племянник или кузен мафиозо, сам ты уже не мафиозо. Браки заключаются между их семьями точно так же, как это происходит до сих пор с царствующими домами.

Семья мафиозо составляет основу и суть самой мафии. Семья в целом не зависит от жизненного пути и превратностей судьбы отдельного человека: вот уже больше века угроза пожизненного заключения или многих лет тюрьмы не останавливает мафиозо, находящегося на свободе.

Семья в старой мафии, зародившейся тогда, когда только она, а не отдельная личность обладала социальной значимостью,—это семья патриархального типа, характерная для крестьянского мира. Основное ее правило—«подчиненность», то есть семья подразделялась на отдельные, особые пласты со своими обязанностями, значением и властью, причем все это включалось на основе железных законов в иерархию ролей и, следовательно, личного положения.

Во главе семьи стоял отец, которому не обязательно было обладать большими достоинствами и умением повелевать. Ему принадлежало право решать, что следует делать каждому ее члену, распределять доходы между ними, учить детей ремеслу и соответственно искусству жить.

Семья была своеобразной школой, в которой благодаря жестокости обучения достигалось такое автоматическое повиновение, что сын отождествлял свою свободу лишь с полной слепой покорностью воле отца. В этой школе усваивали, что жизнь сурова и

жестока и достигать каких-либо преимуществ можно любой ценой, в том числе и пролив кровь своего вожака.

Не имела общественного веса, потому что почти никогда не выходила за порог собственного дома, женщина, которой для того, чтобы считаться красивой, надо быть «полной, яркой, держаться прямо, и прежде всего у нее должна быть мощная грудь, которая, придавая ей гордую осанку, вот-вот вырвется из платья».

Но в старой мафии, а следовательно, и в старой Сицилии женщина имела гораздо большее влияние, чем обычно считали мужчины того времени: она вела домашнее хозяйство и заставляла мужчин думать об увеличении доходов семьи. Бывали случаи, когда именно женщина побуждала мужчин находить новые способы обогащения. Женщина воспитывала детей и была хранительницей семейных традиций. В то время как мужчины постоянно оставались в деревнях, она поддерживала отношения с жителями городка. В семье мафиозо именно женщина, оплакав убитых, «готовила детей для вендетты».

Какими же качествами должен был обладать человек, чтобы его признали мафиозо?

Никто в его семье, а до 1950 года даже и в более широкой социальной среде Сицилии, не говорил ему, что существуют «общество и коллектив». Его учили, что «мир враждебен, сулит угрозы и опасности, жесток и суров» и, если ты хочешь достичь «богатства, власти и влияния», ты должен «бороться против всего и против всех».

Мафиозо преимущественно индивидуалист, его ум сосредоточен только на дости-

жении его собственных целей. Но тот факт, что у мафиозо отсутствует «какая-либо система ценностей, которую он должен защищать», не следует рассматривать лишь как отрицательный момент, как его личную ограниченность. Наоборот, в безудержном индивидуализме члена старой мафии скрывалась одна из пружин, толкавших его к достижению жизненного успеха: мафиозо легко мог приспособиться к любому социальному окружению, так как, куда бы он ни попал, отсутствие идеологических ценностей помогало ему принаравливаться к бесконечным изменениям жизни.

В крови мафиозо хранится отражение множества ритуалов. Мафиозо должен показать всем, что у него достаточно мужества: он должен уметь молчать, следовать закону круговой поруки (омерта). Он не может жить без оружия. Окружающие должны признать за ним смелость, основанную на презрении к опасности и пренебрежении к смерти. Он сам держит слово и заставляет других уважать данное ими слово. Поэтому неуважение или обида, нанесенные его достоинству, должны быть публично отомщены, чтобы все наглядно видели его силу. Когда-то были священными, особенно в тюрьмах, ритуалы принятия в мафию, на которых смешивалась кровь их участников. Тот, кто вступал в мафию, испытывал при этом восхищение и страх, тогда как мафиози, вводявшие новичков в организацию, укрепляли тем самым сознание своей абсолютной и безоговорочной власти над ними, подтверждая, таким образом, свои жизненные принципы в собственных глазах.

Влияние и силу, позволяющие им дей-

ствовать в обществе, приносят мафиози прежде всего преступления. С кровью они впитывают «архаическое нравственное сознание, согласно которому отношения между людьми строятся на чувствах садизма и мазохизма, обращенной к другому агрессии либо страданий от нее».

Преступления давали мафиози возможность быть «коноводами» старого сицилийского общества, в котором «табуном» оставались нечлены мафии, многие из которых по культурно-антропологическим и психосоциологическим причинам ощущали «необходимость» стадного образа жизни.

«Дону», главарю семейства мафиози, постоянно нужно искать удовлетворения своей неиссякаемой жажды власти: так, очень часто у него проявляются попросту параноидальные черты, такие, как чрезмерная недоверчивость, болезненное стремление никогда не проявлять свои чувства и эмоции, доведенная до крайности подозрительность по отношению ко всем окружающим.

В среде бесчисленной своры наемных убийц, слепых и равнодушных исполнителей приказов мафии происходят нередкие проявления слабоумия, сочетающиеся с эпилептическими приступами.

Когда же лицом к лицу встречаются мафия и религия, то мафиози становятся устроителями народных религиозных праздников — единственного ежегодного развлечения в старом крестьянском обществе Южной Италии, совершают самые богатые приношения святым, несут на своих плечах статуи великомучеников. В обмен на это католическая церковь не проводила решительной борьбы против мафии, но выступала

вместе с нею на основе уравновешенных конкретных интересов, так как безудержный индивидуализм являлся источником жизни всего старого сицилийского общества. Но все же у нас нет сведений о прямых связях между сицилийской мафией и католической церковью, хотя в Калабрии главари мафии каждый год собираются в одном из храмов, чтобы отпраздновать праздник местной мадонны.

Кровные узы между членами мафии так сильны, что не ослабевают ни с годами, ни с расстояниями. «Грешник» может быть призван к ответу и предстать перед «комиссией», существующей в мафии, даже по прошествии многих лет, когда он уже не поддерживает отношений с другими мафиози. Эти кровные узы позволяли постоянно оживлять контакты между сицилийскими и американскими мафиози. Временами результаты выборов главы мафии в Америке обуславливались благоговейной преданностью, которую претенденты питали к материнскому дому — Сицилии. Говорят, что Альберто Анастасиа был убит в Нью-Йорке Джерландо Альберти, специально прибывшим из Италии, и что все в том же Нью-Йорке годами скрывался Лучиано Лиджо. В 1978—1982 годах почти все «сиятельные трупы» были делом рук американских мафиози, специально прилетавших в Италию. С тех пор как с начала XIX века поднялась волна эмиграции членов мафии в Соединенные Штаты Америки, «американцы» постоянно заключали браки с наследницами семей мафиози, оставшихся на родине. И действительно, если взглянуть на генеалогическое древо американских мафиози, то можно увидеть, как в каждом поколе-

нии постоянно происходил прилив свежей сицилийской крови.

Мафиозо входит в общество с помощью своей кровной семьи. В обществе его семья сталкивается с другими семьями, следуя двумя путями: завязывая родственные связи и устанавливая дружеские отношения.

Родственные связи наиболее предпочтительны, так как в этом случае действует голос крови. Больше того, было изобретено искусственное родство — кумовство, которое возникает после исполнения роли крестного отца на крестинах и конфирмации или роли свидетеля во время бракосочетания. Кум по праву входит в кровную семью. Семья же обогащается с помощью алхимии браков и политики бракосочетаний.

Дружба же играет вспомогательную роль и служит скорее как система знакомств и связей, то есть как возможность выйти на кого-нибудь для взаимного обмена услугами и одолжениями. Количество знакомств выставляется напоказ, потому что «число друзей является одним из признаков общественного влияния отдельного мафиозо или всей семьи».

Значение семьи заключается в том, чтобы доказать окружающим способность навязывать собственную волю. Отдельные члены семьи, даже если она разрастается до десяти человек мужского пола, сделать этого не в состоянии.

Управляет какой-либо общиной семья мафиози через «коску», являющуюся объединением нескольких семей мафиози. Коска, как объединение членов семей мафии, может быть в конечном счете результатом последовательных бракосочетаний, которые, пусть и

продиктованы взаимными чувствами вступающих в брак, совершаются почти всегда только между семьями мафиози.

С помощью коски мафиозо расширяет сферу своего влияния: согласно требованиям своей среды, мафиозо должен обладать собственным владением — «землей»; объединение семей одной местности в коску дает мафиози возможность разыграть свои личные владения как козырную карту прежде всего по отношению к частной собственности нечленов мафии, то есть подавляющего большинства общества.

Коска организована на более высоком уровне и как патриархальная семья, поэтому внутри ее самостоятельность отдельного мафиозо минимальна.

Во внешнем мире коска осуществляет верховную власть.

Мафиози других косок должны просить разрешения, если их интересы вынуждают их действовать на территории коски, членами которой они не являются. Отношения между различными косками, как правило, дружеские, деловые, иногда носят характер взаимопомощи. Однако когда между ними вспыхивает война, особенно если возникают спорные вопросы при определении границ соответствующих территорий, коски ведут ее до полного уничтожения соперников. Так начинались месть и резня, тянувшиеся порой в старой мафии годами, вовлекая в свою мясорубку даже детей.

Со всеми остальными членами общины, не состоящими в мафии, отношения основывались на авторитарной силе — власти, возникшей с помощью тех же средств, к которым прибегали и для ее сохранения и под-

держания, в соответствии с правилом: «Каждая власть держится на способности применять насилие».

А насилие, применяемое старой мафией, как показал антрополог Ломбарди Сатриани, имеет два лица: на одном из них сохраняется уважительное и льстивое выражение, и обращено оно в сторону господствующего класса, на который мафиози старого закала нападают, используя вымогательство, шантаж, похищения людей, молчаливую угрозу; другое, наиболее жестокое и откровенное, обращено в сторону эксплуатируемого класса, который становится жертвой насилия, непосредственно подвергаясь избиениям и попадая под выстрелы.

И обе эти формы насилия должны, пусть даже путем распространения слухов, стать достоянием гласности, так как мафиозо жаждет насладиться своим успехом, а также потому, что именно проводимый им террор и укрепляет его власть.

Общество, в котором царила старая мафия, было обществом насилия. Достаточно вспомнить о феодальной знати, которой вице-король Караччоло дал следующее определение: «200 человек, проглотивших остальные полмиллиона людей», или о крестьянах, у которых не было иного выбора, кроме как обречь себя на нечеловеческий труд. В таких условиях существовала тесная связь между насилием мафии и насилием в обществе.

Неистовый индивидуализм мафиозо опроверг традиционные представления о насилии. Для мафиозо «законным» считается возмущение человека действиями, наносящими ущерб его влиянию или чувству собственного достоинства, а «долгом» становится

мечь за понесенное оскорбление. Убийство при этом не всегда воспринималось как бесчестный поступок, хотя оно почти никогда не получало положительной оценки в общественном мнении, особенно когда убийство «по ничтожным мотивам» совершали бедняки.

И крестьян, и дворян подвергают насилию в одинаковой мере, чтобы заставить их беспрекословно исполнять приказы. Дворянам нечем защищаться, ибо свои «вооруженные» силы, они уже давным-давно отдали на откуп своим слугам, ближайшим предкам мафиози.

Для того чтобы принудить и тех, и других смириться со своей властью, члены мафии, не стесняясь, применяли насилие. Насилие заставило сицилийское общество XIX века «уважать» их.

Впоследствии культ насилия как средства, открывающего новые пути к завоеванию «почетного» места в обществе, свел в новую социальную формацию (мафию) индивидов, которые с его помощью превратили в закон присущий им образ жизни.

Для мафиозо насилие — норма поведения. Оно позволяет ему заявить о себе и получить добычу. К тому же оно демонстрирует «презрение и вызов» обществу, а следовательно, служит подтверждением его мужества. Чем более «опасным и могущественным» оказывается человек, над которым совершается насилие, тем больше «почета и уважения» приобретает насильник. Отсюда восхищение перед «презрением к государству», отсюда «ореол славы», окружающий убийцу, уничтожившего своего врага.

Но власть мафии этим не ограничивается.

Положение мафиозо ставит его вне системы феодальной вассальной зависимости, одобрение его действий может исходить только от «друга, который всем обязан мафии»: получил должность, которую можно занимать до конца жизни; подвенечное платье, купленное в Париже, но украденное сразу же после прибытия посылки в Палермо, без которого «порядочные семьи» не могли совершить священный обряд бракосочетания; решен с помощью одного лишь намека его щекотливый вопрос...

«Благожелательность» так же, как и одобрение, население выражало мафиозитом, что молчало. Омерта́ (обет молчания) в сицилийском фольклоре — это единственная форма протеста, применявшаяся ранее против «чужаков», «пришельцев с Севера», которых итальянское государство отправляло на Сицилию для искоренения мафии.

Каким же правилам подчинялись члены старой мафии?

Сицилийский ученый Монтальбано писал, что «письменные уставы» возлагали на мафиози соблюдение следующих норм:

1. «Обязанность помогать друг другу в кровном отмщении нанесенных оскорблений.

2. Обязанность защищать и добиваться освобождения члена мафии, попавшего в руки правосудия.

3. Право участвовать по решению вожаков в распределении доходов, полученных от выкупов, вымогательства, ограблений, краж и других преступлений.

4. Обязанность хранить тайну под угрозой смерти, назначаемой отступникам решением соответствующего судебного органа мафии».

Немецкий ученый Гесс назвал «игривой и слишком эксцентричной» гипотезу существования в мафии письменных уставов, «поскольку чем к более давнему времени мы обращаемся, тем большей становится безграмотность», почти поголовная на Сицилии.

Вероятно, однако, что уставы, о которых писал Монтальбано,—это те же правила, которые действовали в цехах и ремесленных корпорациях, сохранявших средневековые и даже римские традиции, и еще существовали в начале XIX века на Сицилии. Эти корпорации объединяли ремесленников—каменщиков, плотников и т. д. Во всех этих цехах существовали письменные уставы, утверждавшиеся властями. В этих уставах не было, конечно, никаких намеков на преступные действия, но в них были записаны определенные правила по оказанию взаимной помощи и поддержке между членами. Последние соглашались жить (вне корпорации они никогда не могли бы найти другой работы) согласно жесткой и унифицирующей внутренней дисциплине, предписанной уставами. То же самое, по мнению Монтальбано, существовало и в мафии.

Многие исследователи утверждали, что цеховые объединения—это предтечи мафии. Они были распущены около 1820 года Бурбонами, так как обвинялись в мятежах и самом настоящем бандитизме. Вполне возможно, что некоторые из письменных уставов ремесленной корпорации перешли в виде устных правил к мафии, сохранившей предание о предшествующем письменном источнике.

Помимо письменных уставов, установить правила, которые обязан соблюдать мафи-

озо, можно на основании системы наказаний, применяемой за их нарушение.

В наказаниях мафии не предусмотрено содержание в заключении. Мафиози, занимающиеся похищением людей, а похищенный мог находиться в их руках в течение нескольких лет, имели все необходимые средства и возможности, чтобы заточить провинившегося мафиозо в тайных и никому не известных темницах. (Если бы они были обнаружены, то карабинеры были бы просто обязаны закрыть их, чтобы увести в «свои» тюрьмы несомненных мафиози, виновных перед правосудием.) Но у мафии нет своих тюрем.

Чаще всего налагаются легкие наказания, такие, как «предупреждение, предостережение, внушение и публичное покаяние». Последнее применялось очень редко, потому что мафиозо, решивший искупить свою вину, не может сделать это открыто, иначе он потеряет свой престиж и влияние. Однако эти наказания становятся незаметными в том шуме, который поднимается в обществе после самого сурового наказания — смертного приговора, часто выносящегося тогда, когда мафиозо отказывается понести менее тяжкое наказание.

Иногда между мафиози возникают неожиданные и яростные схватки, заканчивающиеся убийствами. Но в этом случае смерть, конечно, уже не кара, потому что акт насилия, результатом которого она оказалась, является характерной чертой, присущей поведению любого мафиозо.

Когда говорят, что какие-то главари или лица, занимающие в мафии высокое положение, были «приговорены» к смерти, надо

подходить к этому с некоторой осторожностью. Мафия—это архаический организм, где противоречия могут подолгу открыто уживаться между собой. Иерархическая семья и необузданный индивидуализм, абсолютное послушание главе-отцу и неистовая жажда личного обогащения, ощущение силы от сознания принадлежности к группе, и неудержимое желание завоевать влияние и проявить доблесть. Из всего этого можно сделать вывод, что иногда разговор о заслуженной «каре», которую понесли главари, всего-навсего лишь маскировка, цель которой скрыть, что убийца думал прежде всего о том, как ему добраться до командных высот и самому заменить в качестве главаря того, в чьих жилах текла родственная ему кровь.

Настоящая же смертная казнь по законам мафии—та, что в субкультуре насилия действительно являлась наказанием,—делится в основном на два вида: осуществление права мести и наказание предателя.

Поскольку в основе жизни семей мафиози лежало насилие, они легко нарушали между собой перемирие. Оскорбление, ошибка, борьба за влияние на определенной территории, неоплаченный долг, самый настоящий обман, который мафиозо из одной семьи совершает по отношению к представителю другой, дают повод для убийства, которое в свою очередь должно быть отмщено. Это порождает целую цепочку преступлений, совершаемых на протяжении многих лет и даже десятилетий. Важно, чтобы конкретный исполнитель сознательно мстил за честь всей семьи и был уверен в том, что в случае его смерти другой кровник придет и

отомстит за него: «Кровь убитых вызывает к вендетте».

Предатель — это ходячий покойник. Его вина состоит в том, что он пошел против голоса крови своей семьи. Он предал интересы и дело своей организации либо соперничающей группе, либо государству. Он заслуживает только смерти, иной расплаты быть не может.

Многие связывают наказание предателя исключительно с законом молчания (омертá), который, однако, требует более подробного разговора.

Во-первых, понятие «омертá» имеет не только отрицательный, но и позитивный смысл, который никак не связан с предательством. Омертá — это не просто закон молчания: это еще и «хорошие манеры» и умение понять и рассчитать складывающуюся ситуацию; это и преднамеренный обман, сознательное лицемерие для устройства «ловушки», в которую можно с притворной добротой и любезностью заманить жертву, поставив ее в безвыходное положение; это и защита от посторонних, а потому и требование молчания, грозящее смертью за его нарушение.

Во-вторых, подчинение закону омертá со стороны мафиози весьма относительно. Вот уже сто лет, как мафии посвящаются многочисленные исследования. В большинстве случаев их авторы черпают сведения исключительно из материалов судебных процессов, а кто говорит на судебных процессах о мафии, как не сами мафиози? Начиная с самого становления мафии, полиция борется против нее, пользуясь как источником информации теми мафиози, которые являются

в полицию и сообщают о том, что происходит в мафии. Эти «конфиденциальные источники» часто становятся и источниками достоверной информации, то есть информации, полученной от мафиози, которые на протяжении многих лет говорят правду о мафии и, следовательно, заслуживают доверия. Иногда на основе мифа о законе омерта мафия создавала свои тактические шедевры.

В заключение нужно подчеркнуть, что омерта, понимаемая как молчание,—это способ утверждения реальных целей мафии: ее требования важнее родственных связей либо материальных интересов какой-то группы или отдельного человека.

Система наказаний, принятая в мафии, требует существования группы лиц, обладающих правом и возможностью выносить приговоры, то есть группы, которая держит в своих руках «высшую власть». Но для того, чтобы определить эту группу, у нас слишком мало данных.

Никто ни разу не исследовал эту сторону деятельности мафии, вернее, просто не расспрашивал о ней самих мафиози. Нет никаких сведений, исходящих из среды самой мафии, которые позволили бы понять, как осуществляется власть внутри этой организации.

Однако нельзя сказать, как утверждает писатель Леонардо Шаша, что мафиозо на людях всегда говорит, будто не знает, что такое мафия.

27 февраля 1974 года восьмидесятилетний патриарх Фрэнк Коппола (Трехпалый), последний представитель старой мафии, был допрошен «Антимафией». Во время допроса он внес невероятную путаницу, смешав в

одну кучу квестора Мангано, историю магнитофонных лент со стертыми записями, генерального прокурора Спаньюоло и несколько миллионов, которые Коппола передал лицу, имя которого он якобы забыл. Он собирался доказать «достоверность» своих слов и представил, по существу говоря, итальянскому парламенту, если принять во внимание состав этой Комиссии, хронику своей жизни, выраженную главным образом в его многочисленных судебных процессах, о которых он вспоминал с простодушной улыбкой, изображая полное незнание судебной терминологии. Коппола перечислил некоторые свои «предвыборные» визиты в Палермо в 1948 году, длившиеся намного дольше его обычных поездок на родину из Рима или его окрестностей, куда он перебрался на постоянное место жительства, и связал их, раскручивая карусель явного абсурда, с дружескими отношениями с некоторыми священнослужителями из различных приходов и своими торговыми операциями по импорту мяса («Италии ведь нужно мясо»). Коппола восхищался Америкой, страной «настоящей демократии», где он прожил до своего выдворения оттуда 24 года, а затем принялся рассказывать историю священника, возможно, своего родственника, который ввел его в дом министра, судя по чудовищному языку Коппола, кажется, министра внутренних дел, в чем непосредственном подчинении находилась итальянская полиция. Председательствовавший на заседании комиссии сенатор неоднократно прерывал его, уточняя детали и требуя пояснений, на что Коппола отвечал целым потоком отрывочных фраз, переведенных с сицилийского диалекта в его

самом непонятном варианте. Коппола защищал «стариков», «депортированных» из Сицилии на Север Италии на обязательное поселение, где они, оказавшись в бедственном положении, «вынуждены» были совершать преступления. Затем Коппола вдруг занервничал и стал грубо нападать на «Антимафию»: «Давайте не будем делать так, чтобы через десять лет работы Комиссии стали писать книги, в которых говорилось бы: «Наконец-то «Антимафия» сделала то, сделала это и это, а Фрэнк Коппола между тем умер в тюрьме». Коппола не таился, он загонял кинжал по самую рукоятку: «Начинайте с меня, охотьтесь за моей головой, если это справедливо, но только справедливо!»; «Если я виновен, дайте мне 16, 20 лет тюрьмы», «Но тут есть и несправедливость, когда правосудие (то есть судьи) злоупотребляет властью»; «Но почему бы нам не назвать ее ассоциацией Святой Варвары вместо того, чтобы звать ассоциацией 114?»¹; «Так давайте поищем доказательства этих преступлений, хорошенько просеем их и посмотрим, замешан ли я в этом деле». Но особая ловкость Копполы состояла в том, что он потребовал от «Антимафии» стать «его» зрителем: «Я прошу прощения, если я кричу таким образом. Не воспринимайте это плохо...», потому что «все люди одинаковы»...

Вот это и есть мафия.

Дело в том, что мафия постоянно говорит о себе в присутствии зрителей. Однако лю-

¹ С февраля по июль 1974 года в Палермо шел крупный процесс над 114 мафиози, в том числе и над Ф. Копполой.— *Прим. перев.*

ди, не причастные к мафии, возможно, из-за гипертрофированного отношения сицилийца к своему «я», слишком много внимания уделяют отдельному мафиозо и рассматривают прежде всего деятельность и «подвиги» того или иного главаря. На самом же деле, и об этом уже говорилось ранее, мафия существует только потому, что она является сплоченной группой многих.

Единственным местом, где мафиози публично говорят о мафии, становятся судебные процессы, превращающиеся в трибуну, которую мафия использует для того, чтобы заявить о себе.

Чтобы установить, существуют ли и как действуют группы мафиози, сосредоточившие в своих руках власть внутри этой организации, необходимо выяснить, насколько можно верить тому, о чем говорится на итальянских судебных процессах. Однако здесь огромным, почти непреодолимым препятствием является перевод на итальянский язык того малопонятного сицилийского диалекта, которым пользуются почти все мафиози. Они никогда не говорят, что такое мафия, и поступают так (впрочем, никогда не отрекаясь от мафии, о которой плохо никогда не отзываются) потому, что тот, кто первым заявит о своей причастности к ней, немедленно получит как минимум три года тюрьмы. Мафиози прекрасно знают уголовный процесс Италии и могут говорить часами, чтобы показать, что они умеют противостоять заданным вопросам. Но на процессе можно получить лишь общее представление о положении людей, облеченных властью в мафии.

Итальянские следователи и полиция никогда не считали мафию огромным спрутом

с единым мозговым и организационным центром, к чему склонны американцы, которые постоянно говорят об американском профсоюзе организованной преступности и связывают мафию с одним из проявлений американского образа жизни.

Итальянские процессы против мафии дают достаточно определенное представление о ее внутренней структуре.

Все начинается с коски.

Коски, подобно патриархальной семье, из которой они берут свое начало, всегда авторитарны. Коска—единственная структура, которая обладает полной властью над отдельным, входящим в нее мафиозо. Только она определяет виновность отдельного мафиозо, устанавливает степень его ответственности и выносит ему приговор. У каждой коски своя четко ограниченная территория, пределы которой нельзя нарушить по собственной воле. Значение и вес каждой коски зависят от размеров и богатства подвластной ей территории. Между различными косками устанавливаются многообразные отношения: дружеские связи, общие дела, взаимопомощь, проявляющаяся иногда в форме совместной обороны против репрессивных государственных органов; кровные связи, устанавливающиеся через бракосочетания, родство и кумовство. В основе отношений между различными косками лежит уважение, но могут возникать и трения, разногласия и ссоры. Война между косками—это не естественный путь разрешения конфликтов: убийства, вызывающие в обществе большое волнение, составляют лишь 10% всей преступной деятельности мафии. Разрешение противоречий между косками, как правило,

происходит путем переговоров. Если соглашение между ними не достигнуто, за помощью обращаются к беспристрастному судье. Этот судья выбирается из самых влиятельных главарей наиболее богатых, сильных и известных косок. Обычно он избирается в случае особо ожесточенных ссор. Однако право вершить чужие судьбы, время от времени предоставляемое какому-нибудь крупному главарю, не означает для него профессионального занятия и, следовательно, стабильности функций. Постоянные отношения между косками, рассеянными по территории всей страны, в свою очередь разделенной на округа, где правят различные коски, требуют периодически вновь и вновь создавать «примирительные комиссии» на различных встречах или конгрессах представителей и главарей отдельных косок. Это может происходить на провинциальном, областном или даже национальном или международном уровнях. Как и решения отдельного суда мафиози, решения собрания касаются только тех, кто требовал его проведения. Но мафиозо может отказаться исполнить решение, вынесенное по его делу. Приведение приговора в исполнение зависит от его восприятия заинтересованными сторонами или от того, с какой быстротой происходит его исполнение со стороны выигравшего процесс. Тот, кто стрелял первым, побеждает, потому что на деле доказывает, что он является более сильным. Суд совсем не обязательно должен заканчиваться вынесением обвинительного приговора. Он может предложить спорящим сторонам пойти на мировую, предложить свободную территорию, новый вид деятельности и т. д. Но

всегда остается неизменным принцип, согласно которому ничто не может ограничивать свободу решений, принимаемых отдельной коской или отдельным мафиозо.

Такова структура мафии, управляемой сегодня «комиссией» под «председательством» «дона» Тано Бадаламенти, как об этом сообщалось в донесении, подписанном совместно карабинерами и палермской квестурой 6 июня 1971 года. По утверждению полиции, эти сведения исходили из «достоверного источника», или, если пользоваться полицейским жаргоном, получены от человека, который значительно отличается от «конфиденциального источника», являющегося просто-напросто заурядным доносчиком. Согласно другим источникам, эта «комиссия» называется «теневым трибуналом», и, возможно, ее название отражает саркастическое отношение мафии к парламентской Комиссии по борьбе с мафией («Антимафии»), деятельность которой тем не менее в 1971 году представляла для мафии большую опасность.

При описании внутренней структуры мафии на итальянских судебных процессах начисто затушевывается любая связь между мафией и политической властью той общественной среды, в которой мафия действует. А это очень серьезный пробел.

Несмотря на некоторые ошибки и неточности, информация о структуре власти в этой преступной организации, всплывающая на судебных процессах, имеет и свою ценность: нам вновь напоминают об архаических обрядах и дедовских обычаях, как, например, «верности слову», которой отмечена каждая минута в жизни мафии, или таких

отголосках публичного права средневекового общества (когда существовала выражавшаяся в особых обрядах персональная покорность вождю. чья власть прерывалась лишь с его смертью), которые, возможно, еще и сейчас проявляются в некоторых народных обычаях.

Существует документ, составленный недавно и имеющий отношение исключительно к сельской мафии, то есть к старой мафии, заслуживающий того, чтобы внимательно с ним ознакомиться. «29 марта 1974 года Витале Леонардо, он же Франческо Паоло, подозреваемый в совершении похищения человека с целью выкупа, а именно Кассина Лучиано, явился в отделение местной мобильной полиции и сделал добровольное признание, касающееся некоторых громких уголовных преступлений, совершенных в Палермо с 1960 по 1973 год. Витале обвинил себя и еще несколько других мафиози, среди которых был и его дядя, в совершении четырех убийств, трех покушений на убийство, а также в большом числе вымогательств, истреблении имущества, поджогах и т. д. В частности, выяснилось, что убийства были совершены 15 октября 1960 года (тогда Витале было 19 лет), 12 марта 1969 года, 17 января 1971 года и 26 января 1972 года, то есть все они произошли задолго до того, как Витале решил заговорить. Одно из них было даже зафиксировано за 14 лет до явки Витале с повинной. Проводившие экспертизу врачи утверждали, что Леонардо Витале был шизоидным типом, но что сделанные им заявления заслуживают доверия. Существовало предположение, что именно прогрессирование болезни толкнуло его на признание.

Витале с мельчайшими подробностями рассказал обстоятельства убийства, а затем объяснил мотивы преступлений: первая жертва была убита в наказание, потому что дядя Витале обвинил того человека в том, что он доносчик, за что и получил от него публичную пощечину; вторая жертва купила право на «аренду, не спросив разрешения», и Витале, девятнадцатилетнему юноше, было поручено убрать этого человека и таким образом стать полноправным членом мафии; третья поплатилась за то, что занималась кражами у мафиози, четвертой оказался сын строительного подрядчика, оказавший сопротивление своим похитителям, и мафиози решили убить его, чтобы не быть опознанными потерпевшим. «Но, как заявил Витале, «он сам искал смерти», а убийцы, напротив, испытывали угрызения совести и сожаление. Полиция и прокурор поверили Витале, так как описание мельчайших деталей убийств, о которых рассказывали невольные свидетели преступлений, и предметов, найденных на месте убийства, целиком совпадало с тем, о чем годы спустя сообщил Витале. Он признавался и в таких преступлениях, как вымогательства, о которых никто никогда не заявлял в полицию, о покушениях на убийство, совершенных против мафиози из других семей. Однако эти заявления прокурор не стал расследовать, потому что жертвы, и в особенности мафиози, которые подвергались опасности, отрицали решительно все, и не нашлось никаких объективных данных, которые могли бы опровергнуть их утверждения.

В своих показаниях Леонардо Витале сообщил весьма интересные факты, важные

для понимания феномена мафии: «...вышло так, что собрались я, Кало, Куччо, Ансельмо, Д'Алессандро, Спина и, кажется, Гамбино Пиппо из Сан-Лоренцо, а также Сальваторе Реина, который исполнял обязанности судьи в том смысле, что выслушав всех нас, решил, что земля должна была принадлежать семье мафиози из Ноче (один из районов в зоне Палермо, контролируемых мафией). Я даже помню, как он сказал, что не хотел бы, чтобы досаждали семье из Ноче, потому что она дорога его сердцу...»

«Перед собранием стояла лишь одна цель — установить, какой из двух семей, Ноче или Альтарелло (коска, членом которой называл себя Витале), следует осуществлять контроль за земельными участками под Кампофранко...» Через несколько дней, по совету другого участника сходки, Витале отправился из Палермо в Линозу к дяде Джован Баттисте, чтобы узнать его мнение о вынесенном решении. Дядя ответил, «что это несправедливо... что мы не *отведаем* денег за посредничество, которые должен отстегнуть Пило».

И начинает казаться, что отнюдь не отсутствие уважения со стороны общества «превращает человека в мафиозо». Наоборот, не входящие в мафию люди, когда они с почтением и послушанием обращаются к какому-нибудь мафиозо, способствуют «естественному» укреплению мафиозной семьи, потому что «порядочным человеком», каким его вынуждены считать окружающие, каждый мафиозо стал до этого, в лоне своей семьи.

IV. МАФИЯ ПОСЛЕ 1950 ГОДА. СЫНОВЬЯ И ВНУКИ

В послевоенные годы представители христианско-демократической партии на Сицилии решительно отрицали обвинения в том, что они способствовали росту мафии. Тем не менее эти обвинения все же справедливы, если и не для всей партии в целом, то для значительной ее части. Действительно, по сравнению с 1950 годом, когда ХДП, получив в ходе различных выборов более 40% голосов, приобрела на Сицилии значительный вес, являясь до 1982 года основной правящей партией, мафия разрослась там до невиданных размеров.

Одним из свидетельств того, как происходило сближение между мафией и христианско-демократической партией, является реакция Джованни Джойя, политического деятеля, долгие годы обладавшего на острове большой властью (впоследствии он стал министром), на публикацию специалиста по вопросам мафии Панталеоне. В своих исследованиях, вышедших в 1969 году в издательстве «Эйнауди», Панталеоне представил его как человека, сочувствующего мафии. Джойя подал на автора и издателя в суд за клевету. Процесс по этому делу состоялся в

Турине¹. На суде сам Джойя признал, что в 1957 году он пытался оказать давление, будучи секретарем сицилийского отделения партии, на Ванни Сакко, с тем чтобы тот не мешал проведению в области политической линии ХДП.

Но кто же этот Ванни Сакко? Джойя знал его, поскольку об этом неоднократно упоминалось в печати, «как главу семейства мафии в районе» Кампореале. Именно Сакко разъяснил суду, как он и Джойя оказались связанными друг с другом: «Я перешел из либеральной партии в ХДП, потому что Джойя помог устроиться моему внуку Калоджеро Никосия на работу в Сицилийский банк».

Таким образом, в отношениях между главарем мафии Ванни Сакко и политическим лидером Джованни Джойя на первый план выходят чисто личные связи. Джойя, не имевший с мафией ничего общего, так как в противном случае его отношения с Сакко рассматривались бы судьями совсем в другом свете, представлял собой тип преуспевающего члена демохристианской партии 50-х годов, характерный не только для Сицилии.

В те годы в ХДП разгорелись идеологические споры, связанные с различиями в

¹ Процесс закончился 20 декабря 1976 года приговором, вынесенным II уголовным отделением туринского суда. Сейчас этот приговор опубликован в приложении к пятому (1978 г.) изданию книги М. Панталеоне «Мафия и политика», впервые вышедшей в 1962 году. Из него мы можем узнать об отношениях, существовавших между Джойей и Сакко. Приговор является окончательным, так как никто его не опротестовал. Туринский суд признал Панталеоне виновным в клевете на некоего Руизи Гаспаре Кузенца. Однако в клевете на Джойю суд признал Панталеоне невиновным.

политической линии старых народных католиков и молодых католиков-демохристиан. В конечном итоге, когда в 1954 году ушел из жизни Де Гаспери, руководивший христианско-демократической партией с 1944 года, перевес оказался на стороне молодых. В Риме руководство перешло к Аминторе Фанфани, олицетворявшему собой новый курс. Любопытно, что видный политолог Галли приписывает сицилийцу Бернардо Маттарелле, человеку, который, как мы увидим, подозревается в связях с мафией, роль первооткрывателя и покровителя Фанфани-политика в далеком 1946 году¹. Таким образом, после 1950 года в связи с изменением ситуации в Риме в рядах ХДП в Сицилии «началась перетасовка карт и появились новые руководители»².

Под нажимом Фанфани демохристиане Сицилии договорились между собой и наладили стабильное руководство партией и управление островом, хотя для этого им понадобилось несколько лет. Руководящим органам области приходилось в те дни нелегко, поскольку депутаты областного собрания, которым его статут гарантировал право тайного голосования, допустили огромное число «промахов», проголосовав против директив партии³. Тем не менее они пришли к выводу о том, что «учебные центры» и «курсы переподготовки» могут служить средством

¹ Галли Дж. История ХДП. Бари, «Латерца», 1978, с. 651, примечание.

² Баджет-Боццо Дж. Христианская партия и сдвиг влево: ХДП Фанфани и Моро (1954—1962), Флоренция, «Валлекки», 1977, с. 150.

³ Токко М. Дж. Черная книга Сицилии. Милан, «Сугар», 1972, с. 183—208.

временной изоляции «неудобных депутатов». Между тем и старым, и молодым членам ХДП было ясно, что в Сицилии идет осуществление крупномасштабных экономических планов, в реализацию которых вкладывались через новейшие экономические учреждения сотни миллиардов лир.

Результаты борьбы за власть в Сицилии зависели и от того, что происходило в Риме. Местные руководители демохристиан предпринимали шаги, аналогичные тем, которые делались национальным руководством партии, пытавшимся отделаться от Фанфани. Лоджа, Алесси, Рестиво, Джойя, Лима, Маттарелла, стремившиеся после 1950 года к руководству сицилийским отделением ХДП, держались на стороне Фанфани, Пеллы, Пиччони, Гонеллы, Стурцо, Шельбы, но в то же время кое-кто из них примкнул к оппозиционным по отношению к Фанфани фракциям, что явилось своего рода «Готой» для лидеров Сицилийской христианско-демократической партии. Деятельность «Софис», «Ирфис» и других государственных учреждений Сицилии тесно переплеталась с деятельностью таких крупных частных экономических фирм, как «Монтекатини» Фаины, «Италчементи» Пезенти, а также с такими мощными национальными объединениями, как «Эни» Маттеи.

Однако верно и то, что, поскольку Сицилия всегда являлась одним из самых крупных регионов по числу избирателей, местные партийные руководители оказывали определяющее влияние на распределение голосов демохристиан в национальном масштабе.

Именно при их непосредственном участии в конце 1958—начале 1959 года христиан-

ские демократы отстранили Фанфани от руководства партией и лишили поста премьер-министра, в то же время в Палермо потерпели полное фиаско официальные предложения сторонников Фанфани по ХДП. На руководящий пост в области, при поддержке оппозиционных партий — коммунистов, социалистов и социального движения — был избран член христианско-демократической партии Сильвио Милаццо, представитель «еретического» крыла этой партии.

Однако в Сицилии 50-х годов большое влияние на структуру власти и на выбор политических целей оказывали некоторые деятели и силы, которые до этого времени были довольно далеки от ХДП.

Первоначально христианский демократ Рестиво имел на своей стороне 7 голосов депутатов области, сначала входивших в правые партии, а затем ставших независимыми, а затем ряд политических деятелей от правых партий, таких, как Ди Фреско, Аркуди, Черами, Джиганти, Гуттадауро, Перголицци¹, сами вступили в ХДП.

Мафиози внимательно наблюдали за происходящим. Бонтаде, Николетти, Торретта, Ла Барбера, Греко, Гамбино, Витале (некоторые из них уже имели тесные контакты с Колдиретти*) один за другим отдают свои голоса демохристианам.

¹ Док. XXIII, № 2, с. 577; Доклад меньшинства, приложенный к заключительному докладу (большинства) Комиссии по расследованию преступлений мафии («Антимафия»).

* Кольтиватори диретти — католическая организация, объединяющая в Италии мелких и средних землевладельцев. — Прим. перев.

² Там же.

Неудивительно, что сторонник Фанфани Джованни Джойя, связанный с мафиозо Вани Сакко, изо всех сил пытался остаться на плаву в борьбе за власть в партии.

Известные нам факты доказывают, что Джойя не единственный, кто действовал подобным образом. Стоило бы принять во внимание и те подозрения в связях с мафией, в которых обвиняли Бернардо Маттареллу, игравшего с 1943 по 1970 год немаловажную роль в ХДП, руководстве Сицилией и правительстве Италии¹. И если верно, что после 1950 года правые и мафиози открыто вступали в ХДП, то следовало бы выяснить, что связывало их со сформировавшимся в тот период большинством партии.

Составив, таким образом, представление о правлении демохристиан на Сицилии начиная с 1950 года, мы могли бы задать себе бесконечное множество вопросов. Как вели себя в то время, а также ранее либералы и монархисты по отношению к мафии, первыми получившие после 1943 года голоса мафиози? Как расценивать деятельность представителей республиканской и других партий, замещанных в связях с мафиози? Верно ли, и насколько верно, что либералы, монархисты, республиканцы и социал-демократы десятилетиями пытались добиться совместно с ХДП законодательного большинства, с тем чтобы управлять Сицилией?

Больше никакими официальными сведениями об отношениях между мафией и сицилийскими властями мы не располагаем: Пар-

¹ Джорджо Галли писал, что в послевоенном руководстве ХДП «мафия была представлена» Бернардо Маттареллой (цит. соч., с. 73).

ламентская комиссия по расследованию преступлений мафии решила (см. главу V) не обнародовать документы, содержащие имена и перечень сделок политических деятелей с мафиози. В огромном числе выводов и предположений (впрочем, не всегда лишенных оснований) имеется немало и неоспоримых фактов, касающихся мафии, которые мы узнали из процесса в Турине, где главным обвиняемым был Джойя.

История с Джойей и его встреча с мафиозо Ванни Сакко является отражением событий, имеющих более общий характер. С появлением на сицилийской политической сцене поколения Джойи и ему подобных, непосредственно за которым следует и поколение таких людей, как Лима и Чанчимино, с нее исчезает «желтая перчатка», традиционный до того времени персонаж. Им всегда являлся либо крупный и состоятельный предприниматель, либо видный, имеющий частную практику специалист (врач или, что бывало гораздо чаще, адвокат), решивший заняться политикой, чтобы достичь личной власти.

Что же касается Джойи, Чанчимино, Лимы и их приспешников, то у них есть только одна профессия — политика, и вне ее, если говорить о том, какое положение они занимают или могут занимать, эти люди не имеют никакого веса. Таким образом, именно с профессиональными политиками, или, точнее, с политиками-профессионалами, будут после 1950 года иметь дело мафиози¹.

¹ О профессионализме в политике см. работы, цитируемые С. Дж. Тарроу в кн. «Коммунистическая партия и крестьяне юга Италии», Турин, «Эйнауди», 1972, с. 270—318.

Джойя, чтобы заручиться расположением Ванни Сакко, а также чтобы иметь доступ к банку, поскольку бесполезно иметь дело с мафией, если ты не имеешь достаточной суммы для оплаты се услуг, пообещал Сакко устроить его внука в Сицилийский банк. История сицилийских государственных учреждений после их возникновения в начале 50-х годов насчитывает множество судебных процессов, а также политических или административных расследований. Многие также можно почерпнуть и из сообщений, время от времени попадавших в печать и исчезавших с ее страниц.

По закону руководители всех сицилийских государственных учреждений назначались властями, а так как областью всегда управляли демохристиане, то никто из руководителей этих учреждений не мог игнорировать христианских демократов, более того, все они желали заручиться поддержкой тех, в чьих руках находились бразды правления этой партией.

Это — банальная и, если хотите, даже классическая история. Дело в том, что на работу в государственные учреждения принимают только тех, кто голосует за руководителей, имеющих власть в правящей партии. Так, например, с 1956 по 1961 год в Италии¹ 33% всех государственных служащих было принято на работу вне всякого конкурса. С 1956 по 1961 год Сицилийский банк принял на работу 2268 «случайных»

¹ Романелли Ф. «Государственный аппарат. бюрократические слои и способ правления» в кн. «Современная Италия — 1945 — 1975». Турин, «Эйнауди», 1978, с. 165.

служащих¹, в то время как в целом по Сицилии² с 1946 по 1963 год из 8887 служащих 8236, то есть почти 95%, были приняты «непосредственно по приглашению». 73,23% сицилийцев, принятых на работу с 1946 по 1963 год, были выходцами из областей, находящихся под контролем мафии и занимающих около 40% территории острова. Точно нам не известно, как в те годы вели себя в отношении набора кадров различные коммуны, провинции, 95 государственных предприятий и учреждений области, 25 мелиоративных объединений, 15 объединений по борьбе с вредителями сельского хозяйства, однако составить себе мнение об этом мы можем, ознакомившись с материалами «Антимафии», где в докладе большинства указывается на «ощутимые размеры»³ присутствия мафии среди служащих коммуны Палермо.

Кроме того, «Антимафия» приводит все в том же докладе большинства еще несколько неопровержимых фактов: ХДП «пользуется, в частности в западной Сицилии (находящейся под контролем мафии.—Прим. авт.), особенной поддержкой избирателей»; большая часть кандидатов, «получивших значительное, превышающее обычную норму большинство голосов», по существу, открыто признавали свою связь с мафиози, не стесняясь просить компетентные органы об особом отношении к ним.

В истории государственных сицилийских учреждений начиная с 1950 года фигурируют

¹ Токко М. Дж. Цит., с. 215.

² Док. XXIII, № 2, с. 204; Заключительный доклад (большинства) Комиссии по расследованию преступлений мафии.

³ Там же, с. 217.

и более веские факты. Действительно, в период с 1947 по 1976 год, для которого характерна инфляция и распространение нищеты среди всего населения страны, государство предоставило только одной области Сицилия сумму, превышающую 1400 миллиардов лир. Другие средства, наверняка небольшие, были получены областью, коммунами и провинциями острова от налогоплательщиков.

В то же время христианские демократы Сицилии научились у правительства страны, каким образом можно использовать такую огромную сумму денег. В 1956 году парламентом был утвержден закон, регламентирующий использование находящихся в распоряжении государственных учреждений средств, где говорилось об «экономности», с какой должны использоваться эти средства. Однако большинство демохристиан (выступивших инициаторами закона) совершенно забыли о необходимости определить полномочия правительства в отношении государственных учреждений, а также о том, чтобы установить, каким образом правительство должно контролировать расходование средств этими учреждениями. В результате все зависело лишь от личных отношений между политиком, наделенным властью назначать руководителей учреждения, и руководителем учреждения, назначенным на эту должность государственными властями по их собственному усмотрению.

В соответствии с национальной политической линией в Сицилии после 1950 года наметился разрыв между «политиками» и «администрацией», хотя и те и другие шли в параллельном направлении. В то же время

между ними существовала связь, которую политики использовали в собственных интересах.

В послевоенной Сицилии миллиардные суммы государственных средств использовались властями в необычных условиях. В 1961 году 41% населения области был занят в сельском хозяйстве, тогда как в целом по Италии число занятых в сельском хозяйстве не достигало 30%. В то время как в стране работоспособное население составляло почти 39%, в районах Сицилии, находящихся под контролем мафии (Палермо, Трапани, Агридженто, Кальтаниссетта), эта цифра не достигала и 30%: в Палермо в 1961 году 20% населения не имело работы¹.

В 1971 году число служащих управленческого аппарата на Сицилии достигло 35% всего работоспособного населения (что на 10% превышало средний национальный уровень). Около миллиона сицилийцев в период с 1960 по 1970 год эмигрировало в Северную Италию и Европу. Тем не менее в 1971 году в Палермо было 26% безработных.

Джойя пообещал устроить в банк внука одного из главарей мафии Ванны Сакко тогда, когда он ощутил огромное несоответствие между своим стремлением к благосостоянию и относительно слабыми возможностями его достичь.

Несколько лет тому назад между антропологом Ломбарди Сатриани и историком Лучо Виллари² состоялась дискуссия о роли

¹ Все статистические данные взяты нами из доклада «Антимафии».

² Сатриани Л., Виллари Л. «Ндрангета — калабрийская мафия», под ред. А. Спиноза. Болонья, «Каппелли», 1978.

мафии на Сицилии после 1950 года. По мнению первого, мафия является неотъемлемой частью породившего ее государства, другой же утверждал, что мафия внедрилась в государство, находящееся во власти коррупции.

Прежде всего зададимся вопросом, какова была численность мафии в 50-е годы? Точных цифр мы никогда не сможем узнать, поскольку государство никогда не имело достаточных возможностей и средств для расследования дел о преступлениях мафиози.

Таким образом, мы имеем минимум исходных данных.

С 1950 по 1970 год полиция и карабинеры потребовали от суда высылки в места обязательного проживания около 10 000 мафиози, однако цифра эта не отвечает реальному положению дел, так как органы правопорядка зачастую направляли в суд повторные, ранее не удовлетворенные требования, касающиеся одних и тех же лиц.

За тот же период из 20 000 заключенных, ежегодно оказывавшихся под стражей, число мафиози в среднем не должно было бы превышать 2000 в год, но и эта цифра неточна, так как многие из них ухитрялись, выйдя на свободу, чуть ли не на следующий день попасть снова в тюрьму.

Полиция и судебные органы сумели выявить в те годы не более 10 000 человек, несомненно являющихся членами мафии.

Все эти 10 000, хотя у нас есть серьезные сомнения в правильности данной цифры, являются лицами мужского пола, достигшими 18-летнего возраста. К ним, учитывая родственные связи, следует добавить и членов их семей, включая женщин, детей и

стариков, что так или иначе увеличит число выявленных мафиози. Немало должно быть и невыявленных мафиози, так как традиция мафии всегда предполагала наличие в ней «тайных членов», чьи имена никогда не фигурировали в ходе разбирательств.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в Сицилии в период с 1950 по 1970 год было около 100 000 мафиози, тогда как население страны в те годы равнялось приблизительно 50 миллионам, а в Западной Сицилии, где мафия была особенно сильна, насчитывалось всего около 3 миллионов жителей.

К сожалению, почти невозможно определить и изучить механизмы власти, охватывающей эти 100 000 человек, т. к. судебные материалы, наиболее богатые сведениями о мафии, больше касаются определения ответственности, которую должны понести те или иные лица или группы лиц, нежели воссоздают общую картину их деятельности.

Поэтому мы вынуждены обратиться к традиционному подразделению мафии на три составные части: низшую, среднюю и высокую мафии. Такое подразделение, больше иллюстративное, чем реальное, если принять во внимание уже упоминавшуюся структуру родственных связей, будет полезно, поскольку оно основано на различии отношений данных групп мафиози с властями.

Низшая мафия представлена наиболее известными нам мафиози: они составляют не менее 90% лиц, гибнущих из-за событий, происходящих внутри мафии. Практически только они входят в те 2000 мафиози, что

ежегодно оказываются за решеткой. Именно о них и о совершенных ими деяниях вспоминает любой человек, когда думает о мафии.

В низшую мафию входят все наемные убийцы, все вымогатели и похитители людей, все те, кто являются носителями самого жестокого насилия, без которого мафия никогда не смогла бы существовать.

В 1955 году¹ люди из низшей мафии были основными действующими лицами кровавой и беспощадной войны, разразившейся между двумя ветвями мафии — семейством Акуасанта и семейством Ноче — из-за того, что муниципальные власти неожиданно перенесли городские рынки в район Кантьери Навали, вынуждая, таким образом, мафиози заново оспаривать зоны своего господства и сбора податей. Наверное, это была последняя «плодоовощная» война между мафиози.

Похищение людей, вымогательство, железный контроль над земельными участками и сельскохозяйственными продуктами после 1950 года не прекращаются, хотя мафиози осваивают и другие доходные «отрасли».

Мафия начинает заниматься пересылкой героина в Соединенные Штаты и получает за это свои первые доллары, расширяет контрабанду сигаретами, быстро завоевывая выгодные позиции на всем Средиземноморье.

Мафиози, больше не связанные политическими отношениями с правыми консервативными силами и вступающие во все более тесный контакт с некоторыми влиятельными группами демохристиан, становятся свиде-

¹ Токко М. Дж. Цит. раб., с. 151.

лями глубоких изменений, происходящих в Палермо и на Сицилии в целом.

Приблизительно в 1950 году последние так называемые «желтые перчатки» начинают строительство новых домов в Палермо, получая при этом высокие прибыли. Впоследствии, разрастаясь, город вбирает в себя периферию и сельскую местность, где безраздельно властвует мафия.

Мафиози набирают силу в сфере жилищного строительства. Особым влиянием здесь пользуется семья Ла Барбера, имеющая давние связи с Кольтиватори диретти. Уже с 1955 года она является самостоятельным строительным подрядчиком¹. Все они участвуют в строительстве новых домов в Палермо: Ла Барбера, Торретта, Монкада, Бушетта, Греко, Дави и др. И сразу же разгораются жестокие и кровопролитные войны. Они начинаются в конце 50-х годов с устранения строительных подрядчиков, не связанных с мафией и мешающих вести строительство в центре города. Затем вспыхивают столкновения и между самими мафиози. Одной из самых известных войн подобного рода является война 21 апреля — 30 июня 1963 года (ей предшествовало убийство Сальваторе Ла Барберы 17 января и ранение Анджело Ла Барберы 19 апреля), стоившая жизни 12 мафиози: Винченцо Д'Аккардо, Розолино Гулицци, Филиппо Витале, Чезаре Мандзелла, Сальваторе Гамбино, Пьетро Гарофало, Джироламо Конильяро, Бернардо Диана, Эмануэле Леонфорте, Джованни Ди Пери, Пьетро Каннидзаро, Джузеппе Тезауро. Закончилась она 30 июня

¹ Токко М. Дж. Цит. раб., с. 347.

взрывом оставленного мафиози на окраине города автомобиля с динамитом, повлекшим за собой смерть семи карабинеров.

Все были потрясены: впервые автомобиль явился причиной смерти. В печати появились статьи о «гангстерских методах», где привычный обрез отходил далеко на задний план.

Не раз еще газеты будут сравнивать сицилийских мафиози с североамериканскими гангстерами, как это было после кровавой бойни 1969 года на бульваре Лацио в Палермо, учиненной соперничающими ветвями мафии.

То, что сделали «геометры мафии» в сфере жилищного строительства Палермо, вошло в историю.

Под ударами безудержной спекуляции в столице Сицилии исчезли прекрасные виллы в стиле «либерти», все особнячки и домики, окруженные пышными садами, которые делали ее одним из красивейших городов Европы. Теперь Палермо — совершенно безликий в архитектурном отношении город.

«Нерешительность, неуверенность, индифферентность муниципальных властей Палермо» обусловила внесение «некоторых корректив» в планы застройки города, что, как отмечал в 1963 году член «Антимафии», ассессор по вопросам градостроительства Палермо, социалист А. Гуаррачи¹, вызвало «расселение миллиона человек» на очень малых площадях «с чрезвычайно высокой плотностью». Мафия начинает менять свой облик.

¹ Приложение к докладу «Антимафии», т. III, кн. 2, с. 21—34. Заявление А. Гуаррачи от 21 января 1970 года.

Судебные разбирательства, кипы газетных статей и материалы Комиссии по расследованию преступлений мафии образуют один нескончаемый поток. Мафиози, занимающиеся строительством, такие, как Ла Барбера, Бушетта, Торретта, Монкада и им подобные, заводят личные знакомства с теми, кто стоит у власти, голосуют и призывают голосовать других за мэров Палермо, членов городской управы, муниципальных советников, депутатов, сенаторов и министров, в основном являющихся членами ХДП. Это была верная тактика, поскольку им, как представителям подрядных организаций, часто приходилось бывать в различных государственных учреждениях. Большинство работ, выполняемых этими организациями после 1950 года (и не только на Сицилии), имели отношение к жилищному строительству.

Никого не должно удивлять, что убийцы из низшей мафии имеют довольно близкие отношения с влиятельными лицами. Это естественно, так как выходцами из низшей мафии являются и те, кто умеет извлекать выгоду из самого разного рода преступлений и традиционных убийств главарей мафии и кто со дня на день может сам стать во главе того или иного семейства.

В кровавой истории низшей мафии есть вещи, о которых следует сказать особо.

Именно люди из низшей мафии испытывают на себе репрессии государства. Они совершают самые кровавые злодеяния и самые грязные преступления. Они же являются обладателями столь неожиданных, сколь и невероятных богатств, и они же зачастую кончают тюрьмой.

Разумеется, низшая мафия не прекращает свою деятельность и в тюрьме. В судебные процессы против ее представителей вовлекается бесконечное множество свидетелей, которых душит страх, судей, стремящихся вынести не слишком строгий приговор, политиков, добивающихся благоприятного решения суда. «Дон» Тано Бадаламенти неоднократно скрывался от правосудия и ни разу не был осужден. «Неуловимый» Лучиано Лиджо впервые был осужден и приговорен к пожизненному заключению лишь в 1970 году апелляционным судом присяжных в Бари. Есть такие, кто может и лучше других умеет использовать выгодные связи, налаженные за немногие дни, проведенные вне тюремной камеры.

В конце 50-х годов люди из низшей мафии начинают претерпевать очень важные качественные изменения.

Похищение людей с целью получения выкупа, вымогательство, контрабанда сигаретами и наркотиками позволяет им скопить первые миллиарды. Убийцы «из преступников превратились в самых настоящих капиталистов», свидетельствовал 25 июля 1963 года на заседании «Антимафии» комиссар полиции Палермо Розарио Мельфи¹. Впервые главари мафии получили возможность, даже в случае их внезапной смерти, обеспечить своим детям безбедное существование.

Кровное родство связывает членов низшей мафии с людьми из средней мафии.

¹ Приложение к докладу «Антимафии», т. III, кн. I, с. 57—66.

Мафиози, жаждавшие продвижения наверх, всегда стремились дать своим детям образование. Адвокаты, священнослужители, врачи из их семей были вхожи в высшие круги западносицилийского общества.

Они играли роль своеобразных «вассалов», так как прикрывали своих родственников из низшей мафии, преследуемых государственным аппаратом, и служили каналом, через который мафиози узнавали о том, каких услуг ждали от них влиятельные лица. Они находились на полуполюгальном или, если хотите, на полуподпольном положении, поскольку их знали как отпрысков живых и здравствующих бандитов, однако никто никогда не имел прямых доказательств их участия в том или ином преступлении. Они считались (и с большим на то основанием) тайными вдохновителями многих и многих деяний мафии.

В послевоенный период число школ на Сицилии увеличилось.

Значительно возросло и количество детей мафиози, имеющих в кармане «бумагу» об образовании. Многие из них, подобно выходцам из мелкобуржуазных итальянских семей, становились служителями церкви, юристами и врачами.

Многие же другие пошли по новым открывшимся перед ними путям.

Многочисленные предприятия, возникшие на Сицилии, оперировали сотнями миллиардов лир в год. Коммуны и провинции с ведома областных властей стали выдавать бесчисленное множество лицензий на строительство новых домов, а также на выполнение различного рода отделочных и коммунальных работ.

За 20 лет государство предоставило Сицилии сумму в 1400 миллиардов лир. Это повлекло за собой возникновение огромной массы предприятий, выполняющих всевозможные смежные операции (штукатурные работы, производство цемента, прокладка коммуникаций, изготовление сантехники, встроенной мебели и т. д.), что со своей стороны вызвало увеличение денежного оборота, первоначально равнявшегося 1000 миллиардов лир, по крайней мере в 10 раз. Для контроля над этими 10 000 миллиардов сицилийскому обществу нужен был соответствующий бюрократический, чиновничий аппарат. Дети убийц из мафии и сформировали такой аппарат.

О том, что средняя мафия была широчайшим образом представлена в новом бюрократическом аппарате, в основном говорится в исследованиях по данному вопросу, проведенных в 1966 году в Западной Сицилии социологом Франко Ферраротти, а также в докладе, представленном в 1974 году «Антимафии» несколькими палермскими судьями¹. Кроме того, христианский демократ Бонфильо, президент области Сицилия, заявил в 1974 году в ходе работ Комиссии, что именно среди бюрократического аппарата Западной Сицилии следует искать следы преступной власти мафии, а если и было какое-либо участие политиков в делах мафии, то оно должно рассматриваться как «случайное, несущественное», как своего рода «несчастный случай на производстве», принимая во внимание то, что, по словам того же Бонфильо,

¹ Материалы, приложенные к докладу «Антимафии», т. 1, док. XXIII, № 1, с. 739.

лишь отдельные политики были замешаны в дела мафиози¹.

Так как область, провинции и коммуны неоднократно переживали затяжные кризисы выборных учреждений, когда соответствующие правительственные органы существовали лишь в короткие перерывы между ними, то западносицилийский бюрократический аппарат брал на себя их функции. По существу, этот аппарат получил возможность принятия самостоятельных решений через систему согласований и увязок, что означало сосредоточение в его руках распорядительной власти, обычно являющейся привилегией политиков.

Все подряды на строительные работы и планы реконструкции Запада Сицилии проходили через их руки, подрядчикам же из низшей мафии оставалось только подождать за дверями государственных учреждений вынесения соответствующих решений.

В обращении у мафии за 20 лет находилось по меньшей мере 10 000 миллиардов лир, хотя, конечно, не все государственные служащие Западной Сицилии были связаны с мафией и не все предприятия находились под ее контролем.

Средняя мафия, являясь существенной частью современного бюрократического аппарата, стала, таким образом, «невидимой мафией». В итальянской административной системе, либеральные традиции которой, восходящие к 1865 году, были уничтожены *ad hoc* фашистами, но затем восстановлены в своем прежнем виде после 1945 года, из-за

¹ Там же, Заявление Бонфилио от 16 декабря 1974 года, с. 615.

множества всяких «за» и «против», разрешений и особых мнений, различных контролирующих инстанций и всевозможных виз, практически невозможно найти ответственных за тот или иной административный акт.

Внедрившись в бюрократическую систему, средняя мафия стала неосязаемой, потому что никто больше не видел мафиозо-чиновника и мафиозо-убийцу и предпринимателя вместе. Конечно же, между ними существовали очень тесные связи, но осуществлялись они теперь только через бумаги, обращающиеся внутри государственных учреждений.

Вследствие этого низшая и средняя мафии все больше вынуждали политическую власть идти по тем каналам, где ключевые позиции находились в руках мафиози.

Однако средняя мафия сумела достичь и других важных стратегических целей.

Мафия, по мнению Ферраротти¹, способна дать человеку то, чего не в силах дать государство. Чиновники от мафии теперь имеют возможность вмешиваться в личную жизнь простых граждан, так как им предоставлено право решать вопрос о приеме на работу. Можно даже предположить, что низкий уровень занятости искусственно поддерживался ими, для того чтобы сохранить механизм власти мафии.

Таким образом, средняя мафия при помощи нового бюрократического аппарата утверждает в сознании сицилийцев благоприят-

¹ Ферраротти Ф. Доклад о мафии. Неаполь, «Лигуори», 1978, с. 18—19. Материалы исследований Ферраротти входят в док. XXIII, № 1 приложения к докладу Комиссии, т. 1, с. 101—250.

ное отношение к мафии как явлению, даже в годы наибольшего подъема демократии.

Средняя мафия делает основную ставку на мелкобуржуазные слои общества, поскольку, находясь рядом с массами простого народа, она в то же время стремится достичь высших слоев общества. Средняя мафия способна ворочать миллиардными суммами, ей сопутствует успех, она может дать работу или отнять ее — отсюда принятие преступной власти мафии средними слоями сицилийцев.

Особенно ярко все это проявилось в начале 60-х годов. В то время Ферраротти, известный социолог, отправился по заданию «Антимафии» на Сицилию. Там он провел тестирование представителей различных слоев общества. Специальные тесты были предложены студентам¹. 96% опрошенных студентов заявили, что мафиози являются обыкновенными преступниками, тогда как 2% опрошенных ответили, что мафиози — это «порядочные люди, являющиеся гарантами общественного порядка». 26,6% сицилийцев полагали, что «власти стоят на страже интересов граждан», тогда как 52,2% утверждали, что «власти блюдут свои собственные интересы», а 0,2% признали, что «власти защищают интересы мафии». Только 4% опрошенных признавали возможность найти работу через бюро по трудоустройству, принадлежащее государству, 32% ответили Ферраротти, что смогут найти работу самостоятельно, и 44% открыто заявили о том, что они нуждаются в «частной помощи». На

¹ Ферраротти Ф. Доклад о мафии. Неаполь, «Лингуори», 1978, с. 18—19. Материалы исследований Ферраротти входят в док. XXIII, № 1 приложения к докладу Комиссии. т. 1, с. 141—219.

вопрос о том, существовала ли в 1965 году мафия, 74% студентов ответили утвердительно, 24% не ответили на вопрос «из страха либо из осторожности», 3% отрицали существование мафии.

Успехи средней мафии как современного бюрократического аппарата объясняются в значительной мере паразитическим характером ее существования, потому что эта часть мафии умело использует то, что она является посредником между дерзкими планами высокой и низшей мафии и органами государственной власти. К этому добавляется еще и стремление самой средней мафии к власти, так как ее представители уверены, что в субъективном плане нет никаких препятствий к тому, чтобы достичь ее вершины. Как следствие этого, мы наблюдаем возникновение в данной среде чувства иррациональности, консерватизма, априорного отрицания всего нового.

Не следует, однако, полагать, что чиновники из средней мафии немедленно предаются «коррупции», характерному способу существования бюрократических аппаратов в наши дни. Они не испытывают в этом надобности, поскольку «ощип» (другими словами та сумма, которую следует уплатить мафиозо, в случае если на территории, где он является хозяином, предпринимаются какие-либо экономические инициативы) больше, чем что-либо другое, является выражением власти личности, имеющей прочные позиции в мафии и обладающей правом получать «дары» и от не связанных с мафией людей.

Бюрократическая средняя мафия выступает как «соблазнительница». Многие государственные служащие Сицилии, установив с

нею контакты, будут передавать по наследству, даже своим детям, отношения «дружбы» с семьями мафиози. Другие же не смогут избежать доминирующего влияния политической власти, которая находится в руках высокой мафии.

По традиции высокая мафия¹ объединяет внуков убийц из мафии. В эту группу входят люди, являющиеся выходцами из семей бандитов. Тем не менее их собственные семьи вот уже два поколения не совершают преступлений как таковых (грабежей, вымогательств или похищения людей). Они не совершают и убийств. Их преступления совсем другого рода. Высокая мафия «заказывает» низшей мафии преступления против общества, такие, как известная в послевоенный период серия убийств профсоюзных лидеров. Она обладает также преимущественным правом «заказывать» средней мафии преступления против системы общественного управления (взяточничество, хищения, растраты и так далее).

Внуки старых мафиози несут в себе функцию материализации «инстинкта государства», чем особенно гордится мафия, так как ей всегда было присуще стремление к «теневому правлению»².

После 1943 года фашизм оставил в наследство зарождающейся демократии большое число людей, принадлежащих к высокой

¹ Об определении «высокой мафии» см. доклад «Антимафии», док. XXIII, № 2, с. 1200—1201.

² Миньози П. Контуры и проблемы. Палермо, «Приулла», 1927, наход. в Приложении к докладу «Антимафии» док. XXIII, № 2, с. 1192.

мафии. Это — сыновья и внуки тех адвокатов, мэров и коммерсантов, которых фашизм оберегал от наказания в 1925—1928 годах, когда префектом на Сицилии был Мори. Они происходят из богатых семей мафиози, скопивших свой капитал еще до 1950 года, в основном ростовщицеством. Однако если бедная мафия, для того чтобы выжить, идет против государства, совершая убийства и грабежи, то богатая использует государственные формы, так как хочет увеличить свои богатства и одновременно получить и открыто использовать власть.

Как же действовала высокая мафия в условиях демократического государства, в которых она неожиданно оказалась после окончания второй мировой войны?

Мы знаем, например, что Дженко Руссо вступил в ХДП и являлся членом ее отделения в Муссомели. Но это был уже не тот Дженко Руссо, который совершил в 20-е годы целую серию убийств, как самый грязный чернорабочий мафии. В 1954 году он уже принадлежал к высокой мафии и был известен как наследник Калоджеро Виццини, являясь некоронованным королем мафии.

Многие ли последовали его примеру? Поскольку мафиози всегда копируют приведшие к успеху действия других лиц, возникает вопрос: поступали ли так же, как Дженко Руссо, в других местах, а не только в Муссомели?

Кажется, именно так и было. В 1969 и 1970 годах Комиссия по расследованию преступлений мафии потребовала от полиции и карабинеров Палермо провести расследование, касающееся некоторых владельцев строительных предприятий, подозреваемых в

связях с мафией. Те направили «Антимафии» материалы по этому делу, уже ранее собранные и находившиеся в их сейфах. Они составили два пухлых тома (теперь это книги 9 и 10 тома IV материалов расследования). В каждом из них более 1000 страниц. Комиссия самым любопытным образом обкромсала эти 2000 мелко исписанных страниц, а затем опубликовала материалы. Имена людей из низшей мафии, замешанных в миллиардных аферах и десятках убийств, сохранились все до единого. Все они, по словам полиции Палермо, имели прямые связи с христианско-демократической партией в течение всего периода ее яростной борьбы за власть (с 1955 года и по сей день). Но оттуда начинают исчезать имена людей из средней мафии, то есть таких деятелей системы государственного управления, как некий адвокат Викари, занимавший видный пост в отделении христианско-демократической партии в Мизильмери и ставший сначала внештатным, а затем и штатным служащим муниципалитета Палермо, откуда полиция и карабинеры собирались отправить его в места не столь отдаленные¹. «Антимафии» были представлены материалы, содержащие перечень выдвинутых против них обвинений, однако впоследствии их имена были обойдены молчанием. Что же касается людей из низшей мафии, регулярно обивавших пороги государственных учреждений города, то полиция заявила, что «она не склонна считать их главными действующими лицами»². Боль-

¹ Приложение к заключительному докладу «Антимафии», т. IV, кн. 9, с. 190.

² Там же, с. 376.

шинство членов Комиссии потребовало изъять материалы, касавшиеся тех, кто стоял за людьми из низшей мафии, подготовленные полицией на основании собранных ею фактов, чего потребовала от нее в свое время сама же «Антимафия».

Вокруг Джойи, Чанчимино и Лимы, чьи имена тщательно вымарывались из публикуемых материалов, сгруппировались лица, которые не относились ни к низшей, ни к средней мафии. Их имена то и дело мелькали на страницах материалов Комиссии, однако все, что было связано с ними, обходилось молчанием.

Тем не менее в материалах все же остались довольно показательные факты. В определенный момент всплывает фигура некоего Гаэтано Карини¹, состоятельного владельца строительных предприятий в Палермо, «глубоко внедрившегося в политическую жизнь города». Карини был важным должностным лицом и имел репутацию человека, никогда не вступавшего в какие бы то ни было отношения с мафией, пока не оказался по уши увязнувшим в печально известные события, происшедшие на бульваре Лацио. Нагрянувшие в его дом карабинеры нашли там три десятка фотографий, изображавших Карини вместе с известным главарем мафии Филиппоне, членами городской управы Палермо христианскими демократами Бевилакуа и Лимой, главарями семейств мафии Корвайей и Джерачи. Запечатлен он и с людьми из низшей мафии, такими, как Каватайо, Тумминелло, Бова и др. В результате

¹ Приложение к заключительному докладу «Анти-мафии», т. IV, кн. 9, с. 1015—1016.

карабинеры констатировали, что Карини занимал позицию, промежуточную между преступным миром и миром политической власти. Люди, не входящие ни в низшую, ни в среднюю мафию и действующие «в согласии» с политической властью, фигурируют каждый раз и тогда, когда «Антимафия» занимается сбором сведений о таких городах Сицилии, как Трапани, Агридженто и Кальтаниссетта. Такая же ситуация возникает и в ходе судебных разбирательств относительно сообщений печати.

Ключ к пониманию того, идет ли речь о людях из высокой мафии, вероятно, мы сможем найти в докладе, направленном карабинерами в адрес «Антимафии» 15 января 1971 года¹. Документы эти подписаны К. А. Далла Кьезой, в то время начальником корпуса карабинеров в Палермо. Его доклад о мафии в наибольшей степени подвергся цензуре со стороны «Антимафии» в 9 и 10 книгах IV тома материалов.

В документах содержались и сведения, собранные карабинерами по городу Корлеоне. В них говорилось, что к 1950 году мафия «стала вступать во все более тесные связи с правящими партиями и, искусно внедрившись в них, использовала некоторые особенности политической ситуации в Сицилии». Чтобы достичь желаемого, мафия «старалась маскироваться, занимая позиции, гарантирующие ей контроль и престиж во многих общественно-политических кругах».

Способность «искусно внедряться» и «маскироваться», конечно же, не была при-

¹ Приложение к заключительному докладу «Антимафии», т. IV, кн. 10, с. 1217.

суща представителям низшей и средней мафии. Тем не менее «Антимафия» прилежно сохранила и передала для публикации только те документы, где полицией ясно указывалось на то, что люди из низшей и средней мафии имели теснейшие контакты с политической властью Сицилии и с христианско-демократической партией.

Эта маскировочная функция, не являющаяся, впрочем, сознательным маневром мафии, должна была бы осуществляться людьми из высокой мафии. Они имеют серьезные преимущества перед своими собратьями из низшей и средней мафии: практически все они имеют безупречную репутацию и должность, либо живут на полученные ими в наследство деньги, оставаясь вне подозрений полиции. Об их кровном родстве с убийцами из мафии уже никто не помнит, поскольку они по своему происхождению отстоят от тех на два, три и более поколений. Представители высокой мафии имеют возможность принимать личину обыкновенных политических деятелей, не вызывая при этом никакого удивления и даже пользуясь симпатией окружающих.

Вероятно, можно утверждать, что сразу же после второй мировой войны представители высокой мафии вошли в состав христианско-демократической партии Сицилии. Тем не менее ХДП, партия, где мафиози были представлены в наибольшей степени, по своей природе не отражала идеологию мафии. И далеко не всегда из-за отсутствия кровных связей те члены христианско-демократической партии, которые установили даже самые тесные отношения с мафией, являются мафиози. Число представителей

высокой мафии, вступивших в ХДП, очень и очень незначительно. Возможно, именно эту часть людей из высокой мафии имел в виду христианский демократ Марио Фазино, президент областной ассамблеи Сицилии, когда докладывал 17 декабря 1974 года Комиссии по расследованию преступлений мафии, что «имели место в прошлом и могут иметь место в будущем единичные случаи» тайного сговора между мафиози и политической властью, случаи, повлекшие за собой «неординарные события», значение которых не стоит преувеличивать и которые, однако, «не должны повторяться в будущем»¹.

С исчезновением так называемых «желтых перчаток», определявших «настоящую» политику, уменьшилось число посредников, или, говоря иначе, передаточных звеньев между законодательной властью и мафией. Этот успех высокой мафии имел, особенно после 1960 года, свое дальнейшее развитие. Ранее доходы низшей и средней мафии были довольно скромными, так как зависели от сбора податей с бедных сельскохозяйственных районов области. Кроме того, полученные таким путем средства зачастую исчезали вместе с их обладателем после очередного выстрела из обреза. На рубеже 60-х годов, как сообщалось в докладе командования корпусом карабинеров в Палермо, представленном «Антимафии» 22 июня 1971 года, убийцы из мафии «написали новую страницу истории мафии, поскольку они, действуя в унисон с политическими властями и держа в своих руках рычаги управления в сфере

¹ Приложение к заключительному докладу «Антимафии», т. I, док. XXIII, № 1, с. 667 и далее.

жилищного строительства, скопили огромные состояния и завоевали прочные экономические позиции, что хотя и не бросалось в глаза, но имело огромное значение»¹.

В 60-х годах о мафиози-миллиардерах говорится как о достаточно распространенном явлении. Например, «при обыске погибших» в результате одной из многочисленных стычек между мафиози в те годы был найден отпечатанный на машинке листок, содержащий ряд имен мафиози, разделенных на группы. Это был список или, точнее говоря, «схема состава различных семейств мафии, в каждое из которых входил по крайней мере один владелец строительного предприятия»².

Накопление богатства приводит к тому, что ряды высокой мафии к 1960 году начинают пополняться. Новоиспеченные богачи, вошедшие в высокую мафию, еще совсем недавно занимались убийствами либо продолжают заниматься ими и по сей день.

Неправомерно было бы говорить об «отсутствии признаков государственности в Сицилии» или о том, что «мафия заменяет несуществующую государственную власть». Государственная власть в Сицилии существовала всегда, и в каждый исторический период здесь, как и в любой другой части мира, существовали определенные социальные группы, представлявшие законодательную власть.

С установлением республики знатные сицилийцы лишились какой бы то ни было власти, и после 50-х годов их имена исчеза-

¹ Материалы, приложенные к заключительному докладу «Антимафии», т. IV, кн. 9, с. 374.

² Материалы, приложенные к заключительному докладу «Антимафии», т. IV, кн. 9, с. 1020 и далее.

ют со страниц печати. То же самое произошло и с «желтыми перчатками».

Эти крупные землевладельцы, начиная с 1860 года традиционно стоявшие у руля государственной власти, не нашли преемников ни в лице промышленников, ни в лице партии, представлявшей интересы промышленников, поскольку в Сицилии их не существовало.

После 1950 года сицилийские власти продолжали по ранее установившимся канонам разработку конкретных и общих программ в области строительства с привлечением к их реализации частных предприятий. Часть из полученных от государства многомиллиардных средств предполагалось использовать на то, чтобы провести известную индустриализацию Сицилии. Итоги такой «индустриализации»¹ были рассмотрены в 1966 году социологом Ферраротти. По его мнению, никакого планирования не велось, не поощрялась и не развивалась деятельность местных предприятий, так как на Сицилии, находившейся под контролем мафии, государственные учреждения играли роль «финансового агента», то есть сицилийские власти являлись попросту официальным плательщиком средств, в конечном итоге неизменно оседавших в руках частных предпринимателей.

В те годы государственной властью на Сицилии завладели христианские демократы. Таким образом, они стали теми, кто «левантинизировал», как пишет Ферраротти, индустриализацию Сицилии: даже в выборе зон, подлежащих индустриализации, все с большей силой проявлялась тенденция демохри-

¹ Ферраротти Ф. Цит., раб., с. 19—20.

стиан строить отношения с населением Сицилии на основе формулы «господство — подчинение».

Не изменился характер власти на Сицилии и тогда, когда в 1962 году она стала одной из первых областей в стране, где у власти оказалась левоцентристская коалиция, ничем не отличавшаяся от сформированной в 1963 году левоцентристской правительственной коалиции страны, куда вошли социалисты и христианские демократы. Социалисты, как партия трудящихся, впервые пришедшая в Италии к власти, громогласно заявили, что они становятся за «пульт управления» для того, чтобы осуществить «структурную реформу». Демохристиан это не устраивало, и вскоре (в 1964 г.) наступил затяжной правительственный кризис, во время которого на политической арене неожиданно появились военные. Многие ожидали тогда путча, подобного тем, что постоянно происходили в Южной Америке. Впоследствии Тамбуррано¹ писал, что правительство стояло перед дилеммой: «либо социалистическая партия вернется к капитализму, либо капитализм отойдет от демократии». Социалисты объявили о роспуске правительства. На Сицилии период правления ИСП не принес никаких изменений в положение, существовавшее там ранее.

А как же действовали в то время мафиози?

В те годы они установили тесные отношения с некоторыми политическими группа-

¹ Тамбуррано Дж. «История и хроника левоцентристской коалиции». Милан, «Фельтринелли», 1971, с. 307.

ми, активно поддерживая их в избирательных кампаниях¹. Поскольку эти группы объединяли политиков-профессионалов, то именно в них мафиози внедрили своих людей.

От строительства, находящегося в ведении угодных им властей, они получили миллиардные прибыли. На это обращала свое внимание и «Антимафия». 24 июля 1963 года христианский демократ Скальфаро² наложил вето на передачу вопросов, выдвинутых депутатами от коммунистической партии, на рассмотрение Викари, ранее префекта, а теперь начальника полиции Палермо, о «связях групп мафиози с политическими деятелями и лицами, представляющими государственную власть». Скальфаро мотивировал это тем, что Комиссия должна заниматься привлечением мафиози к судебной ответственности, а не чем-нибудь другим. Однако 26 февраля 1969 года депутат от ХДП Донат Каттин³ обратился к Викари, все еще занимавшему пост начальника полиции, с просьбой разъяснить, повлияло ли принятие одного из законов 1965 года (предусматривавшего применение более суровых мер) на «сокращение масштабов деятельности мафии, связанной с развитием градостроительства, функционированием государственных учреждений и политической деятельностью»?

На этот четко поставленный вопрос Викари смог ответить лишь то, что на Сицилии после 1965 года уменьшилось количество

¹ Арлакки П. «Мафия и политика», в газете «Ла Република» от 20 октября 1982 г.

² Приложение к заключительному докладу «Антимафии», т. III, кн. 1, с. 17 и далее.

³ Приложение к докладу «Антимафии», док. XXIII, № 2, V, с. 281 и далее.

убийств. Исходя из этого, не вправе ли мы предположить, что связи между мафиози и политическими деятелями в сфере строительства существовали всегда, так как не предпринималось никаких шагов к их пресечению.

В короткий срок мафиози, получая миллиарды от строительства новых домов и от подрядов на коммунальные работы, заняли место в среднем слое сицилийского общества. За последние 20—30 лет им удалось войти в доминирующую группу сицилийской буржуазии, как благодаря своим миллиардам, так и в силу того, что большая часть их деятельности (имеется в виду как промышленная, так и иная легальная деятельность) оказывалась чрезвычайно эффективной.

За период с 1952 по 1975 год число банковских операций составило на Апеннинах 83%, тогда как на Сицилии эта цифра составила 586%; количество банковских учреждений возросло там на 216%, а на остальной территории страны всего на 51%¹. Таким образом, к 80-м годам в сицилийских банках скопилось 8000 миллиардов лир. При этом в 66 провинциях области банковские учреждения отсутствовали, а 50 из них было сосредоточено в провинции Мессины, лишь в последнее время ставшей объектом «пристального» внимания мафии.

Этот денежный поток питали как средства, полученные «дозволенным путем» от промышленных предприятий, так и миллиар-

¹ Черами Р., ди Лелло Дж., Гамбино Дж. «Институты мафии и социально-политическая действительность» в кн. «Мафия и ее институты», Калабрия Реджо. «Каза дель либро», 1981, с. 20.

ды, заработанные на значительном расширении масштабов противозаконной деятельности, такой, как похищение людей и контрабанда героином.

Деньги не пахнут, и банкиры не в состоянии определить происхождение поступающих к ним сумм. Более того, как выразился один из палермских судей Джеббья¹, «босс-менеджер от мафии сам по себе является для банка выгодным вкладчиком капиталов, поскольку люди, занимающие солидное положение в мафии, не прогорают, а сеть невидимых связей ставит их на службу политике».

Итак, люди из новой мафии делали свои дела с помощью сицилийских банков. Они, как и другие предприниматели, нуждались в денежных средствах для финансирования своей деятельности (в первую очередь это относится к строительству), которую вели официально, и банки помогали им в этом. Но банки, конечно же, не могли контролировать то, как использовали мафиози эти суммы, поскольку предприниматели-мафиози быстро научились правилам игры и по примеру других искусно скрывали свои имена, ловко уходя от налогообложения.

Финансировалась ли промышленниками от мафии под прикрытием этих предприятий контрабанда героином, никто утверждать не может. Банковские учреждения, являющиеся в Италии собственностью государства или находящиеся под строгим правительственным контролем, стали «компаньонами» мафии, так как по закону экономики банк,

¹ См.: Мадео А. «Новая мафия». Болонья, «Бони», 1976, с. 82.

особенно если он предоставляет заем на короткий либо средний срок, становится членом компании, представляя в ней субсидируемую отрасль. Если говорить о мафии, то «компаньонство» с банковскими учреждениями касалось и «отрасли похищения людей с целью получения выкупа и контрабанды наркотиками».

Представители старой, почти с двухсотлетней историей, мафии после 1950 года не встретили никаких трудностей при внедрении в новую экономику Италии. Это были годы, когда у нас, как и в Соединенных Штатах, «индивидуалистская и хищническая концепция успеха» сочеталась с «болезнью вседозволенности в экономике и политической жизни»¹. Клич «Давайте станем богатыми!», брошенный в послевоенные годы, послужил обращением к таким чувствам, как жажда наживы и личной власти, которые всегда лежали в основе психологии мафии.

Ферраротти в 1966 году отмечал, что в Багерии*, официально считавшейся бедной, на 34 000 жителей приходилось 20 000 зарегистрированных автомобилей². Статистические данные 1982 года говорили, что «Палермо находится на 80-м месте в стране по уровню официально зарегистрированных доходов и занимает 6-е место по уровню потребления», т. е. по затрачиваемым там на различные приобретения денежным средствам³. Сама

¹ Йанни Ф. А. Я. «Дела семейные». Милан, «Гардзанти», 1974, с. 96.

* Багерия — городок на северо-западе Сицилии в провинции Палермо. — *Прим. перев.*

² Ферраротти Ф. Цит., с. 63.

³ Макалузо Э. «Оппозиция мафии государству» в журнале «Ринашита» от 1 октября 1982.

натура людей из мафии, которые, став, к примеру, производителями цемента, отнюдь не собирались бросать контрабанду сигаретами и наркотиками или перестать похищать людей, требовала ведения «биполярной экономики», основанной за законной и незаконной деятельности одновременно.

По мнению социолога Сеппилли, изложенному им на заседании Комиссии 21 июня 1965 года, мафиози, оперируя конкретными фактами, доказали «однородность» своих «стратегических интересов» с определенными интересами доминирующих социальных групп¹. Назовем этих мафиози «людьми из новой мафии». Начиная с 1960 года они являются абсолютно автономной и абсолютно равноправной частью сицилийской действительности.

17 февраля 1982 года два секретаря профсоюзных конфедераций Сицилии в интервью корреспонденту газеты «Коррьере делла sera» заявили, что мафия контролирует большую часть экономики Палермо. Они отметили также, что мафиози, обвиняемые в убийстве в период с 1943 по 1960 год 158 профсоюзных деятелей и лиц, выступавших против господства мафии на рынке труда, теперь проявили «щедрость» по отношению к рабочим. На предприятиях мафии трудовые соглашения соблюдаются «более» скрупулезно, чем где бы то ни было. По «просьбе» предпринимателя от мафии, рабочий за «щедрую плату» выполняет огромное коли-

¹ Приложение к заключительному докладу «Анти-мафии», т. 1, с. 31 и далее.

чество сверхурочной работы, что запрещается трудовым соглашением в целях повышения занятости. «Попав однажды на предприятие, находящееся в руках мафии, рабочие живут припеваючи».

Мафия на Сицилии, продолжают профсоюзные лидеры, «держит в своих руках десятки тысяч рабочих мест». В Агридженто она за несколько лет подняла стоимость одной плотины на 250%, а работы по ее возведению «так и не закончены». Мафия всегда жестоко подавляла крестьянские жакерии. Однако теперь перед мафией уже не та «благородная и героическая крестьянская масса»: 40% сицилийских рабочих — это «батраки, сезонные и подручные рабочие, не имеющие даже начального образования». Такие рабочие «получают место, только если они нравятся предпринимателю», и они «счастливы, если находят работу».

Уже многие годы на Сицилии не было ни одной забастовки строительных рабочих.

Само собой разумеется, что и после 1950 года не принималось никаких мер против средней и высшей мафии.

V. КОНТРОЛЬ: ПАРЛАМЕНТСКАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАФИИ И СУДЫ

Одним из способов выяснения отношений между членами мафии и властями и установления характера деятельности косок является проверка результатов, полученных государственными учреждениями, призванными расследовать деятельность сицилийской мафии.

В Италии существует два государственных органа, созданных для этой цели. Прежде всего — это суды, перед которыми ежедневно предстают мафиози, по делам которых ведется следствие. Кроме того, с 12 декабря 1962 года по 15 января 1976 года постоянно работала Особая следственная комиссия, созданная по инициативе парламента. В настоящее время работает новая Парламентская комиссия по расследованию преступлений мафии, получившая название «Антимафии».

По особому заданию парламента «Антимафия» обязана изучить феномен мафии и подготовить соответствующие предложения. Однако эта Комиссия, в которую входят преимущественно христианские демократы, не довела до конца свои исследования. Мы надеялись, что в результате ее работы хотя бы один крупный представитель политического мира Сицилии прекратит свою пре-

ступную деятельность. Но «Антимафия» так и не смогла ничего доказать. Результаты ее работы оказались менее эффективными, чем ожидалось: доклад демохристианского большинства — это какие-то весьма общие соображения, касающиеся деятельности мафии, а доклад коммунистического меньшинства, достаточно решительный по своим выводам, почти ничего не даст тем, кто о ней мало информирован.

В целом материал, собранный за 13 лет работы Комиссии, содержит интереснейшую информацию. Он включает исторические исследования Бранкато, социологические труды Ферраротти. Своеобразным ключом, открывающим двери в мир мафии, являются выступления таких ученых, как Скрофани, Силос Лабини, Ромео, Цеппилли, Джемелларо. Из документов, буквально вагонами прибывавших в адрес «Антимафии», которая их теперь публикует (правда, бессистемно и ненаучно), желающий может восстановить многие события, связанные со строительством в Палермо, которое велось с 1950 по 1970 год, события, имеющие исключительно важное значение для характеристики мафии того периода.

О самой «Антимафии» можно было бы написать отдельную главу. Она начала свою работу с благословения консервативного либерала Джованни Малаголи, по словам которого, сказанным еще в 1962 году, мафия «привита на древо процветания». О деятельности мафии рассказывал в сотнях своих выступлений коммунист Джероламо Ли Казузи. В какой-то момент Фламинио Пикколи (из Трентино), Арнальдо Форлани (из Марке), Аминторе Фанфани (из Аретино) —

крупнейшие тогдашние руководители ХДП — сделали все возможное, чтобы ввести в состав «Антимафии» Матта (из Палермо), чье имя было известно «Антимафии» с того времени, когда она занялась изучением связей мафии с некоторыми политическими деятелями Сицилии.

Но именно мафиози и не упоминаются в отчетах «Антимафии». Члены Парламентской комиссии допросили одного лишь «Трехпалого» — Фрэнка Копполу и сделали это исключительно в связи с историей с магнитофонными записями телефонных разговоров, но и она так и не была расследована до конца. А остальные мафиози? Почему их не подвергли допросам, как это было сделано в Соединенных Штатах членами комиссии Кифовера при расследовании деятельности сицилийско-американской мафии?

В отчетах «Антимафии» много места отведено выступлениям представителей сицилийской верхушки, представших перед Комиссией для объяснений.

Среди этих политиков и функционеров областного и государственного масштаба были люди, сообщившие, что «в определенном смысле жить в Палермо — значит проявлять исключительный героизм... Палермо город тихий и глухой, здесь не действуют законы и юридические нормы. Все в нем основано на личных связях и дружеских отношениях. Если же кому-то такой тип отношений не нравится, кажется недостойным цивилизованного общества, то его изолируют». За исключением христианского демократа Калоджеро Пумилиа, который рассказал о своей встрече с мафиозо Дженко Руссо, никто из дававших показания Комиссии не

сообщил ей ни единого факта, ни одного имени и не высказал никаких соображений, касающихся мафии. А одному из префектов Кальтаниссетты, который говорил, что в своей провинции он никогда даже не слышал о мафии, пришлось напомнить, что «Антимафия» могла бы надеть на него наручники как на лжесвидетеля.

6 августа 1966 года в интервью одной из сицилийских газет председатель «Антимафии» сенатор Пафунди, занимавший когда-то высокий пост в магистратуре, заявил: «У нас есть архив, который можно сравнить с пороховым погребом». Речь шла о материале, который мог нанести мафии сокрушительный удар: «Антимафия» обнаружила и была готова обнародовать имена политических деятелей, связанных с мафией. Она с помощью карабинеров и полиции провела особое расследование деятельности депутата парламента и министра Джованни Джойи; мэра Палермо, впоследствии депутата Национального и Европейского парламента Сальво Лимы; мэра Палермо, а затем депутата Национального парламента и лидера ХДП на Сицилии Вито Чанчимино. В тени остались сенатор Кузенца и депутат парламента министр Бернардо Маттарелла (оба члены ХДП), которые к тому времени уже умерли. В весьма щекотливом положении оказался республиканец и член парламента Аристиде Гуннелла, подозревавшийся в связях с мафиозо Джузеппе Ди Кристина, в защиту которого постоянно выступал Уго Ла Мальфа. Только благодаря ему Ди Кристину не исключили из партии. И только из-за внутрипартийных распрей сенатор-демохристианин Мессери, который в бытность свою послом в Португалии и Тур-

ции оказался замешанным в неприятную историю, связанную с международным фашизмом и американцами, отделался лишь вызовом в Комиссию, но не был даже допрошен.

Хотя крупный подрядчик строительных работ Чиччо Вассалло и адвокат Вито Гуаррази и не сделали политической карьеры, «Антимафия» все же провела расследование их деятельности в связи с отношениями между мафией и политическими деятелями.

Самые большие подозрения падали на Чанчимино. Карабинеры считали, что Чанчимино, дальние родственники которого, несомненно, принадлежали к мафии, был одним из тех молодых людей, которых она внедрила в партию католическое действие в Корлеоне. В 1950 году Чанчимино стал демохристианином. Адвокат Беллависта часто выступал защитником на многочисленных судебных процессах по делам Чанчимино, добиваясь его оправдания. Все в том же 1950 году Чанчимино организовал акционерное общество вместе с неким Ла Барба, один из братьев которого впоследствии будет выслан в места обязательного проживания за принадлежность к мафии. Предприятие Чанчимино — Ла Барба тут же получило подряд на выполнение работ для государственных железных дорог. Соответствующий запрос об этом будет представлен в Рим «через временного заместителя министра по транспорту, депутата парламента Бернардо Маттареллу». В начале 50-х годов в Палермо появилась организация ИСЕРП*, занимавшаяся

* Институт по субсидированию строительных работ в Палермо.— *Прим. перев.*

яся ссудами. Во главе этой организации стоял некий Боселли, который, по сведениям полиции, был полковником карабинеров на пенсии (но карабинеры в своих рапортах об этом не писали). В этой организации рядом с Боселли постоянно находился Анджело Ди Карло (кузен босса Микеле Наварры), который, по мнению карабинеров и полиции, был одним из главарей мафии Корлеоне, где официально входил в то же общество, что и Лучиано Лиджо. Более того, полиция Корлеоне именно Лучиано Лиджо называет в качестве одного из истинных владельцев ИСЕПа. Он «занимался тем, что наказывал неплательщиков и некредитоспособных клиентов» и выбивал из них возврат ссуд. В 1963 году, когда умер Боселли, среди членов этой организации мы видим мафиози Анджело Ди Карло и Антонио Сорчи, а также жену Чанчимино. Тем временем Чанчимино становится советником городского отдела жилищного строительства в Палермо. Его шофером оказался сын мафиозо. По характеру своей работы даже в своей конторе Чанчимино мог общаться с мафиози Ди Трапани, Бушеттой, Монкадой и Дженовезе, которые приходили в отдел по жилищному строительству Палермо.

Родившийся в семье ломового извозчика Вассалло стал крупным строительным подрядчиком — миллиардером, женился на дочери мафиозо и навсегда сохранил рабочие и официальные связи с мафиози Мессиной, Краколичи, Риккобоно, а также с низшей мафией, охранявшей его стройплощадки. Он также стал связующим звеном между мафиози, с одной стороны, и Джойей и Лимой — с другой. Карабинеры и полиция полагают,

что успех Вассалло как крупного стройподрядчика самым непосредственным образом связан с деятельностью некоего инженера Ферруцца и семейства Ди Фреско. Ферруцца и Ди Фреско тесно связаны с политиками Джойей и Лимой. Более того, один из молодых представителей семейства Ди Фреско женат на сестре жены Джойи. Сам Джойя женат на дочери сенатора Кузенца, председателя Палермской ссудной кассы, в которой Вассалло получал солидные и регулярные займы. Спустя годы Ди Фреско кончит тюрьмой из-за скандальной истории в городской администрации. Выйдя из тюрьмы, он заменит в парламенте умершего Матта. По мнению карабинеров и полиции, существовало своего рода акционерное общество (оно, правда, никогда не фигурировало в официальных юридических документах), созданное Вассалло и семействами Ферруцца и Ди Фреско. Об этом свидетельствует тот факт, что с 1950 по 1970 год на строительные работы в Палермо было выдано 700 разрешений Микеле Каджеми, 1600 — Сальваторе Милаццо и 200 — Лоренцо Ферранте. Каджеми, Милаццо и Ферранте, как было установлено позднее, были бедняками, буквально умиравшими с голоду, поэтому за определенное вознаграждение они охотно выступали в качестве подставных лиц, чтобы скрыть имена настоящих обладателей лицензий на строительство. Но почему же «Антимафия» не вызвала и не допросила Каджеми, Милаццо и Ферранте? Кого они представляли?

Опорой группировки Ферруцца, Ди Фреско и Вассалло служит группировка Джойи и Лимы, занимающая привилегированное положение в ХДП Палермо. Если,

например, Вассалло необходимо получить разрешение на строительные работы, стоимость которых исчисляется многими миллиардами лир, чаще всего он обращается к ним, разумеется, на основе взаимности. Так, согласно свидетельствам карабинеров, демохристиане Сальво, Лима, Марио Д'Акуисто купили земельный участок, где, по сообщению, полученному из конфиденциального источника, близкого к подрядчику Вассалло (а, может быть, и от самого Вассалло), находились две небольшие, но «почти полностью готовые» виллы. Эти виллы вышеназванные лица получили от него почти даром.

Адвокат Гуаррази, несомненно, более значительная фигура, чем разные вассалло, феруцца и ди фреско. С 1950 по 1970 год он создал на Сицилии около десяти промышленных и торговых предприятий, и эта его деятельность будет фигурировать на многочисленных уголовных процессах. Однако сведения об этих процессах в случае вынесения обвинительного приговора не суждено появиться на страницах сицилийской печати. Гуаррази постоянно находится в центре политической жизни Сицилии. Он общий друг как сенатора-демохристианина Верцотто (который до сих пор скрывается от правосудия после вынесения ему миланским судом обвинительного приговора), так и Сильвио Милаццо, который был одним из самых влиятельных политических деятелей Италии в конце 50-х годов. Мы встречаем фамилию Гуаррази среди членов двух акционерных обществ, в одно из которых входил крупный строительный подрядчик Монкада, а в другое — Аристиде Гуннелла. Но особо важную роль сыграли Гуаррази и его приятель инже-

нер Ла Кавера (бывший советник городского управления общественных работ в Палермо с 1946 по 1949 год) в весьма значительном для Сицилии деле, рассматривавшемся на рубеже 50—60-х годов. Сицилийские рудники, на которых фактическими хозяевами были мафиози Виццини и Ди Кристина и их наследники, пришли в упадок. Джойа, Лима, Чанчимино, Ла Лоджа, Верцотто и другие демокристиане практически прибрали к рукам все рудники острова. Для управления ими были созданы соответствующие акционерные общества, а их руководителями стали Гуаррази и Ла Кавера. На суде вся эта афера постепенно всплывает наружу и, хотя и с большими трудностями, выясняется, что в те годы экономическое положение сицилийских рудников было катастрофическим, они стали бездонной пропастью, в которой бесследно исчезали огромные государственные средства.

Именно поиск «имен» политических деятелей, связанных с мафией, похоже, и показал всю беспомощность «Антимафии». Для доказательства связи мафиозо с политиком необходимо соединить «имя» с «фактами» (дни, часы, конкретные действия), а как раз этого она сделать и не сумела.

4 ноября 1970 года тогдашний шеф carabinieri Палермо полковник Карло Альберто Далла Кьеза был вызван в «Антимафию» для дачи показаний. Однако он не сообщил имен политических деятелей, связанных с мафией, поскольку не хотел, чтобы из-за него кого-либо из них официально признали откровенным мафиозо, в то время как другие продолжали бы считаться честными людьми. Чтобы уяснить, что такое, в сущности, мафия,

необходимо, считал Далла Кьеза, капитально изучить положение с жилищным строительством в Палермо, план реконструкции которого за несколько лет подвергся по крайней мере 1200 изменениям. Он несколько раз предлагал «Антимафии» представить в комиссию генеральный план Палермо, и, когда ему это разрешили, он продемонстрировал вариант плана, составленный мафией, на котором весь город был разделен на зоны влияния различных косок. «...Каждый красный кружок означает зону влияния отдельного семейства. Сфера влияния вот этого семейства из Пассо ди Ригано распространяется на Борго Нуово и Беллолампо и доходит до Торретта. Вот это семейство...»

«Антимафия» поблагодарила полковника и разрешила ему удалиться, после чего он направил в ее адрес собственный план Палермо с указанием зон влияния мафии. Было бы полезно взять официальный план Палермо, включающий все 1200 вариантов застройки, наложить на него «карту мафии», составленную Далла Кьезой, и выявить, наконец, симпатии избирателей, которых буквально квартал за кварталом отмечали политические деятели в ходе различных выборов. Так можно было бы установить имена этих деятелей, давших «добро» на принятие 1200 вариантов, являющихся, попросту говоря, доказательством того, что «территория мафии» в Палермо действительно существует.

«Антимафия» так долго не отвечала Далла Кьезе, что он был вынужден напомнить Комиссии, что мафиози «вершат собственный суд» с помощью лупары, если не получают требуемой платы за свои «услуги», а также за нарушение их власти на «своей»

территории. Но «Антимафия» прекрасно знала, что пока что мафиози еще не убили ни одного политического деятеля и ни одного «сиятельного трупа» до сих пор не появилось.

Большинство членов Комиссии настаивали на необходимости подбора фактов, доказывающих наличие связей между сицилийскими политиками и мафиози. «Антимафия» открыто попросила полицию и карабинеров провести расследование по делам Джованни Джойи, Сальво Лимы, Вито Чанчимино (чуть в тени, как бы фоном, шли покойные Кузенца, свекор Джойи, и Бернардо Маттарелла — покровитель Чанчимино) и получила от них необходимые материалы. Однако, несмотря на обязанность довести до сведения общественности результаты расследования, включая и материалы, присланные полицией, обнародовать часть этих сведений она отказалась, сославшись на то, что личность тех, кто давал показания, не установлена. Тем не менее Джойа, Лима, Чанчимино смогли ознакомиться с материалами, непосредственно к ним относящимися, и с массой фактов, хорошо известных «Антимафии», хотя они и не были опубликованы. В то же время «Антимафия» сделала столько изъятий из показаний, относящихся к Вассалло, Ферруцца, Ди Фреско, Гуаррази и Ла Кавера, что установить какую-либо связь между ними и политическими деятелями стало совершенно невозможно. Но она слишком перестаралась с самоцензурой. 25 июня 1971 года «Антимафия» передала карабинерам и квестуре список, состоящий из 12 вопросов, которые уже сами по себе указывали на связь между политическими деятелями и мафиози, фами-

лии которых там фигурировали. В этом списке под пунктом 8 стоял вопрос: «Не было ли еще до второй мировой войны «взаимного интереса» в отношениях между Чиччо Вассалло и Джованни Джойей?» Ответ карабинеров и полиции на этот вопрос до сего времени сохраняется в тайне. Между прочим, «Антимафия» никогда не спрашивала о документах, которые бы прямо свидетельствовали о непосредственной связи политиков с мафией. Она даже не потрудилась выяснить, когда и где Джойа, Лима и Чанчимино собираются защищаться от обвинений, которые все-таки выдвигаются в их адрес, в то время как вопросы, непосредственно не относящиеся к делу, каждому из них задавались.

В 1956 году в Палермо был основан Народный банк, который в 1971 году имел шесть отделений, из которых три филиала — за пределами города. Полиция разделила пайщиков этого банка на три группы: в группу А входили мафиози — Читарда, Бланди, Ди Трапани, Ди Джироламо и Престифилиппо; в группу Б — люди под фамилией Гуттадауро, чьи имена особенно часто опускались в опубликованных материалах «Антимафии»; в группу В — политики: сенатор-демохристианин Антони Пекораро, советник областного управления Гвидо Борселлино, председатель торговой палаты Палермо Альфредо Террази и Гаэтано Аморозо — советник и демохристианин. Как могли оказаться вместе все эти люди? Этот вопрос даже не поднимался.

В конце концов Комиссия перевела Джойю, Лиму и Чанчимино в категорию деятелей, чьи имена не подлежат оглаше-

нию. Поэтому сказать, кто они, мафиози или же друзья членов мафии, не представляется возможным. Поступая таким образом и вводя все эти ограничения на оглашение имен, «Антимафия» лишила парламент (он должен будет обсудить результаты ее работы) возможности узнать все о деятельности мафии.

Однако самой серьезной ошибкой Комиссии является то, что она не провела исследований, касающихся вопросов борьбы с мафией со стороны государства, в то время как для того, чтобы понять, что такое мафия, такая работа была крайне необходима.

Единственным министром внутренних дел (в Италии он является главой полицейских сил и отвечает за поддержание общественного порядка), которого 24 августа 1963 года допросила «Антимафия», был депутат парламента, христианский демократ Мариано Румор. Румор сказал, что занимает этот пост недавно и пока что не приступил к глубокому «изучению феномена мафии и имеет в распоряжении лишь ту информацию, которая доступна любому ответственному лицу, любому человеку, внимательно следящему за событиями в собственной стране».

В переводе на обычный язык это могло означать, что министр (далеко не ординарная личность) даже не счел нужным расспросить государственных служащих о том, что им известно о мафии, а потому ничего сказать и не мог.

Уклончивость и слабость итальянского правительства при решении вопроса о мафии особенно проявляются в период правительственных кризисов, когда политические партии обсуждают состав нового правительства. В 60-е годы при формировании левоцентрист-

ского правительства демохристиан и социалистов Пьетро Ненни от имени социалистов потребовал от Альдо Моро исключить из состава нового правительства сицилийского христианского демократа Бернардо Маттареллу как подозреваемого в связях с мафией. Одновременно социалисты выдвинули возражения, поддержанные в парламенте христианскими демократами, против депутата Марио Шельбы, который в 50-е годы в свою бытность министром внутренних дел возглавил полицию и проявил особую суровость по отношению к левым силам Италии. Кроме того, если верить свидетельству Спано от 1978 года, Шельба, кажется, получил некий, «возможно, существующий» доклад Викари по делу бандита Джулиано,— доклад, касающийся связей мафии с христианскими демократами, и в 1948 году, основываясь на данных этого доклада, выступал с резкими нападками на христианских демократов Палермо. В результате в 1963 году с явного согласия демохристиан и социалистов в состав правительства вошел не Шельба, а Маттарелла.

За деятельностью правительства (а лучше сказать, за его бездеятельностью по отношению к мафии) в Комиссии наблюдал депутат парламента, христианский демократ Донат Каттин. 24 июля 1963 года Донат Каттин спросил у Викари, существует ли «безотносительно к какому-либо конкретному эпизоду, связанному с мафией в целом», специальная команда или какое-либо оперативное подразделение полицейских сил, предназначенное для борьбы с нею. Викари («Антимафия» никогда не просила его представить свой доклад о бандите Джулиано и связан-

ных с ним политических деятелях, написанный в 1948 году, а обратилась за помощью к его сотруднику, но получила отказ) ответил отрицательно. Тогда Донат Каттин спросил у Викари, является ли структура полицейских сил на Сицилии «такой же, как и в любой другой провинции». Викари ответил утвердительно. Все это означает, что итальянское правительство никогда серьезно не вело борьбы с мафией, и никогда не хотело знать ничего конкретного о ее деятельности.

Вопрос о способах и средствах борьбы с нею был полностью предоставлен на усмотрение государственных чиновников, то есть префектов, квесторов, магистратов и полковников, стоящих во главе карабинеров, которые, когда «Антимафия» предоставляет им подобную свободу действий, бывают этим весьма недовольны. Генеральный прокурор Палермо Меркаданте заявил, что «отсутствие соответствующей службы информации» о мафии совершенно нетерпимо, ведь даже во времена фашизма на это выделялись какие-то средства. А деньги действительно необходимы, ибо без них нельзя вести войну с мафией, хотя теперь, по-видимому, сделать уже ничего нельзя». По мнению Меркаданте, именно потому, что правительство слишком скупо платит агентам, правоохранительные органы не получают надежной информации о мафии. То обстоятельство, что Комиссия разрешила полковнику Далла Кьезе фотографировать данные о соотношении сил между полицией и мафией только в течение двух минут, вызвало его бурное возмущение.

Хотя и нельзя отрицать личных заслуг отдельных государственных чиновников, бо-

рющихся с мафией, тот факт, что преступники остаются на свободе, а преступность неуклонно растет, вызывает в обществе недовольство, в особенности действиями полиции, которую обвиняют не только в инертности, но хуже того — в сотрудничестве с мафиози. Одним из таких недовольных является социолог Ферраротти, который резко выступил против принципа, которым руководствуется полиция: «делаем, что можем», услышанного им из уст одного полицейского, в обязанности которого входит борьба с мафией.

Однако следует все же признать, что отдельные государственные чиновники не могут сделать против мафии более того, что они делают: записывают номер, тип и данные автомобилей и пишущих машинок, самолетов и судов; пользуются скоростной электронной техникой при сборе и обработке данных; пытаются скоординировать действия государственной полиции, карабинеров и таможенной службы, которые сегодня действуют как соперничающие организации; тщательно отбирают служащих, уделяя особое внимание их профессиональной подготовке. Одним словом, любая «уголовная политика» рождается и развивается в зависимости от фондов, отпускаемых на борьбу с преступностью во всех ее формах. Какие цели должна ставить перед собой эта политика? Какими свободами должен поступаться отдельный гражданин, с тем чтобы полиция могла действительно защищать свободу всех граждан? Ведь отдельные государственные чиновники не несут за это никакой политической ответственности, а если у них нет и законной власти для координации деятельно-

сти различных полицейских служб в стране, то от них нельзя и требовать, чтобы они формулировали и конкретизировали «уголовную политику», направленную против мафии.

От этой уголовной политики почти всегда зависит то, как ведет себя, функционирует полиция. А эффективность работы и поведение полицейских в свою очередь являются одной из важнейших причин, воздействующих на возникновение и распространение преступности. Перед лицом полиции, которая ничего не может сделать, мафиози не могут не сообразить, что настал их час.

Убийство Далла Кьезы в сентябре 1982 года показало всю неэффективность правительственных мер, принимаемых против мафии. В том году Далла Кьеза был назначен префектом Палермо, но в течение многих месяцев, когда он занимал этот пост, он пользовался лишь теми исключительно ограниченными правами, какими пользуется любой префект в Италии, не имеющий права вырабатывать и проводить собственную уголовную политику. Правительство никогда не вводило его в курс своей политики в отношении мафии и не давало соответствующих полномочий. Что же касается добровольной инертности правительства в отношении мафии, то оно, безусловно, не проявляло необходимой административно-политической ответственности, и, между прочим, из документов, собранных той же «Антимафией», можно привести весьма показательные примеры на этот счет.

В 1949 году правительство послало в

Палермо полковника карабинеров Уго Луку, который возглавил силы по борьбе с бандитизмом на Сицилии с конкретной задачей — уничтожить бандита Джулиано. Лука выполнил это задание, хотя дело происходило и не совсем так, как выглядело в телеграфном сообщении правительству от 5 июля 1950 года. Лука, как явствует из этого донесения, обнаружил в Палермо присутствие мафии и сообщил правительству точный план борьбы с огромной силой, которой она уже в 1949 году обладала на острове. «В каждом развитом государстве, — писал он, — существует экономическая полиция (она отличается от налоговой), в компетенцию которой входит обнаружение экономических факторов, способствующих незаконной наживе, и борьба против этого явления». Таким образом, до сведения итальянского правительства эта его точка зрения была доведена 4 декабря 1949 года и зафиксирована в документах «Антимафии». Лука предупреждал: «Если в общественном сознании утвердится уверенность, что владельцы состояния, добытого с помощью преступлений, будут преследоваться с тем же упорством, что и обычные бандиты, то многие, и в особенности молодежь, которая присоединяется к вооруженным бандам в надежде сколотить себе состояние, останутся честными гражданами».

30 октября 1963 года Пьетро Рагонези, председатель ассоциации промышленников Палермо (40 лет назад мафия похитила у него сына), весьма просто объяснил «Антимафии», кого и что представляет собой новая мафия. «Я вам так скажу. Я спрашиваю, например, у кого-нибудь из депутатов: «Скажите-ка мне, какое состояние было у

вас до 1946 года? Ведь теперь у вас миллиарды. Мне бы хотелось знать, откуда они у вас появились... Это следовало бы знать о каждом человеке, состояние которого изменилось... Почему в настоящее время он стал миллиардером. Откуда появились эти миллиарды?»

«Антимафию» давно и серьезно предупреждали, что победить новых мафиози можно, лишь проведя солидные экономические исследования, касающиеся их состояния. 17 марта 1964 года в работе Комиссии вдруг наступила резкая пауза. В тот день она заслушала одновременно депутата парламента христианского демократа Эмилио Коломбо, тогдашнего государственного казначея, депутата парламента Роберто Тремеллони, социал-демократа, министра финансов, и Гвидо Карли, который в то время был председателем правления Итальянского банка, а еще раньше входил в состав одного из послевоенных правительств.

После дачи ими показаний с серьезнейшими обвинениями в адрес мафии и ее покровителей выступил коммунист Ли Каузи, но Тремеллони выслушал лишь часть его речи, после чего, сославшись на занятость в парламенте, удалился, оставив вместо себя Атоса Вальсекки, христианского демократа, заместителя министра финансов. Коломбо уверял, что государственная администрация будет сотрудничать с «Антимафией» в сборе доказательств, «если таковые имеются», но в ответ на просьбу сообщить о возможности сотрудничества с «Антимафией» «компетентных органов», отвечающих за распределение и использование кредитов, заявил, что «...здесь мы находимся перед

лицом ограничений, которые я могу лишь подтвердить, иначе я нарушу один из основных принципов этой деятельности. Таковым ограничением является, в частности, тайна вкладов. В этом пункте мы должны быть предельно точными, поскольку этот пункт налагает на нас особую ответственность».

Карли ничего не сказал о тайне вклада, но, опираясь на выступление Коломбо, добавил, что «Антимафия» может послать в Итальянский банк список имен, «которые (она) может интерпретировать, как ей угодно, лишь бы в него входили люди, на которых распространяется возможность вести расследование». Итальянский банк мог бы сообщить «Антимафии» «информацию, которой он в настоящий момент располагает в связи с собственной внутренней проверкой», то есть банк соглашался передать «Антимафии» лишь ту информацию о мафиози, которая имелась в его распоряжении. И «Антимафия» последовала совету Карли, хотя могла обойтись и без этих банковских процедур, которые доказывали лишь то, что никаких расследований по поводу состояний мафиози не было и что их даже не намеревались проводить.

Только после 13 сентября 1982 года, то есть дня, когда был убит Далла Кьеза, а еще ранее и многие другие известные лица, а главное, лишь после того, как мафиози сколотили собственные состояния на тысячи миллиардов, парламент наконец принимает закон, которым обязывает полицию, непосредственно подчиняющуюся правительству, провести расследования о состояниях мафиози. Но тем временем строительный кадастр, некогда содержащий сведения, относивши-

еся ко всей Италии, распался, а налоговый превратился в пустой звук, не более. Тот же министр финансов в начале лета 1982 года сообщал, что в Италии ежегодный ущерб в результате уклонения от уплаты налогов составляет около 30 тысяч миллиардов лир. Таким образом, экономическое расследование будет серьезно осложнено в силу объективно сложившихся обстоятельств. В общем, мафия всегда может рассчитывать растянуть его лет на 20, если речь пойдет о подобном расследовании со стороны государства.

Конечно, у судьи меньше возможностей скрыть свои связи с мафиози, чем у политического деятеля, поскольку каждый судья сам подписывает решения, принятые на процессах против мафии.

В адрес сицилийских судей, кроме того, были выдвинуты обвинения, касающиеся их профессионального уровня.

«Антимафия» протестовала против слишком большого количества постановлений о снятии обвинения, принимаемых уже в ходе расследований (то есть на начальной стадии процесса) по преступлениям мафии. «Доказательственная мозаика» превращалась, по существу, в оправдания, «которые мотивировались слишком сжато, без точных и глубоких ссылок на собранные доказательства». Для оправдания мафиози сицилийские судьи прибегали к «юридической терминологии», не известной остальным итальянским магистратам». Одни из членов Комиссии считали, что на Сицилии судьи отличаются «первобытным незнанием феномена мафии во всех его сложных социальных, моральных и уголов-

ных проявлениях», вследствие чего они погрязли в трясине негативных «тенденций к преуменьшению опасности, которую представляет собой мафия».

Другие отмечали, что сицилийские судьи работают «в обстановке, пронизанной духом мафии», и поэтому, как утверждает Ферраротти, многие из них сознательно, хотя и с весьма непосредственным видом отрицают ее существование».

В 1955 году видный сицилийский магистрат Джузеппе Гвидо Ло Скъяво — бесстрашный человек, пользовавшийся большим авторитетом — рассказал в одной из своих статей, что когда-то один из его друзей уговорил его принять в своем доме дона Калоджеро Виццини, которого Ло Скъяво знал как «крестного отца» мафии. Во время встречи Ло Скъяво называл Виццини «коммендаторе» (командор), т. е. официальным титулом, присвоенным ему государством, но «дон» Калоджеро сказал, что Ло Скъяво может называть его «дядюшкой Калло». Но почему-то Ло Скъяво не упомянул имени «друга», который вынудил его принять в собственном доме шефа мафии, хотя его имя могло сыграть решающую роль при вынесении приговора Виццини.

В 1963 году один из членов «Антимафии» спросил у генерального прокурора Палермо Меркаданте, не являются ли некоторые судьи родственниками «лиц, подозреваемых в связях с мафией», и Меркаданте ответил, что он не допустил к участию в открытом конкурсе на должность судьи одного молодого человека, сына или ближайшего родственника человека, «попахивающего мафией».

В городском суде Палермо шел крупнейший процесс против 76 мафиози, на многих из которых висело обвинение, минимум на 90% основывавшееся «на восьми с половиной томах записей перехваченных телефонных разговоров». Среди них имелись записи многочасовых обсуждений членами мафии своих дел, которые можно было бы обнародовать. Но 8 апреля 1974 года итальянский парламент принял новый закон, согласно которому прослушивание телефонных разговоров должно было вестись с соблюдением особых правил, а имеющими силу доказательств считались только те записи, которые были произведены в соответствии с этими новыми правилами. Но парламент должен был учитывать, что до 1974 года ни один итальянский судья не мог себе представить, каким окажется закон о подслушивании телефонных разговоров. В Палермо же сразу применили этот закон, и восемь с половиной томов обвинительного материала пошли в макулатуру. Сицилийский суд не напомнил «Антимафии» о том, что депутатами парламента, принявшего этот закон, были также и известнейшие адвокаты, защищавшие обвиняемых на этом процессе.

Два государственных закона — № 1423 от 1956 года и № 575 от 1965 года — предусматривают, что все «подозреваемые в связях с мафией» независимо от того, что сами они, возможно, преступлений и не совершили, должны быть высланы в места, отдаленные от постоянного места жительства. Решение об этом может вынести только суд. Издание этих законов означало

возвращение к старой практике монархистско-фашистского режима. В связи с их применением Европейская комиссия при Европейском совете в Страсбурге 3 сентября 1977 года заявила решительный протест итальянскому правительству. В соответствии с этими законами сицилийский суд до 1973 года отправил в Северную Италию 928 мафиози, за что в печати его обвинили в пособничестве «экспорту мафии» на север.

Ради справедливости следует сказать, что «вину» сицилийских судей должен разделить и министр внутренних дел, поскольку по закону только он имеет право указать суду место принудительного жительства мафиози.

Сицилийские судьи просто удовлетворились тем, что на заседаниях «Антимафии» их признали в качестве самостоятельной судебной власти, но они не стали выяснять у других органов государственной власти, что именно те в свою очередь сделали, делают или собираются делать в борьбе с мафией.

Сколько же необъяснимых постановлений о снятии обвинений с мафиози было вынесено в процессе полицейских расследований, основанных на «слухах о Тицио и Кайо»*. И ни разу ни один генеральный прокурор Палермо, являющийся главой полиции на Сицилии, не выступил в Комиссии с критикой правительства, отказывающего в увеличении количества и проверке личных качеств полицейских, призванных вести борьбу с мафиози.

Возможно, из нежелания нарушать добрые отношения с правительством, сицилий-

* Соответствует русскому: Иванов, Петров, Сидоров...—Прим. перев.

ские судьи также не стали вступать в конфликт с «Антимафией».

Но отказ проводить политику, направленную против мафии, обернулся против самих же сицилийских судей. Их бюрократический способ отправления правосудия явно ставит их в подчиненное положение по отношению к политической власти,— власти, которая нигде не фигурирует, но которая с помощью политических партий объединяет и контролирует исполнительную и законодательную власть и, таким образом, представляет угрозу власти судебной. Но поскольку и в Палермо и в Риме политическая власть в сильной степени заражена мафией, сицилийские судьи-бюрократы независимо от их личной честности и заслуг, как правило, попадают из-за мафии за решетку.

«Антимафия» вела себя весьма уклончиво, когда 15 июля 1974 года ей сообщили о наличии мафии в Милане, а миланские судьи открыто заявили депутатам парламента, что ни суд, ни силы полиции не являются эффективными органами борьбы с мафиози и другого рода преступниками.

Множество процессов, возбужденных против мафиози после 1970 года, и связанных с преступлениями, совершенными уже на Севере, подводят нас к проблеме, которая только кажется юридико-технической, на самом же деле касается внутренней структуры мафии.

Как северные суды рассматривают дела сицилийских мафиози?

Этот вопрос впервые возник перед миланским судом на процессе Лучиано Лиджо и еще трех десятков сицилийских мафиози, обвиняемых в многочисленных преступлени-

ях, среди которых выделялись первые в Ломбардии и Пьемонте похищения людей с целью получения выкупа.

Адвокат Джулиано Спаццали, отличный знаток своего дела, связанный с «внепарламентскими левыми», защищал на этом процессе некоторых мафиози.

Спаццали исключал, что новая мафия — явление, характерное для всего итальянского народа, а также то, что его подопечные каким-то образом связаны с политикой. Он также не признал, что обвиняемые связаны с мафией.

Адвокаты Валерио Маццола и Витторио Кьюзано, пользующиеся широкой известностью, представляли интересы потерпевшего Росси ди Монтелеры, похищенного мафиози. Оба адвоката потребовали, чтобы обвиняемым был вынесен приговор с учетом их принадлежности к мафии, о делах которой трудно судить со стороны, а это приводит к тому, что многие факты определяются лишь суммой вероятностей. Миланский суд (а некоторое время спустя и апелляционный суд) отклонил как аргументы Маццолы и Кьюзано, так и противоречащие им доводы Спаццали.

Он отказался дать определение мафии, сославшись на то, что в итальянском уголовном кодексе в редакции 1976 года слово «мафия» вообще не фигурирует, так же как нет там и ни одной статьи о мере наказания за принадлежность к ней. В результате обвиняемых судили, согласно обычной процедуре, как если бы речь шла о любом другом гражданине Италии.

Миланский суд осудил Лучиано Лиджо и подавляющее большинство других сицилий-

ских мафиози за участие в преступных организациях.

Таким образом, благодаря приговору, вынесенному миланским судом, впервые было сказано, что «связь с Сицилией» не является решающим фактором при определении понятия мафии.

Враждебное отношение миланских судей к мафии еще более усилилось из-за того, что после 1970 года полицейские не имели права допрашивать арестованных и судьи вынуждены были проводить расследование самостоятельно. «Миланский дух», требующий исследовать прежде всего факты, а не личные качества обвиняемых, в 80-е годы серьезно повлиял на исход процессов против мафии на Сицилии, когда в Палермо судьи Фальконе и Шаккитано, проследив путь каждого банковского счета, установили источники миллиардных доходов мафии. И в этом расследовании, которое справедливо отмечалось как значительный успех, «сицилианство» превратилось в такой исторический факт, который следовало каждый раз проверять.

В 1974 году Каицци (государственный обвинитель на миланском процессе, который подвел итог многим годам уклонения от ответственности Лиджо) метко заметил на заседании в «Антимафии», что судьи, расследующие преступления мафии, могут добиться лишь «подобия результатов, но не самих результатов».

Но верно также и то, что в последние годы итальянские судьи все же дали определение новой мафии.

Вопрос о том, является ли мафия обычной преступной организацией, рассматрива-

ется на всех процессах против мафиози. Это объясняется желанием установить, является ли преступлением принадлежность к мафии сама по себе, независимо от других преступлений обвиняемого. По традиции этим вопросом занимались суды Юга, но результаты их работы не всегда можно было обнародовать.

В 1977 году кассационный суд Рима четко и ясно заявил, что новая мафия в отличие от старой — это типичная преступная организация. После этого высший совет магистратуры исключил из своего состава некоторых служащих, связанных с мафией.

VI. ДЕЯНИЯ НОВОЙ МАФИИ

С уверенностью можно сказать, что к 1970 году мафия уже довольно долгое время действовала по всей территории Италии, а не только на Сицилии. В ходе одного из судебных процессов против сравнительно небольшой группы мафиози (около 30 человек) в 1976 году миланский суд установил, что:

— мафиози оперировали на территории всей Италии от Милана до Катании и от Турина до Палермо, постоянно оказывая поддержку друг другу, и представляли, таким образом, «весьма мобильную силу»;

— мафиози четко разделили между собой обязанности. Одни занимались угонном автомобилей, другие добывали оружие, третьи прятали «пушки» в определенных местах, откуда пулеметы, пистолеты и обрезы (фабричной марки) изымались для определенных целей, а затем вновь перепрятывались. Кое-кто собирал интересующие мафиози сведения, другие занимались «чернухой» и выполняли обязанности тюремщиков при похищенных лицах. Были люди, доставлявшие в Турин письма похищенного России ди Монтелеро, которые он писал семье «между строк некрологов» в газете, и те, кто переправ-

лял их в Палермо. Остальные занимались постройкой подземных темниц для содержания похищенных. Эти темницы были наполовину заполнены водой или делались по типу типичных для всего Юга «кессонных» могил под каким-нибудь заброшенным колодцем. Еще кое-кто помогал в организации побегов арестованных из старинных тюремных помещений, которых еще достаточно в Италии, другие принимали у себя и укрывали уклоняющихся от судебной ответственности. Некоторые занимались изготовлением фальшивых денег, незаконной продажей бриллиантов и алмазов, другие — покупкой и перепродажей вина. Кое-кто разрешал записать на свое имя приобретенное недвижимое имущество, другие оформляли на собственное имя номер устанавливаемого телефона, чтобы потом продать его в исключительное распоряжение других лиц. Занимались и изготовлением фальшивых документов;

— у мафиози была собственная внутренняя «стратегия»: не вовлекать некоторых своих членов в преступления и держать их в качестве резерва на будущее; вести телефонные разговоры на условном языке; писать шифрованные письма; получать от заключенных сведения и использовать их для разработки планов новых преступлений. Не обходилось и без того, чтобы какое-нибудь дело, связанное с некоторыми мафиози, исчезало из ломбардского суда. Все это не могло носить случайный характер.

Все чаще появляется возможность на примере отдельного случая наблюдать за

всей системой. Особенно наглядно это можно проследить, начиная с 1970 года, когда через суды Турина, Генуи, Болоньи и Флоренции проходит целая серия процессов по преступлениям мафиози. В этих крупных городах Северной Италии преступления мафии приобретают массовый характер. С 1970 года и позднее преступность развивается в рамках сложной организации, деятельность которой варьируется от международной контрабанды сигаретами и противозаконной продажи по всей Италии и за границу фальсифицированного вина, до перекупки и укрывательства десятков многотонных фургонов международных автодорожных перевозок, похищенных вместе с грузом. Размах и уровень операций мафии в Северной Италии особенно ярко проявляется на примере похищения людей с целью получения выкупа. С 1968 по 1971 год в Италии (на Сицилии, Сардинии и в Калабрии) было совершено 39 таких похищений. В 1972 году произошло первое похищение в Ломбардии. С 1972 по 1977 год в Италии уже было совершено 252 похищения, из них 153 между центром и севером полуострова. Распределялись они следующим образом: 72 — в Ломбардии, 20 — в Пьемонте, 5 — в Лигурии, 11 — в трех Венециях*, 3 — в Эмилии, 1 — в Марке, 10 — в Тоскане, 31 — в Лацио.

На процессах по этим делам в первый ряд выдвигаются сицилийские мафиози. В июле 1974 года представители профсоюзов Ломбардии заявили в «Антимафии», что большое число промышленников подвергается вымо-

* Имеются в виду три крупнейших промышленных района Венеции.—Прим. ред.

гательствам со стороны мафиози. Суммы, которые от них требуют, составляют сотни миллионов лир. Связанные с преступным вымогательством сделки, а число их на Севере Италии огромно, остаются, как правило, никому, кроме посвященных, неизвестными и не расследуются полицией.

Похоже, что сицилийские мафиози обосновались на Севере по трем соображениям.

Во-первых, их привлекало «итальянское экономическое чудо», которое возникло в промышленном треугольнике Милан—Турин—Генуя при мощной поддержке Эмлии и Тосканы. Новые рабочие места, появившиеся в этих областях, притягивали сотни тысяч южан, бежавших сюда от постоянной безработицы. Среди эмигрантов было огромное число сицилийцев из сельских областей Палермо, Трапани, Агридженто, Кальтаниссетты. Так же, как и в период эмиграции в Америку в начале века, с 1960 года за ними следовала «низшая мафия».

Государственная машина Северной Италии почти ничего не могла сделать для создания нормальных условий жизни этим переселенцам. Южан как попало заталкивали в тут же строящиеся бараки, и население промышленных пригородных зон Турина и Милана за несколько месяцев возросло от нескольких тысяч до 70—100 тысяч человек. Южане на Севере работали очень много и, как правило, им доставалась самая низкооплачиваемая, и по большей части «черная», работа, то есть работа, не оговоренная никакими профсоюзными договорами. Отсюда рядом с относительным «богатством», которого наконец-то достигли низшие слои насе-

ления Юга (отправлявшие туда часть своего заработка), на Севере Италии возникла конфликтная ситуация с множеством характерных проявлений различного рода социальных отклонений и резко возросла преступность.

Перед лицом этого вторжения южан на Север решение министерства внутренних дел высылать мафиози в места обязательного проживания на Север было абсурдным. И не только потому, что там не хватало полицейских для контроля за вновь прибывшими, речь шла — и министерство и суды не могли этого не знать — о «мафиози во фраках», которые уже накопили миллиардные состояния и продолжали преспокойно заниматься своими делами с помощью телефонных звонков из Милана или Турина.

Когда этого требовали интересы косок, высланные вызывали к себе других мафиози из Сицилии.

Тесным контактам мафиози с итальянцами Севера способствовали новые возможности делать деньги, которые сицилийские мафиози «подарили» северянам.

В 1974 году некоторые профсоюзные деятели Пьемонта объяснили «Антимафии», что сицилийские мафиози (впоследствии они получили субподряды при строительстве фрежюсского тоннеля) до такой степени внедрились в самое сердце савойской коммуны Бардонеккья, что местный священник говорил о главе мафии, как о «человеке безупречной репутации». Мафиози показали местному населению, какие огромные возможности открываются при спекуляциях и какие колоссальные заработки можно получить на строительных работах.

В первой половине 70-х годов в одной из ломбардских деревень был арестован сицилийский мафиозо Натале Рими. Местные жители тотчас же объявили забастовку протеста против его ареста, поскольку Рими открыл здесь небольшую фабрику, которая обеспечивала работой около 80 человек.

Мафиози, обосновавшиеся в Милане и Турине, без дела не сидели. Они сразу освоились с местной обстановкой, открыв многочисленные легальные предприятия в Ломбардии, Эмилии, Лигурии, Пьемонте и Тоскане. Это были строительные предприятия, крупные транспортные агентства, предприятия по поставкам мяса и зелени.

За десяток лет и в Северной Италии началась «циркуляция мафии», в результате которой безраздельно слились легальная и нелегальная формы предпринимательской деятельности.

С 1970 года и далее через руки новой мафии прошли огромнейшие суммы. Откуда такие деньги?

Похищение людей, вымогательство и легальная деятельность, как это ни парадоксально, не очень-то обогащают тех, кто этим занимается (если учесть все накладные расходы, начиная с содержания семей членов мафии, которые угодили за решетку). И получается, что мафиози достается не так уж много миллиардов в год, если учесть инфляцию, начавшуюся в 1972 году и в дальнейшем возрastaвшую ежегодно примерно на 20%.

В настоящее время все твердо уверены, что начиная с 1970 года мафия зарабатывала свои миллиарды на торговле героином.

Все также уверены в том, что сицилий-

ские мафиози, начиная с 1970 года, стали поставлять героин в Италию и что у мафии «рыльце и руки в героине». Но история эта старая, и о ней частенько забывают.

В июне 1951 года сицилийцы Каллаче и Пичи были задержаны в Америке с 3 килограммами героина, хотя существовало подозрение, что раньше они переправили в Нью-Йорк еще 14 килограммов. В мае 1952 года в Алькамо на Сицилии было обнаружено 6 килограммов героина, и следы еще 39 килограммов, отправленных в Нью-Йорк. По поводу этих 45 килограммов было возбуждено уголовное дело против Фрэнка Копполы (Трехпалого) и группы его бандитов, хотя тут чувствовалась рука Сальваторе Греко, «Инженера», и Анджело ди Карло.

Еще в 1952 году некто Мильярди, директор фармацевтической фирмы «Скьяпарелли» из Турина, был обвинен в том, что изготовил для американского рынка 250 килограммов героина.

Весьма вероятно, что Мильярди находился в тесных деловых контактах с Каллаче и Пичи.

В 1957 году в Милане была обнаружена лаборатория по производству героина. Она работала уже с 1954 года. В результате на каторге оказались некто Берти и Гамба, которые, как потом выяснится в ходе судебного процесса, были связаны с мафиози Антонио Сорчи и Анджело ди Карло.

6 июня 1961 года финансовое управление привлекло к суду Сальваторе Канеба и еще 41 человека, среди которых были Могаверо, Ло Кашо, Ринальди, Агуэчи, ди Трапани, Сальваторе Циццо, Ди Козимо, Мараццити, Ферруджа, Провенцано, Ло Буэ, Маннузо.

Группа, во главе которой стоял Канеба, обвинялась в том, что в несколько приемов она переправила в Соединенные Штаты 371 килограмм героина, причем 158 из них — из Италии. Считалось также, что члены этой группы были связаны с Берти и Гамба.

Из всего этого следует, что в 50-е и 60-е годы сицилийские мафиози переправляли весь героин в Соединенные Штаты.

Главарем нелегальной торговли героином считали Лаки Лучиано, гангстера, которого любезно возвратили нам Соединенные Штаты в 1946—1947 годах. Лучиано не хотел возвращаться, и, когда его выслали из Соединенных Штатов, сделал попытку остаться на Кубе, которая в то время была пристанищем мафиози на пути в Соединенные Штаты, однако американцы настояли на его возвращении в Италию.

Отношения между Соединенными Штатами и Сицилией в деле нелегальной торговли героином в действительности намного сложнее и не ограничиваются связями даже с такой крупной фигурой и главой мафии, как Лучиано.

С 12 по 16 октября 1957 года в отеле «Делле Пальме» в Палермо состоялось очень важное собрание, на котором в качестве боссов присутствовали «американцы» Джо Бананас (Бонанно) и Фрэнк Гарофало, «посредники» Санто Сордже и Лаки Лучиано, сицилийцы Дженко Руссо и Гаспаре Магадино, а также несколько менее значительных лиц. Их объединяла общая кровь и семейные отношения, корни которых уходили в прошлое. На этом заседании в Палермо, за которым 14 ноября 1957 года последует чисто «американское» собрание в Аппалачине,

недалеко от Нью-Йорка, сицилийские мафиози взяли на себя обязательство постоянно снабжать героином американский рынок, контроль за которым будет осуществляться «кузенами».

Человек, который гарантировал американцам исполнение обязательств, взятых на себя сицилийцами, был старый Дженко Руссо, но он же был и единственным сицилийцем, кто лучше других понимал всю меру трудностей, связанных с этим предприятием. Дженко Руссо прекрасно видел, что новый путь к неисчислимым миллиардам мог осложнить отношения между самими мафиози Сицилии, поскольку тут было, как говорится, «слишком много собак на одну кость».

Сицилийские мафиози, наложившие руку на это дело, должны были столкнуться с конкуренцией «марсельцев», давно работавших в этой области, у которых была своя надежная дорога к рынку сбыта героина. Необходимо было напрямую выходить на места его производства на Ближнем Востоке. Сицилийские мафиози уже многие годы занимались контрабандой табака по всему Средиземноморью, и им было проще просто погрузить героин на собственные суда (он занимает очень мало места, поскольку сильно спрессован), добавив его к грузу объемного и легкого табака. В трех приговорах палермского суда (от 23 июня 1964 года, 8 мая 1965 года, 31 января 1966 года) утверждается, что весь груз героина, переправлявшийся в Соединенные Штаты, проходил через руки мафиози, которые до того привлекались к суду за контрабанду сигаретами. Это Анджело Ла Барбера, Пьетро Торретта,

Сальваторе Греко («Инженер») и его двоюродный брат, тоже Сальваторе, Кальчедонио ди Пиза, Розарио Манчино, Мазино Бушетта, Пьетро Дави и другие.

На международной арене эта новая деятельность сицилийской мафии бурно развернулась к началу 1970 года. Началась война с марсельцами за лидерство, а также и из-за некоторых старых и новых «расхождений во взглядах», связанных с контрабандой сигаретами. Различные группы уничтожали друг друга во всех городах и портах Средиземноморья: Палермо, Женеве, Неаполе, Марселе, не считая схваток в международных водах.

Какое-то время продолжались распри и среди сицилийских мафиози, связанные с незаконной торговлей героином. (Причину их трудно выяснить, поскольку все здесь связано с личными отношениями и желанием перехитрить друг друга). Ла Барбера, Торретта, семейство Греко, Ди Пиза и прочие сразу же стали участниками жесточайшей войны, в которую в начале 60-х годов мафия втянула весь Палермо.

В действительности эта война была связана не только с международной торговлей героином. Барбера и другие—это те же самые люди, которых мы уже знаем как участников преступно-наглых афер строительного бума в Палермо, свидетельствующих о том, что миллиарды лир, нажитые на героине, тут же появлялись на свет божий в виде кубических метров жилых домов, которые мафиози в это время строили в Палермо. Эта война увеличила количество скандалов, связанных с жилищным строительством.

Приобретение героина на Ближнем Востоке и переправка его в Соединенные Штаты были действительно серьезным делом, поскольку прибыль по сравнению с затратами могла иногда достигать до 300%, во всяком случае, она никогда не была ниже 100%. В сентябре 1971 года в Нью-Йорке был арестован сицилийский мафиозо с 83 килограммами героина. За этим бандитом чувствовалась рука «дона» Тано Бадаламенти (что, однако, не было доказано в судебном порядке), который в прошлом неоднократно привлекался за контрабанду сигаретами и которого прочили на место босса мафии в зоне Пунта Раизи, где строился новый аэропорт Палермо. В соответствии с законами мафии и потому, что «дон» Тано считался в то время одним из самых авторитетных боссов в мире, было решено, что никто и ничто не выйдет за пределы этого аэропорта, включая многие килограммы героина, без того, чтобы «дон» Тано не получил своей доли.

К 1970 году героин впервые появляется в Италии, в Милане и Турине, где его потребителем становится почти исключительно молодежь.

В эти годы между Миланом и Туринском прочно обосновались братья Фиданцати, Джерландо Альберти и Лучиано Лиджо, крестный отец одного из сыновей «дона» Газзано Бадаламенти, для которого он перегонял автофургоны в район Палермо, после того как оставил Корлеоне, прикончив здесь, как утверждают, старого главу мафии Наварру.

В 1970 году в руках итальянской полиции оказались неопровержимые доказательства того, что в Милане состоялась встреча между «доном» Тано Бадаламенти, Джерландо

Альберти, Сальваторе Греко и Мазино Бушеттой, которые отправились в неизвестное место, возможно, к Лучиано Лиджо («Хромому»), которому почтительно и долго называл до этого Альберти.

За исключением Лучиано Лиджо, все они: Альберти, Фиданцати, Бадаламенти, Греко и Бушетта—начиная с 1960 года и позднее постоянно привлекались к судебной ответственности за незаконную торговлю наркотиками.

Уже в 1970 году сицилийские мафиози были единственными в Италии—от Палермо до Милана—обладателями героина, готового к употреблению. Отсюда следует, что именно они сознательно наводняли героином всю Северную Италию.

После 1970 года в крупных городах появились тысячи молодых наркоманов. В конце концов они оказывались в тюрьме, поскольку в начале 70-х годов употребление наркотиков по закону каралось обязательным лишением свободы. Наркотики выступали уже в качестве важного социального фактора: молодые люди, сотнями отправлявшиеся в итальянские тюрьмы, как правило, принадлежали к «благополучным семьям» (от рабочих и служащих до промышленников—перед героином все равны) и никогда ранее не привлекались к уголовной ответственности. В результате тюрьмы оказались переполненными, поскольку не были рассчитаны на подобных арестантов. Однако в декабре 1975 года итальянский парламент принял закон № 685, который объявил «не подлежащими наказанию» людей, употребляющих какой бы то ни было тип наркотика. Этот закон официально либерализовал и

«приобретение» наркотиков исключительно для собственного потребления.

После этого тысячи молодых наркоманов покинули итальянские тюрьмы, а полиция, освободившись от этого бремени, начиная с 1976 года привлекла сотни мафиози к ответственности за организацию незаконной торговли героином по всей Италии. Нет сомнений, что в настоящее время мафиози являются «королями героина» в Италии, и это доказывает, что именно они его и распространяют.

Закон № 685/75, который либерализовал употребление наркотиков, хотя и появился на свет во имя благой цели, стал хорошим подарком для мафии, так как полностью игнорировал тот факт, что именно ее члены являются единственными продавцами героина в Италии. С 1 января 1970 года до 31 декабря 1975 года итальянская полиция реквизировала немногим более 80 килограммов героина; с 1 января 1976 года по сентябрь 1981 года — чуть более 600 килограммов, а все это составляет менее 10% героина, использованного на итальянской территории за эти годы. С 1975 года количество наркоманов увеличилось на 127%, и хотя официальная статистика зарегистрировала их в 1982 году 104 тысячи, судебные органы уверены, что эту цифру нужно по крайней мере удвоить. Отсюда следует, что если 200 тысяч человек могут свободно (с разрешения властей) ежедневно покупать столько героина, сколько им необходимо, то, согласно банальнейшему экономическому закону, это уже «рынок», а на рынке, кроме потребите-

лей, должны быть и продавцы. Стало быть, «по закону» мафиози должны ежедневно снабжать героинем 200 тысяч наркоманов.

В основном это та же самая ситуация, что сложилась в Соединенных Штатах в 20-е годы: развращенная и развращающая мораль запрещала продажу (но не употребление) алкоголя, и все продолжали пить, а сицилийско-американские мафиози, вынужденные до этого обделывать свои дела в итало-американских гетто крупнейших городов США, стали продавать алкогольные напитки на всей территории Северной Америки от одного побережья до другого и превратились в «национальных» торговцев для всех штатов, зарабатывая на этом миллиарды долларов. С тех пор итало-американская мафия превратилась в священную империю внутри «империи Соединенные Штаты Америки». В Италии коррумпированная и развращающая мораль позволяет 200 тысячам молодых людей стать жертвами героина и одновременно предоставляет мафиози возможность ежедневно продавать 200 тысяч доз со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Монополию новой мафии на героин в Италии можно обнаружить, рассматривая некоторые дела, имеющие очень большое значение для выяснения ее внутренней структуры.

В Трентино — Альто — Адидже, на границе между Италией, Австрией и Югославией в 1980 году был обнаружен склад, принадлежащий мафии, с 200 килограммов героина, что свидетельствовало о широко поставленной нелегальной торговле. Это был, пожалуй, крупнейший склад героина из всех ранее обнаруженных в мире. Сицилийские

мафиози уже давно определили свое место в международной незаконной торговле героином и с Севера Италии снабжают им полмира, начиная с Европы, где тем временем был избран Европейский парламент, который даже в настоящее время так и не смог обязать правительства европейских государств активно заняться разрешением проблемы международной торговли наркотиками. Здесь задействованы как страны Ближнего Востока (Турция и Ливан), являющиеся крупнейшей зоной производства героина, так и США с их сложными взаимоотношениями с тем же Ближним Востоком. Пока что не существует единой международной политики по борьбе с распространением героина.

Героинная история мафии начинается как раз в Палермо, где в 1980 году в течение нескольких месяцев были обнаружены по крайней мере три лаборатории (точнее, целые фабрики) по производству героина. В связи с деятельностью одной из них снова сел за решетку Джерландо Альберти. Еще несколько лабораторий было обнаружено в 1981 году на окраинах Палермо.

В Палермо начинается целый ряд крупных процессов против мафии, хозяйки международного героинного рынка. Они имеют большое значение для понимания феномена новой мафии, поскольку в ходе этих дел всплывают новые важные детали.

Важнейшим районом производства героина ныне признана Сицилия. Мафиози покупают на Ближнем Востоке морфий, а на Сицилии превращают его в чистый героин. Продажа происходит частично в Италии, где существует монополия в этой области, ча-

стично в Соединенных Штатах. В частности, сицилийские мафиози тесно связаны с сицилийско-американскими, которые занимаются сбытом героина в Нью-Йорке, Чикаго, Детройте. Мафиози контролируют в Соединенных Штатах по крайней мере 30% героинного рынка.

Купля-продажа морфия и чистого героина идет по международным маршрутам от Бейрута, Кипра, Палермо до Женевы, Брюсселя, Лондона и Нью-Йорка.

Сицилийские мафиози присоединили к своим косякам турок, бельгийцев, жителей Катании, неаполитанцев, калабрийцев, французов, американцев и швейцарцев. «Иностранцы» очень нужны для того, чтобы дать возможность клану, который берет их на содержание, постепенно, зона за зоной, захватить всю подпольную торговлю героином, которая должна идти одновременно в Италии и на трех континентах. Чисто технически вся мировая торговля героином включает различные этапы — покупка сырья, химическая обработка, продажа готовой продукции, международные банковские операции на суммы в миллионы долларов, — для которых требуется большое число постоянно занятых этим специалистов.

Героинный рынок Палермо находится в руках не менее пяти семейств мафиози. Отношения между группами мафиози (в каждой из которых уже есть и иностранцы) — это отношения конкуренции как открытой, так и тайной, совместные деловые отношения, а также взаимоотношения мошенничества как с одной, так и с другой стороны, братской помощи и устрашающих подножек. Героин и самих мафиози приводит к смерти:

никто из них не употребляет героина и никогда не умрет от повышенной дозы, но встречи и стычки между различными косками по неизбежной традиции мафии кончаются перестрелками и многими убийствами.

Но мы уже убедились, что сицилийские мафиози — всемирные производители героина — не останавливались только лишь на незаконной торговле наркотиками.

Члены клана Индзерилло и Спатола — крупнейшие мафиози из тех, кого обвиняли в торговле героином, — стоят также и во главе строительных предприятий Палермо, которые под их личным руководством ворочают в городе миллиардными делами — от купли-продажи участков под застройку до строительства фабричных зданий и производства и установки необходимых встроенных элементов. Индзерилло и Спатола остаются «частными предпринимателями». Они легально создают коллективные коммерческие и банковские предприятия, а также различного рода объединения с целью уклонения от уплаты налогов или расследований их деятельности со стороны полиции. Спатола и Индзерилло осуществляют «единое руководство». К ним стекаются как деньги, заработанные на героине, так и поступления от легальной деятельности. Палермский суд точно установил, что среди мафиози ходило множество чеков для оплаты счетов за героин и что те же самые чеки принимались при оплате цемента или же металлических конструкций, для оплаты личных затрат, при обмене с третьими лицами, то есть для получения новых денег от третьих лиц, заслуживающих абсолютного доверия. Сли-

яние незаконной и законной деятельности в руках главы мафии показывает, что деньги, полученные за героин, служили для финансирования и развития строительства, а деньги, заработанные на строительстве, использовались для производства и расширения торговли наркотиками.

Торговля героином в зоне Палермо приносила десятки миллиардов в год и стала для Индзерилло и Спатола пропуском в местный высший свет. У них были общие строительные предприятия с инженером Игнацио Ло Прести (исчез летом 1982 года), родственником Нино Сальво и одним из владельцев крупнейших контор по сбору налогов. Ло Прести благодаря огромным банковским кредитам, а также связям со строительными предприятиями Индзерилло — Спатола установил тесные отношения с предприятиями Кассина и другими группами предпринимателей. Из Палермо он выезжал в Каронно Портуселло (что на пути к Варезе, недалеко от Милана), где (как это делал и Нино Сальво) выводил со стоянки бронированную машину, в которой через несколько месяцев неизвестные лица убьют в Палермо Тото Индзерилло, постоянно пользовавшегося именно этим автомобилем. Некий Роберто часто вызывал Ло Прести по телефону (похоже, они были близко знакомы). Как-то Ло Прести сказал Роберто, что Тото Индзерилло был убит из-за «...страшной зависти и предательства... Слишком много было всякой грязи». Роберто спросил у него о Нино. (Судьи в Палермо считают, что речь шла о Нино Сальво.) Поскольку он звонил из Бразилии, кое-кто хотел бы считать (хотя для этого нет никаких оснований), что Роберто —

это Томмазо «Мазино»* Бушетта. (Через несколько лет «Мазино» Бушетта, которого за незаконную торговлю героином разыскивали в Соединенных Штатах и Италии, вновь укрылся в Бразилии.)

На палермских процессах, которые касались исключительно нелегальной торговли героином, выяснилось, что членами «одних и тех же палермских масонских братств» состояли как мафиози, так и государственные служащие, и всех их объединяла принадлежность к одной и той же масонской ложе. Палермские масоны Баррези, Пьяцца, Беллассай гарантировали сицилийско-американскому масону Мичели-Крими, что во время воздушного рейса из Нью-Йорка, организованного мафией, они перехватят и переправят на Сицилию уклоняющегося от суда Микеле Синдону.

Естественно, что, войдя в «палермский свет», Спатола и Индзерилло должны были включиться в политическую деятельность. У одного из членов семейства Спатола была изъята записка, в которой он приказывал людям своей группы голосовать за христианских демократов. Один из друзей депутата Аттилио Руффини, бывшего министра итальянского правительства, зная, что Спатола по традиции помогает христианским демократам, попросил его поддержать Руффини на выборах 1979 года. Спатола собрал всех рабочих и служащих своих строительных предприятий и, показав им министра, который удостоил их своим посещением, призвал голосовать за его превосходительство.

* «Мазино» — «простак». — *Прим. перев.*

Так обстоят сегодня дела с незаконной продажей наркотиков кланами мафиози.

Некоторые утверждают, что на мировом рынке героина мафиози зарабатывают 20 тыс. миллиардов лир в год. Эта цифра, возможно, касается общего оборота всех предприятий, включая затраты: сырье, покупаемое на американские доллары; риск конфискации некоторых грузов полицией; подмазка многих шестеренок; доля розничных торговцев; содержание родственников и адвокатов арестованных, которые в заключении должны жить тоже по-королевски; переправка товара и курьеры; оплата разницы в курсе валют, поскольку расчеты ведутся только в американских долларах; путаница в делах из-за частых ссор между мафиози. Так что истинные доходы сицилийских мафиози, получаемые ими от национальной и международной торговли героином, не превышают 500 миллиардов лир в год.

Куда же течет весь этот денежный поток?

Следует сказать, что число мафиози достаточно велико, и эти 500 миллиардов заметно уменьшаются, когда распределяются не менее чем среди тысячи человек, причастных к операциям с героином.

Естественно, что распределение доходов от сбыта героина происходит неравномерно. Главарям, разумеется, достается больше, кроме того, мафиози часто обманывают друг друга, отсюда и многочисленные убийства.

Удивляет способность мафиози незаметно для окружающих прикармливать огромные суммы денег.

Часть денег они получают наличными. Героиновый рынок — это нечто вроде торгов-

ли «из рук в руки». Розничные торговцы, которые почти никогда не входят в мафию, получают героин у мафиози и расплачиваются за него деньгами покупателя. Потребители часто приобретают героин от этих розничных торговцев в обмен на краденое, а последние в свою очередь тоже расплачиваются с мафиози краденым. Мафиози низшего ранга зачастую становятся скупщиками краденного, и часто скупщик поручает вору достать то или иное. Желание во что бы то ни стало приобрести наркотики заставляет наркоманов совершать кражи и самые разные преступления.

Маршруты большей части героиновых денег намного сложнее, чем пути распространения наркотиков. Общий их оборот составляет примерно 20 тысяч миллиардов лир на рынках Бейрута, Женевы и Нью-Йорка, хотя итальянские лиры там и не принимаются.

На современном рынке только банки могут организовать международный оборот капиталов в тысячи миллиардов. Мы уже убедились, сколь сильное влияние оказала *longa manus* * мафиози на процесс бурного (и аномального) развития сицилийских банков за последние 20 лет. Само собой разумеется, что большую часть доходов, полученных от торговли героином, мафиози вкладывают в сицилийские банки, хотя одновременно пользуются услугами и несицилийских, а именно ломбардских, швейцарских и американских, банков.

Иногда мафиози делают личные вклады в банки или же используют «носильщиков», но

* Длинная рука (лат.)—Прим. перев.

их кланы на международном валютном рынке предпочитают технически очень простое, но верное средство: они сами организуют «финансовые общества» по всей Италии, и в особенности на Севере. Эти общества являются акционерными или же записываются на имя «деревянных болванов»*, с тем чтобы было трудно добраться до их настоящих хозяев. Подобные общества — лучшая гарантия для банка, и те принимают от них на хранение огромные суммы, не требуя объяснения их происхождения. Эти финансовые общества могут заниматься и международной спекуляцией валютой. Они завышают импортные цены и снижают экспортные цены на товар с последующей спекуляцией на валютных операциях. Они органически связаны с иностранными финансовыми обществами — американскими, швейцарскими, немецкими, французскими, которые зачастую тоже находятся в руках сицилийцев, а те повторяют эту игру уже за пределами границ Италии. Часто, кроме торговли товарами, иностранные и итальянские финансовые общества, находящиеся в руках мафиози, «покупают» денежные переводы, которые итальянские эмигранты ежемесячно и пунктуально отправляют в глубинки Юга. Все это происходит с помощью банальнейшей системы операций с текущими счетами, которая уравнивается в Италии и за границей с помощью изъятий и вкладов, осуществляемых в двух странах одновременно. Для финансового общества мафии достаточно иметь иностранца, живущего в Италии,

* Подставные лица.— *Прим. перев.*

которому разрешается иметь текущий счет также и за границей.

Эта система повторного оборота капитала вместе с обменом валюты применялась с целью уничтожения следов доходов, полученных от выкупов за людей, похищенных в Италии в 70-е годы. Финансовые общества являются также орудием открытого использования этих денег на территории Италии.

Финансовые общества, созданные мафией, предоставляют ссуды под большие проценты любому лицу, которое к ним обращается. Это уже столетняя традиция, благодаря которой мафия утвердила свою власть в сельской местности на Сицилии еще в конце XIX века. Если должник расплачивается — это хорошо, если отказывается — в углу всегда стоит лупара. Если не платит потому, что не может этого сделать, его можно убить, но, может быть, лучше оставить фиктивным хозяином предприятия, на которое он просил ссуду: фирма сохранит уважаемое имя в глазах публики и налогового управления, а ее настоящим хозяином, причем с массой безупречных гарантий, станет финансовое общество, а точнее — группа мафиози. Важно дать понять: мафия — это «чек на предъявителя», и здесь кредитор-мафиозо решает судьбу должника.

Естественно, что общества мафии занимаются денежными вкладами. Они легально покупают различные предприятия или акции, которые котируются на бирже: никто не будет спрашивать о происхождении этих денег и никто не узнает имя их настоящего хозяина. Никто и никогда не догадается, что тот или иной подряд на общественные рабо-

ты на самом деле получила мафия: официально подряды выдаются промышленным предприятиям, которые, как оказывается в случаях проведения расследования, финансируются или же принадлежат весьма уважаемым финансовым обществам, пользующимся большим доверием банков.

Финансовые общества мафии оперируют огромным количеством фальшивых счетов на многие миллиарды лир. Это тоже входит в систему обмана налогового ведомства, способствует увеличению доходов или же используется для проведения широкомасштабных мошеннических операций.

В 1976 году в Милане был выдан ордер на арест итальянского гражданина Этторе Киккеллеро, который обвинялся в международной контрабанде сигаретами, а возможно, и валютой. Киккеллеро жил в Швейцарии, а швейцарцы отказались выдать его. После этого прошел слух, что кто-то в один прием внес в некий швейцарский банк 13 миллиардов лир, полученных за лиц, похищенных мафиози в Италии. Тем самым предупреждалась возможность того, что банки будут отвечать на вопросы об источниках происхождения этих миллиардов даже швейцарской полиции. За помощь Киккеллеро многие весьма уважаемые миланские профессионалы отправились за решетку.

17 июня 1981 года итальянская печать подняла большой шум в связи с тем, что палермский судебный следователь Фальконе выдал мандат на арест Микеле Синдоны, некогда крупного финансиста, которого в Америке приговорили к 25 годам тюремного заключения за махинации, приведшие к банкротству одного из нью-йоркских банков.

Синдона родился недалеко от Мессины. Неожиданно после 1960 года он сделал в Милане головокружительную карьеру. До этого он уже скрывался от судебного преследования еще за одно злостное банкротство в Милане. Затем в Палермо его осудили за то, что он помогал сицилийским и американским мафиози вновь пускать в оборот деньги, полученные от продажи героина. Палермский суд вскрыл довольно любопытную картину. Летом 1979 года Синдона, которого давно и безрезультатно разыскивал итальянский суд, находился в Нью-Йорке, будучи временно отпущенным под залог американскими законниками, осудившими его за банкротство (он обжаловал приговор). Но вдруг он исчез, и тут же распространился слух, что, возможно, его похитили ультралевые коммунисты с целью наказать за антикоммунистические взгляды. На самом же деле оказалось, что американские мафиози переправили его на самолете сначала в Вену, а затем в Афины. В Греции уже сицилийские мафиози и масоны посадили его на собственное судно и привезли в Палермо. Из Палермо Синдона возвратился в Нью-Йорк, где был приговорен еще к семи годам заключения в связи с симуляцией похищения и оскорблением американского суда.

Видимо, еще рано давать окончательный ответ на вопрос, почему мафия истратила столько денег на вояж Синдоны. Почему мафиози с помощью масонов использовали для этого собственный аппарат прикрытия? Может быть, чтобы помочь ему предстать перед американским судом в качестве лица, преследуемого по политическим мотивам? Или для того чтобы помочь мафии закрыть

все щели, чтобы ничего не просочилось в ходе процесса против Синдоны?

27 февраля 1975 года журнал «Эуропео» опубликовал сообщение о том, что еще в 1967 году ФБР просила итальянскую полицию уточнить, не было ли у Синдоны деловых отношений с итало-американцем Даном Порко, поскольку, согласно данным ФБР, Синдона и Порко (по непроверенным сведениям) были «замешаны в незаконной торговле наркотиками в Италии, США, а возможно, и в других европейских странах». В отношении деловых связей Синдоны с Порко итальянцы ответили утвердительно, но они не подтвердили причастности обоих к торговле наркотиками.

Еще в 1974 году, когда в Милане был арестован Лучиано Лиджо, у него в кармане обнаружили номер личного телефона Де Луки, одного из тех, кто был правой рукой Синдоны в банковских операциях, закончившихся крахом банка. Правда, Лиджо сказал суду, что номер — это просто его фантазия, так как он имел обыкновение писать всякие номера на разных бумажках.

Наконец, летом 1982 года в итальянской печати появилось много сообщений о палермском мафиозо Ди Кристина (убитом в связи с незаконной торговлей наркотиками), причастном к денежным операциям римского подпольного преступного мира. Эти сообщения касались также людей, близких к миланскому банкиру Кальви (в Лондоне он не то покончил жизнь самоубийством, не то был убит), имя которого было связано с крахом «Банко Амброзиано» (убытки составили 2 тысячи миллиардов).

Давайте спросим себя вот о чем.

Знали ли банкир, коммерсант, адвокат, швейцарцы, которые помогали мафиози переводить героиновые деньги и деньги, вырученные от похищения людей, для организации легальных предприятий,—знали ли все эти «добропорядочные граждане», откуда берутся эти деньги?

В те времена, когда контрабанда сигаретами процветала на всем Средиземноморье, существовал обычай продавать «пай» прямо с борта корабля контрабандистов. На берегу кто-нибудь покупал или продавал часть товара (пай) еще до разгрузки судна. Это было также одним из способов финансирования рейса и платы за перевозку контрабандного груза. Полиция, разумеется, всегда знала, что многие «добропорядочные граждане» занимались куплей-продажей паев контрабандных сигарет и делали на этом большие деньги.

Не происходит ли то же самое сегодня с продажей паев героина, когда корабли контрабандистов привозят его с Ближнего Востока на Сицилию? Не финансируют ли эти «добропорядочные граждане» заранее мафиози, открывая банковские кредиты для осуществления крупных международных банковских операций с целью расплатиться долларами с мусульманами, производящими героин, и получить те же доллары от американцев, которые покупают наркотики у мафиози? Какую долю получают «добропорядочные граждане» за их помощь мафиози? В каком смысле надо понимать сообщение от 27 июля 1981 года, появившееся на страницах «Коррьере делла сера», согласно которому некий дантист из Палермо был арестован вместе с Джерландо Альберти за участие в

изготовлении наркотиков? А что это значит, если газеты в 1982 году ставят на одну доску мафию и Ватикан в связи с делом о фальшивых банковских облигациях? Как понимать то, что мафиози из Палермо и представители администрации в ноябре 1982 года фигурируют на одном процессе о мошенничестве и обмане Европейского Экономического Сообщества в деле с цитрусовыми? Чем занимаются политические деятели, которые живут бок о бок с мафиози?

Если существует большая вероятность того, что «добропорядочные граждане» сознательно участвуют в денежных делах мафии, то необходимо пересмотреть основные положения науки о борьбе с преступностью.

За последние 40 лет в криминологии проводится различие между двумя основными формами преступности, в соответствии с которым, с одной стороны, существуют преступления «синих воротничков», то есть тех, кто не принадлежит к правящему классу и кого неизменно признают настоящими мафиози, а с другой — существуют преступления «белых воротничков», то есть преступления, совершаемые «добропорядочными гражданами». «Беловоротничковых» преступников называют «золотым фондом преступного мира», поскольку им почти всегда гарантирована полная безнаказанность.

Если верно, что «добропорядочные граждане» помогают мафиози в незаконной продаже наркотиков или похищении людей, то верно и то, что, согласно всем в мире уголовным кодексам, они совершают те же самые преступления и, стало быть, являются соучастниками в торговле наркотиками и похищении людей. Возникает вопрос: в ка-

ком качестве мафиози и «добропорядочные граждане» совершают преступления? В качестве «синих воротничков» или в качестве «белых воротничков»? В какой мере безнаказанность мафиози, торгующих героином, обеспечивается соучастием в их преступлениях «белых воротничков»?

Итак, новая мафия втянула в свою орбиту и превратила в своих людей «добропорядочных граждан». Пожалуй, не такой уж плохой результат для феномена насилия, начавшегося в прошлом веке и вышедшего из самых глухих деревень сицилийской провинции.

VII. НОВАЯ МАФИЯ — ПРЕСТУПНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ?

В силу каких причин новой мафии удастся существовать в современном мире?

В первую очередь в силу полицентризма, опирающегося на чрезвычайно разветвленную структуру старой мафии.

Вчера мафия была представлена в районе Палермо сосуществовавшими гораздо более мирно, чем это могло бы показаться, хотя и постоянно находящимися на грани войны, многочисленными группами мафиози, т. е. «семействами» мафии, занимавшимися в основном сельским хозяйством и продажей сельскохозяйственных продуктов.

Сегодня мафиози заправляют миллиардными суммами в международном масштабе, так как они руководят в стране целыми отраслями хозяйства, начиная со строительства и кончая сетью банковских учреждений. Вчера мафиози находились «под» доминирующим классом, сегодня они являются частью этого класса. Вчера полем деятельности мафии была лишь Сицилия, сегодня мафия существует и действует в Неаполе, Риме, Флоренции, Болонье, Триесте, Милане, Турине, Генуе. Эпицентром и причиной «войн» между мафиози является вся территория Италии.

Поскольку факты о новой мафии продолжают свидетельствовать о том, что мафиозо-преступник и мафиозо-предприниматель — одно и то же лицо, следует разобраться, в чем же заключается сила новой мафии.

Для того чтобы установить, какие нововведения имели место в структуре мафии и какие изменения в ней они за собой повлекли, нам надо выяснить, является ли новая мафия тем, что в современной криминологии носит название «преступная организация».

Понятие «преступная организация» состоит из ряда элементов, относящихся к двум основным аспектам. Специфическая характеристика какого-либо лица не является больше достаточной при определении его преступного поведения. Гораздо важнее учитывать действия индивида, которые он совершает в силу положения, занимаемого им в культурно-социальной системе и их взаимосвязь. Внимание концентрируется главным образом на «средствах», используемых этим индивидом, поскольку различие между «целями» увеличивается с каждым днем.

Преступная организация, наконец, это не только банда или группа лиц, сообща совершающих преступления. Сущность организации определяется неперменным наличием в данной группе пяти признаков: сбор и передача информации, нейтрализация действий правоохранительных институтов, использование основных социально-экономических служб, существование внутренней структуры, определенная внешняя «законность» действий.

Если новая мафия полностью соответствует определению «преступная организация», то Сицилию, то есть условия жизни в

Западной Сицилии, не следует считать сами по себе «причиной» противозаконных действий мафии. Или, может быть, новая мафия — это автономная «субкультура насилия»?

1. СБОР И ПЕРЕДАЧА ИНФОРМАЦИИ

Сегодняшние мафиози, те, что ходят в «до блеска начищенных ботинках», так как в городах, где они обосновались, не осталось ни клочка свободной земли, осуществляют постоянный и непрерывный контроль за остальным миром.

Каждый мафиозо смотрит, наблюдает, мысленно фотографирует все районы города, вступает в контакт с различными людьми, задает на первый взгляд невинные вопросы, посещает разнообразные заведения — он изучает окружающий его мир. Но сбор этой информации всегда преследует определенную и конкретную цель. Похищенный, например, должен иметь возможность заплатить. Однажды, к примеру, родственникам похищенного за месяц до похищения их главы семейства напомнили, что они получили кругленькую сумму наличными. Акция (убийство, похищение, вымогательство) не должна оставлять никаких лазеек для выбранной жертвы. Мафии известно, что полиция следит за родственниками похищенного, когда они направляются для того, чтобы произвести расчет, их вынуждают совершать немыслимые путешествия по автострадам, проселочным дорогам и бесконечным кладбищам. Однако в конце первого путешествия несчастный плательщик в указанном месте никого не находит и разочарованный и отчаявшийся со всей суммой денег возвращается

домой. Зато во время второй поездки появляется возможность легко избавиться от опеки полиции.

Как же осуществляется в данных случаях сбор информации?

Многие сведения попадают в руки мафии без особых усилий: за пару вечеров, проведенных в игорном доме, легко можно заметить, у кого действительно есть деньги, да и газеты публикуют сведения о том, кто и какие платит налоги.

Что касается остального, то здесь требуется совсем немного: мафиози сажают своего человека на телефонной станции, а похищенного принуждают (иногда и силой) вести разговоры со своими друзьями на интересующую похитителей тему; нетрудно установить и людей, у которых находятся ключи от сейфов с секретными материалами, и оказать на них «воздействие»; банковский служащий, запутавшийся в интригах с женщинами и в карточных долгах, без труда может решить свои проблемы, сообщив сведения о клиентах и своем учреждении; народный избранник (мэр города, советник, депутат) всегда платит добром за услуги, оказанные ему в ходе избирательной кампании.

Внедрение мафии в промышленно развитое общество открыло перед ней ряд серьезных преимуществ. В Милане проживает около полутора миллионов человек, а вместе с теми, кто приезжает сюда на работу, эта цифра достигает 10 миллионов. Миланец, живущий в городе или работающий в нем, едва ли заметит, что мафия проявляет к нему особый интерес. Большое число средств информации повышает количество и качество общедоступных сведений.

То, что мафия собирает информацию обо всем мире,—утверждение чрезвычайно общего характера, поскольку нам не известно, какова система и существует ли она вообще, которую использует мафия для систематизации полученной информации. Полиция никогда не находила в домах мафиози металлических сейфов с архивами либо разложенных по полочкам документов, касающихся их деятельности. В ходе судебных расследований по делам мафии фигурируют лишь многочисленные обрывки различных записей, сделанных на клочках бумаги, извлеченных из карманов брюк и пиджаков, или обрывки измененных телефонных номеров, где только тот, кто их записал, знает, какие цифры следует поменять, чтобы получить правильный номер.

О том, что у мафии нет никакого архива, в первую очередь говорит то, что мафиози никогда не оставляют полиции материальных следов готовящегося преступления, а также и то, что, коль скоро цель достигнута, какой смысл писать об этом мемуары?

Остается лишь с горечью констатировать, что, несмотря на все предложения правительству унифицировать огромное количество сведений о мафии, имеющихсЯ у каждого из трех полицейских ведомств Италии (государственной полиции, карабинеров, пограничников), оно так этого и не сделало.

К тому же без ЭВМ и электронного мозга бессмысленно пытаться проанализировать все то, что известно о мафии.

Тем не менее мы точно знаем, что в новой мафии между самими мафиози действуют строгие правила передачи информации.

Обязательным является косвенный, двусмысленный характер посланий. Сами послания также передаются окольными путями: очень часто мафиози используют телефон лиц, находящихся вне всяких подозрений, но предпочитают пользоваться телефонами уже умерших людей. Часто каждый член мафии имеет два таких телефона: по одному он получает, а по другому передает информацию. Употребляемые ими слова представляют собой смесь сицилийского и какого-нибудь другого диалекта: одно время для обозначения наркотиков мафиози употребляли слово «*i cinniri*» — зола, пепел, прах, затем в ходу были «*i vitelli*» — телята, теперь говорят о «*tomoli*», что в Сицилии означает единицу объема сельскохозяйственной продукции. Например, сицилиец, укrywшийся на Севере Италии, настойчиво просит оставшегося в Палермо родственника как можно скорее прислать ему «документы». Возникает вопрос: действительно ли это справка, удостоверяющая его личность и семейное положение? Но тогда возникает и другой — зачем тому, кто находится в бегах, понадобились сведения о составе его семьи?

Еще сложнее с именами мафиози. Родители обычно называют своих детей в честь родственников, таким образом, целый ряд лиц: дядья, двоюродные братья, племянники, внуки — носят одно и то же имя: тогда о каком же Джузеппе идет речь в телефонном разговоре? Еще хуже с уменьшительными именами: Тотто — это и Сальваторе и Антонио. Но, к счастью, «*u tunnu*» всегда значит «убиенный».

Очень редки случаи переписки между мафиози. Записки чаще всего носят завере-

ния в дружбе, призывают держаться бодрее либо выражают привязанность и расположение. Однако и сегодня, как и у крестьян в давние времена, письменные послания мафиози служат в основном как расписки. Например, «Пойди к Филиппо и покажи ему это и скажи ему чтобы дал тебе пять моих чему я очень рад».

Для передачи информации новая мафия использует строжайшую систему «глухих отсеков», так как «верхушка» не хочет, чтобы «основа», а также и многие «полковники» знали больше, чем нужно.

Сегодняшние мафиози, так и не осилившие грамоту, свободно пользуются самыми совершенными техническими средствами, такими, как трансокеанские телефонные переговоры или банковские переводы из Палермо на Багамские острова через Цюрих — Лондон. Неизменным остается старое правило — все решения принимаются лично и только устно, они не регистрируются ни в каких документах, а если регистрируются, то лишь в сокращенной и символической форме, недоступной для понимания непосвященных. Несдержанное слово влечет за собой неминуемую смерть.

Мафия сама по себе является источником информации, которую она передает нам, находящимся вне ее. В старые времена фигура мафиозо, заботящегося исключительно о доме и семье, была окутана легендой о его непроницаемости. Никто и никогда не мог понять природы совершаемых им поступков. В огромном множестве публицистических работ о старой мафии действительно признавалось наличие у мафиози интеллекта в том, что касается оценки людей,

вещей и исторических событий, гораздо более тонкого и глубокого, чем у представителей других социальных групп. Даже коварная жестокость, железная решимость, безудержная дерзость, непостижимая хитрость, характеризовавшие этот интеллект, по существу, всякий раз свидетельствовали о его утонченности.

Кажется, люди из старой мафии не спали ночами, а только и думали, что бы им еще такое сообразить. Так житель какой-нибудь деревушки близ Палермо, для того чтобы выбрать место для нового кладбища, целыми днями ходил по окрестным холмам. Он ждал ветра, который бы дул в одну сторону треть года. Дождавшись такого ветра, он поджигал принесенные с собой в бадье кости и внутренности животных и ветер относил этот дым к дому, где жил его враг. На том месте он разбивал кладбище, и семья его недруга чувствовала, как в течение ста дней в году ветер несет в их дом запах смерти с этого, не без умысла устроенного, сельского кладбища.

Очень часто сегодня новую мафию отождествляют с терроризмом, свирепствующим в Италии вот уже более 10 лет.

Зачастую в основе отождествления этих двух явлений (мафии и терроризма) лежит заблуждение. Когда в Палермо был зверски убит Санти Маттарелла — честнейший человек, возглавлявший администрацию области Сицилия, молодой политический деятель, которого называли преемником Альдо Моро на посту национального секретаря демокристической партии, — многие поверили аноним-

ным посланиям, где это убийство приписывалось террористическим группам. Те, кто поверил этому (и среди них Леонардо Шаша*), не допускали и мысли о том, что мафия способна убить такого человека, как Маттарелла, не имевшего с мафией ничего общего. Возможно, они попросту не хотели верить в существование новой мафии. Однако некоторое время спустя было доказано, что пистолет, из которого был убит Маттарелла, фигурировал еще в одном убийстве, совершенном мафией. С тех пор никто больше не сомневался, что именно мафиози виновны в смерти Маттареллы.

Тот, кто видит сходство между мафиози и террористами, исходит в основном из того, что техника убийств, совершаемых и теми и другими, во многом идентична; родство между ними они видят еще и в том, что так же, как и террористы, от чьих рук погибли миланские судьи Алессандрини и Галли, мафиози сегодня убивают таких судей в Палермо, как Коста и Терранова.

В технически высокоразвитом обществе идентичность применяемого оружия (357 «магнум», автомат «АПК») и сходство методов (выстрел в затылок) не могут служить основанием для такого отождествления. Скорее обращает на себя внимание одинаковая технология убийства (например, пули, которые убивают человека, даже слегка задев его), используемая как террористами, так и мафиози.

* Леонардо Шаша — известный итальянский писатель, автор социально-критических произведений в жанре политического детектива о жизни Сицилии. — *Прим. перев.*

Наконец, между ними существует и значительная разница. Террорист желает установления «нового» мира и поэтому разрушает «этот» мир. Он действует не в целях личной выгоды, хотя в итальянском терроризме довольно отчетливо просматриваются и черты «латиноамериканизма», где сегодняшний рядовой экстремист завтра может стать правителем. Даже убийство того или иного человека является для террориста средством утверждения собственной идеологии.

Мафиозо, напротив, не желает никакого изменения общества: его традиционная функция посредника между различными слоями общества не может быть основана на разрушении социальных тканей. Поэтому мафиози убивают отдельных людей, препятствующих осуществлению того или иного их замысла или «разрушающих» его.

Между новой мафией и терроризмом нет также никакого сходства и в том, что касается основополагающих принципов, лежащих в основе этих организаций. Террористам совершенно чуждо такое понятие, как омерта́, и следование другим обычаям мафии, воспринимаемым как проявление мужественности, тогда как жить и поступать по-мужски — это фундамент мировоззрения мафиози. Кроме того, использование террористами системы «глухих отсеков» является элементарным принципом построения любой тайной и нелегальной организации и отнюдь не представляет собой специфическую особенность сообществ мафии. Итальянские террористы сегодня тоже убивают предавших их людей, но этот признак, классифицируемый как «субгуманный», не имеет ничего

общего с кровной мстостью, являющейся характерной чертой мафии.

Мы можем со всей определенностью сказать, что с 1970 года по настоящее время новая мафия и терроризм в Италии существуют бок о бок. При этом возникает резонный вопрос: какие же связи установились в наши дни между ними?

Ясно одно, мафиози не оказывают полиции, а следовательно, и обществу никакой помощи в поимке террористов вопреки общераспространенным иллюзиям, нашедшим отражение даже в некоторых газетных статьях.

Мафии, как и любой другой организации подобного рода, выгодно, чтобы число террористов росло с каждым днем: вследствие «рекламы», сопровождающей всякую политическую проблему, лучшие силы государственного репрессивного аппарата будут отвлечены на борьбу с ними, что обеспечит мафиози большую свободу действий. В то же время террористы — в основном левые экстремисты — явились инициаторами соглашения с преступными элементами, в том числе и с мафиози, относительно внутритюремных отношений между ними, поскольку тюрьма является единственным местом их совместного пребывания. Речь шла о «разделе власти» в местах заточения, а следовательно, и о возможности поддерживать постоянные отношения с террористами и мафиози, оставшимися на свободе, не опасаясь того, что эти контакты будут пресечены властями. Несмотря на ряд стычек и поножовщины между этими группировками, они, кажется, нашли пути к взаимодействию. Результатом были попытки побега из милан-

ской тюрьмы «Сан Витторе», предпринятые матерым преступником Ренато Валландзаска и одним из руководителей левого экстремизма Коррадо Алунни, а также побег из тюрьмы в области Лацио известного представителя левого терроризма Чезаре Баттисти и одного из главарей неаполитанской каморры.

А какие же отношения существовали между новой мафией и терроризмом вне тюрьмы? Ответ на этот вопрос неясен.

Некоторые из участников неудавшегося фашистского переворота, организованного князем Боргезе (конец 70-х годов), были сицилийцами и имели прямые контакты с Сицилией, но, как сообщила итальянская полиция членам «Антимафии», она не занималась исследованием этого вопроса. Комиссия попыталась установить, имел ли Фумагалли, открыто работавший в начале 70-х годов вместе с фашистами над планом переворота, какие-либо связи с мафией. Как казалось, это предположение имело под собой некоторые основания, однако «Антимафии» дали понять, что делом Фумагалли занимаются секретные службы, и с тех пор этот вопрос обходится молчанием.

Кое-кто уверял представителей Комиссии, будто Лучиано Лиджо (чье местопребывание в 1969—1971 годах до сих пор остается неизвестным) в то время ездил чуть ли не в Чехословакию. В 1974 году журналист Дзуллино опубликовал книгу, где намекал на то, что Лучиано Лиджо что-то известно о взрыве в Милане на площади Фонтана в декабре 1969 года. В 1976 г. политолог Джорджо Галли (ученый с мировым именем) утверждал, что на написание книги Дзуллино вдохновил непосредственно Аминторе Фан-

фани, один из известнейших государственных деятелей Италии начиная с 1946 г. и до наших дней. Во всем этом хитросплетении фактов, гипотез и намеренных намеков «Антимафия» могла бы разобраться, непосредственно допросив самого Лучиано Лиджо, но в июле 1974 года Лиджо, находясь уже в тюрьме, куда он был посажен за многочисленные похищения людей, организованные им в Милане, заявил, что на все вопросы он будет отвечать только в присутствии адвоката. С тех пор его больше никто не слышал.

Чтобы выяснить, имели ли сицилийские мафиози связи с террористами, следовало бы изучить материалы, находящиеся в сейфах итальянских государственных властей. Но собирается ли правительство опубликовать эти документы, и если да, то какие именно?

Насколько нам известно, мафиози отдают явное предпочтение правым террористам. Это легко объяснить, так как правые на Сицилии занимали прочные позиции приблизительно до 1960 года и довольно сильны там и сейчас. В 1970 году, например, Пьерлуиджи Конкутелли (главарь правых экстремистов, ныне отбывающий пожизненное заключение за убийство римского судьи Оккорсио) вместе со своими подручными упражнялся в предместьях Палермо в стрельбе из автомата. На Сицилии всегда насчитывалось множество активистов двух основных правоэкстремистских групп — «Нового порядка» и «Национального авангарда».

С левыми же террористами мафиози территориально никогда не соприкасались, поскольку те появились в зоне Неаполь — Бари

и в Калабрии только несколько лет назад, а на Сицилии их вообще нет.

Во всяком случае, можно предположить, что на след американского генерала Дозьера, похищенного в Вероне «Красными бригадами» — самой крупной левоэкстремистской организацией, — полицейских навел в начале 1982 года какой-нибудь торговец наркотиками.

Мы не можем также с точностью ответить на вопрос, пользовались ли левые террористы при закупке оружия в Ливане теми же каналами, которые использует мафия для переправки наркотиков из этой страны, давно облюбованной ею в качестве места купли-продажи «белого товара».

Фактом является лишь то, что судебный следователь Палермо, ведущий в Тренто одно из наиболее крупных расследований, касающихся мафии как мирового поставщика героина, 31 августа 1982 года высказал предположение о существовании связей между террористами (но какими, правыми или левыми?) и мафией.

Однако мы этого с уверенностью утверждать не можем.

В 1974 году комиссар полиции Милана Массагранде выразил глубокую озабоченность появлением мафиози в Ломбардии, поскольку, по его словам, «там, куда они приходят, растет преступность, и особенно организованная преступность».

До 1960 года в Северной Италии находился весь цвет преступного мира, но это были лишь отдельные личности, объединявшиеся между собой лишь от случая к случаю. В качестве примера их совместных действий можно назвать известное ограбление на улице Озоппо в Милане в 1959 году. Это пре-

ступление вошло в историю криминалистики, однако уже в полдень того же дня на столе комиссара полиции Милана лежал список всех участвовавших в нем «синих комбинезонов».

После 1960 года в Северной Италии появляются сицилийские мафиози, которые начинают войну с местными преступниками, впервые введя «налог» на ночные заведения, ипподромы, игорные дома, контрабанду сигарет, алмазов и наркотиков. Убийствам, как водится, нет числа.

Местные бандиты, если они желают выжить (а для этого необходимо признать свою зависимость от мафии, которая, как правило, всегда одерживает верх), должны иметь собственную организационную структуру.

Своим успехом преступный мир итальянского севера обязан именно созданию своей организации по типу мафии.

В 70-е годы была широко известна банда Турателло. Ее члены выступали в качестве обвиняемых на многочисленных судебных процессах. Многие из них были выходцами из Сицилии. В 1976 году банда Турателло, к которой примкнул тогда и сардинец Мезина, бежавший накануне из тюрьмы, совершила налет на тихий «культурный центр» в Милане под названием «Брэра Бридж», где собирались любители игры в карты по-крупному. Присутствовавшие были ограблены до нитки, хотя кое-кому и были оставлены некоторые предметы личного туалета и деньги на такси. Мафиози «обязали» их ходить впредь в «Общество любителей живописи» на проспекте Семпионе, владелицей которого считалась некая баронесса Будзати. После этого «Брэра Бридж» закрылся, а некоторое время

спустя вновь открылся. Полиция подозревала его новых хозяев в связях с бандой Турателло. В 1969 году в «Обществе любителей живописи» завязалась перестрелка. Полиция, расследовавшая этот случай, установила, что заведение действительно было собственностью группы Турателло.

Действия коренных миланцев из этой банды полностью скопированы с манеры мафиози: чтобы улучшить свои дела, они уничтожают своих противников.

Левые террористы, создавшие свою преступную организацию, очень многому научились у мафии.

В Северной Италии «Красные бригады» уже в самом начале своей деятельности занимались похищением людей, с целью получения денег для своих политических акций. Метод похищения, начиная от захвата нужного человека, условий обращения с ним в неволе и до переговоров с его родственниками и его освобождения, совершенно идентичен тому, который применялся сицилийскими мафиози. Взять хотя бы, к примеру, похищение генуэзского промышленника Косты, когда «Красные бригады» вели переговоры о получении выкупа через священнослужителей. Церковники являлись посредниками при получении выкупа и тогда, когда были похищены Кассина в Палермо и Росси в Турине, явившиеся жертвами мафиози. Трудно, принимая во внимание все эти совпадения, не прийти к выводу, что красные террористы тщательно, во всех деталях изучили тактику сицилийской мафии.

Причины, порождающие уголовную и политическую преступность, различны, но эти две представляющие их организации встретились и договорились между собой, так как после 1970 г. они существуют в одних и тех же условиях и в одном и том же социальном сообществе. Возможно, следовало бы более глубоко изучить взаимозависимость «терроризм — буржуазия» (в основном определившую появление многих террористов) и «мафия — буржуазия». Перед нами две организованные группы, желающие, каждая в своих собственных целях, повлиять на процесс формирования власти в Италии. На имеющих печальную известность итальянских площадях вот уже на протяжении многих лет появляются «сиятельные трупы» — дело рук как мафиози, так и террористов. Эта ужасная реклама имеет различные предпосылки и причины. Не исключено здесь также и стремление дать устрашающий ответ на убийства, совершенные ранее другими. Что касается методов, то именно здесь находится точка соприкосновения между различными целями, которые преследуют мафиози и террористы: Галли, Алессандрини, Амато, Коста, Терранова стали жертвами гнусных преступлений мафии и террористов из-за того, что они прекрасно организовали судебное расследование по их делам. Личная роль этих выдающихся юристов в системе итальянской судебной власти позволяет нам считать их национальными символами. Их убийство, совершенное террористами и мафиози, преследовало цель нейтрализовать и запугать всех итальянских судей, с тем чтобы обеспечить простор для своей преступной деятельности.

Мафия и террористы не уступают друг другу и в убийстве видных государственных деятелей. Так, в 1971 году мафиози убили в Палермо прокурора Скальоне; в 1976 году «Красные бригады» совершили в Генуе убийство прокурора Коко; в 1977 году уголовники, по примеру мафии, похитили в Неаполе сына депутата парламента Де Мартино; в 1978 году «Красные бригады» похитили в Риме Альдо Моро.

Исходя из того, что мы сегодня знаем о мафии, мы можем сказать, что «сицилийская культура» преподнесла всем группам, ведущим противозаконную деятельность, предметный урок: успеха можно достичь лишь в том случае, если ты располагаешь мощной организационной структурой. Старейшее «средиземноморское кровное братство», каким является мафия,—это организационная модель, которой подражают сегодня все преступные группы в Италии.

2. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Преступная организация должна быть способной «остудить каленое железо», т. е. должна заранее принять меры к тому, чтобы помешать закону быть примененным на практике, иначе сама организация перестанет существовать. Для этих целей мафиози располагают целым арсеналом средств, в результате применения которых жертвы похищения, например, рассказывают всем своим родственникам, что с ними обходились хорошо, да к тому же они почти ничего и не помнят.

Угрозы мафии должны быть определенными, чтобы тот, кому угрожают, понял, что «им» многое известно; серьезными, чтобы почувствовал, что они исходят от людей, которые бьют наверняка; твердыми, чтобы осознал, что если «они» захотят, то удар будет смертельным, безжалостным.

«Невероятный страх, внушаемый людьми, известными своими преступлениями, более слабым», необходим мафии для того, чтобы в сознании испытавших на себе ее силу стерлось даже воспоминание о ней.

«В 76 из 100 преступлений, совершенных против собственности, бандиты отрицают то, что жертва страдала».

Если жертвы мафии терпят лишь материальный ущерб, то они сами могут и не быть «причиной преступления», как это бывает, когда речь идет о кровной мести. Говоря об имущественных преступлениях, следует заметить, что в больших городах «полностью раскрытые преступления не превышают 15% от их общего числа». Поскольку часто только жертва преступления может пролить свет на действия мафии, то укрывательство ею фактов преступления, несомненно, воодушевляет мафию на продолжение своей преступной деятельности.

Еще очень редко, особенно в Северной Италии, жертвы мафии заявляют в полицию, а это значит, что они — и это их мнение мы вполне разделяем — не имеют оснований верить тому, что государство способно привлечь мафиози к судебной ответственности. Многие из потерпевших от преступлений мафии не обращаются к властям с такими заявлениями, так как не желают объяснять происхождение имеющихся у них денег и

несоответствие уплачиваемых ими налогов. Сегодня многие промышленники и состоятельные люди на Севере Италии заключают договоры страхования с соответствующими британскими компаниями на случай их похищения. На одном из процессов, рассматривавшемся в суде, промышленник, явившийся жертвой похищения, заявил, что ему пришлось уплатить в качестве выкупа очень солидную сумму, и страховая компания возместила ему убытки. На самом же деле, как оказалось, размер выкупа был намного меньшим.

Мафиози знают, что вызов, который мафия бросает государству, непосредственно скажется и на судебных процессах, которые могут быть возбуждены против каждого из них.

Многие мафиози имеют тесные контакты с полицией. Взамен признания они получают необходимую свободу действий. «Признание», когда это нужно, помогает также избавиться от конкурента. Близость мафиози и полиции и та польза, которую они извлекают из этой близости, говорят о неурядном уме главарей мафии. Известно, что в Италии есть три различных полиции: государственная, подчиняющаяся министерству внутренних дел, карабинеры, находящиеся в подчинении у министерства обороны, и пограничные войска, подчиненные министерству финансов. Такое разделение было выгодно фашистам и было направлено на усиление контроля за различными сферами государственной деятельности. Но с 1946 года и до сего дня республиканские правительства так и не нашли времени для того, чтобы изменить это положение.

Случается так, что в ходе того или иного крупного процесса какой-нибудь известный мафиозо признается государственной полиции в серии совершенных им преступлений. В то же время другой известный мафиозо выкладывает известные ему сведения карабинерам, а третий — пограничникам. Каждый из них дает совершенно разные показания, и три эти полицейские службы кладут на стол судьи три различные версии. На важных судебных процессах судей, как правило, всегда двое: вместе с государственным обвинителем и судебным следователем они из всех сил стараются определить, какая же из представленных версий правильна, так как почти всегда они противоречат одна другой. При этих условиях оправдательный приговор за недостаточностью улик будет всегда иметь объективное основание.

Очень трудно не признать, что расчет мафиози на уловку с тремя версиями полностью оправдывает себя, если принять во внимание, что никто из полицейских, карабинеров, пограничников и судей не сомневается в том, что только ему известна настоящая правда. Кстати, по закону судья не имеет права принудить полицейского открыть имя мафиозо, давшего показания против своих сообщников.

Такая тактика была использована мафией в деле Де Мауро. В 1970 году палермский журналист Мауро Де Мауро бесследно исчез. Хотя труп его и не был найден, однако с большой степенью уверенности можно было полагать, что мафиози убили его. Карабинеры утверждали, что убийцами являлись одни мафиози, полицейские же называли другие имена. Десять лет спустя после газетной

шумихи по этому делу след убийц был окончательно потерян.

Было бы непростительной ошибкой полагать, что мафиози всегда говорят полицейским только заведомую ложь. Ложными являются лишь некоторые сведения: имя того, кто поручил совершить убийство, как правило, является вымышленным, но осведомитель делает вид, что назвать это имя ему стоило невероятных усилий. Суть заключается в том, что «признавшийся», разумеется, не слышал сам, как «тот» давал распоряжение, иначе получалось бы, что ему самому и было поручено совершить убийство. Те, кто получил эти сведения, знают, что «тот» действительно мог дать такое распоряжение и еще тысячу других. Случается, что мафиозо, приводя неоспоримые доказательства, обвиняет в преступлении несколько десятков человек. Это делается для того, чтобы полиция занялась всеми этими людьми и не трогала других двух-трех бандитов. Иногда мафиози жертвуют каким-нибудь необстрелянным юнцом еще и для того, чтобы он прошел тюремную закалку, что будет залогом его «успехов» в дальнейшей преступной карьере.

Мафиози избирают подобную тактику не для того, чтобы просто показать свое тактическое превосходство. Они добиваются оправдательного приговора с тем, чтобы доказать всем, что закон бессилен перед мафией, и чтобы те, остальные, сделали соответствующие выводы на будущее. Таким образом, безнаказанность — это плод «процессуальной политики», проводимой мафией при помощи всех имеющихся в ее распоряжении средств.

Процессуальная политика мафиози зача-

стую сводится к следующему: опасный свидетель или неудобный мафиозо внезапно бесследно исчезают, и никто на «том» процессе уже никогда не услышит их голоса, как, впрочем, никто не найдет и их трупов. Кажется, что предпочтением в этом плане пользуются ломбардские озера, на дне которых покоятся многие похищенные (в случае, когда похищение кончается для них плохо) и сами мафиози.

Процессуальная политика и средства ее осуществления всегда носили типичный для мафии «переносный» характер: убивают племянника, для того, чтобы дядя впредь «вел себя прилично»; кого-то убивают на пороге своего дома, чтобы та или иная фабрика закрылась.

Сегодня чаще, чем в прошлом, благодаря большей свободе в установлении личных контактов, мафиози подставляют в качестве виновников преступления совершенно посторонних лиц.

В одном из городов Северной Италии прогорел некий промышленник, оказавшись, таким образом, совершенно без наличных средств. Банки отказали ему в помощи. Один «приятель» предоставил ему солидную сумму в обмен на небольшую услугу: он попросил его записать на свое имя морской катер, приписанный к одному из итальянских портов. После этого «приятель» время от времени звонил промышленнику, когда ему был нужен катер, и очень вежливо просил разрешения воспользоваться им. Полиция обнаружила на этом судне тонны наркотиков, и промышленник не смог никого убедить в своей невиновности.

Члены одного религиозного общества в

Милане решили собрать средства для помощи своей основной организации в Иране. Денежную сумму поручили собрать евреям, соблюдавшим в Италии все обряды той секты. Почтенные верующие не занимались распространением наркотиков. Однако один из собратьев-евреев продал персидский ковер и получил за него сумму, вырученную от продажи наркотиков. Он перевел эту сумму религиозному обществу, с тем чтобы оно помогло нуждающимся. До сих пор неизвестно, кто из мафиози стал владельцем того ковра.

Процессуальная политика мафии приспособляется к правилам ведения дел в итальянских судах. После того как в Милане в 1977 году за похищения людей были приговорены к длительным срокам заключения Лучиано Лиджо и еще около 20 мафиози, большинство заключенных, попадающих в североитальянские тюрьмы, составляют сутенеры, третьестепенные убийцы, юнцы, угоняющие автомашины, мелкие воришки и фарцовщики. Многие из них даже не являются сицилийцами. Мафия, подготовив все тщательнейшим образом, заказывает юнцам-добровольцам похитить того или иного человека. Они обязаны передать сумму выкупа, «помеченную» полицией, в руки мафии, за что сами получают «отмытыми» 40% от всей суммы выкупа.

Процессуальная политика мафии строится также на «посредниках» (настоящих и вымышленных).

В сферу деятельности мафии вовлекаются и посторонние лица, которые в интересах мафии скрытно контактируют с государственными чиновниками и «приручают» их.

Новая мафия унаследовала от «старых» мафиози богатейший арсенал средств, применявшийся ими в ходе судебных процессов. С некоторыми усовершенствованиями набор этих средств применяется ими и сегодня.

Главным подспорьем успешной процессуальной политике мафии служит упорный отказ властей противопоставить ей свою политику, направленную против мафии. Разумеется, итальянские полицейские власти делают свое дело: здесь конфискуют тонну героина, там освобождают похищенных, еще где-то арестовывают убийц на месте преступления, но им не хватает понимания того, что мафия — это мощная преступная организация, где судьба отдельного ее члена имеет лишь относительную значимость, поскольку на место одного мафиози, попавшего за решетку, немедленно встанут многие другие, желающие заработать сотни миллионов.

В основном все надеются на принятие какого-нибудь «подходящего» закона, вроде того, что с успехом применяется против террористов. «Раскаявшемуся» террористу (тому, кто признается в совершенном преступлении и называет сообщников) срок наказания может быть снижен в пять раз. Что же может случиться, если минимальное наказание будет гарантировано раскаявшимся мафиози, которые расскажут все, что знают об организации? Некоторые полагают, что настоящие мафиози будут играть и на «раскаявшихся», и в итоге до ушей полицейских дойдет все, что угодно, только не правда. Другие же верят, что сегодняшний мафиозобуржуа имеет миллион причин, чтобы вернуться к своим прежним выгодным делишкам. По мнению третьих, принятие такого

закона послужит стимулом лишь для тех, кто осел на итальянском севере, где окружающие не будут смотреть на раскаявшегося с недоверием или презрением. Наконец, сегодня вместе с сицилийскими мафиози в ходе судебных разбирательств фигурируют и их турецкие и бельгийские коллеги: в виде компенсации какому-нибудь «раскаявшемуся» турку, наверное, хватило бы и билета на родину... Так или иначе, если бы преступники заговорили, то мафии не удалось бы больше водить полицию за нос. Если бы хоть один мафиозо сказал правду, мы впервые смогли бы увидеть новую мафию изнутри.

Таковы основные элементы процессуальной политики новой мафии, хотя в последние годы она добилась и новых успехов: мафиози убили таких полицейских, как Руссо, Базиле, Джулиано, и также судей Косту и Терранову. Раньше этого никогда не случилось. Все это — люди, определяющие позиции внутри репрессивной государственной структуры, предназначенной вести борьбу с мафией.

Нет необходимости выяснять, какая из «причин» повлекла за собой смерть каждого из них. Однако все эти факты наводят нас на некоторые размышления: возможно, эти убийства (каждое в отдельности и все вместе) явились отражением нового поворота в традиционной политике мафии? Возможно, таким путем пытались положить конец тому или иному процессу? Возможно, они представляли собой удар по внутренним структурам итальянского государства?

Тот факт, что до сих пор почти ничего не известно об убийцах и совершенно ничего о

вдохновителях этих преступлений, заставляет нас ответить на эти вопросы утвердительно.

3. ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СЛУЖБЫ МАФИИ

Одним из постулатов преступной организации является ее полная независимость. Исключение составляют случаи крайней необходимости. Действительно, связь с чужаком может послужить удобным каналом, воспользовавшись которым государство способно нанести сокрушительный удар по всей организации.

Поэтому необходимо располагать собственными «основными социально-экономическими службами».

Так, новая мафия является хозяйкой целой «транспортной империи». БМВ, «мерседесы», «альфа ромео», гигантские фургоны ТИР пришли на смену «сицилийским тележкам» столетней давности, на каких мафиозо перевозил контрабандный товар из деревни в деревню. Это — наступательные средства: кто отыщет в заполненном тоннами овощей и фруктов фургоне центнер героина? Кто обнаружит под огромными ящиками ловко спрятанный контейнер, где легко можно перевезти человека, похищенного в Милане, местом заточения которого станет Сицилия, тем более, что размер выкупа растёт по мере увеличения расходов. Это — и оборонительное оружие: тем же контейнером может воспользоваться и беглец, решивший исчезнуть из определенного места, минуя полицейские кордоны.

Внушительный автомобильный парк имеет решающее значение для быстрого и эффективного перемещения людей и грузов мафии, появляющихся с разницей в несколько часов в Палермо и Милане. Для удовлетворения своих нужд мафиози располагают и морскими судами, перевозящими грузы наркотиков в Италию с Востока, и мощнейшими катерами для доставки на берег контрабандных сигарет с судов, находящихся в нейтральных водах и, следовательно, недостижимых для итальянской полиции. К сожалению, никто пока не проверял, сколько принадлежащих частным лицам самолетов в аэропортах являются на самом деле собственностью мафии.

Наиболее жесткую позицию занимает мафия по отношению к контрабанде оружия: еще никто не решился заняться выяснением его происхождения. В 1981 году новая мафия обнаружила в этой области поразительную активность: в ходе расследования дела о производстве в Палермо огромных партий героина, откуда он переправлялся в Нью-Йорк, выяснилось, что здесь были замешаны два бельгийца — профессиональные контрабандисты оружия международного масштаба и крупные специалисты по операциям, осуществляемым швейцарскими банками. Поскольку в том, что связано с мафией, ничего не происходит случайно, возникает вопрос, каким образом вышло так, что бельгийцы участвовали в контрабанде героина в тесном взаимодействии с сицилийскими мафиози. Кажется, на этот вопрос может быть только два ответа: либо сицилийские мафиози познакомились с бельгийцами в Швейцарии, где они вместе проворачивали операции

в банках, либо они наложили лапу на международную контрабанду оружия и на этой почве познакомились с бельгийскими «коллегами», втянув их в контрабанду героина. Однако правильной может оказаться и третья гипотеза: американские мафиози, завоевавшие у себя в стране позиции настолько прочные, что они являются даже совладельцами заводов, выполняющих заказы, связанные с космическими проектами, представляющими государственную тайну, в которых заинтересованы военные, предоставили своим сицилийским кузенам бельгийцев — специалистов по банковским операциям и консультантов американской мафии по вопросам контрабанды оружия.

Что касается владения основными социально-экономическими службами, то философия мафии здесь достаточно проста, так как она не противоречит общепринятым правилам: все их ценности (дома, земли, магазины, деньги и т. д.) совершенно одинаковы с теми, что являются достоянием не относящихся к мафии лиц, и служат тем же целям. В то же время эта собственность поставлена на службу и специфическим интересам мафии.

В каждом доме, где живет мафиозо, есть убежище, куда при появлении полиции может укрыться очередной беглец. В начале 70-х годов один мафиозо-предприниматель построил в предместье Милана ряд особняков для семей мафиози. В каждом из домов под душевой или ванной он оборудовал небольшой тайник с вентиляционным каналом.

Сеть прачечных, находящихся в руках мафии, конечно же, служит для стирки

грязного белья за соответствующую плату. Однако прачечные служат и орудием вымогательства, поскольку все не принадлежащие мафии рестораны сдают в них белье на условиях, установленных мафией. В противном случае они подвергаются разбойничьим налетам и разграблению.

То же самое можно сказать и об остальной собственности и деятельности мафии: рестораны и бары, находящиеся в руках новой мафии, служат также местом встреч и телефонных переговоров. Через них передается информация о готовящихся убийствах, сведения, касающиеся сбыта наркотиков.

Многие частные клиники являются собственностью «собратьев» из новой мафии. Они используются для лечения мафиози, получивших огнестрельные ранения в ходе перестрелок. Автотранспортная сеть мафии предоставляет грузовики для перевозки тротила, используемого против неугодных фирм и предприятий. И так далее.

Расширение и модернизация ее основных социально-экономических служб являются показателями того, насколько прочно обосновалась за последние годы мафия в крупнейших городах Италии. Это отнюдь не первое ее вторжение в итальянские города, так как несомненно, что мафия была сильна в Палермо еще во второй половине XIX века, когда Палермо был одним из красивейших, крупнейших и важнейших городов Европы.

Под выражением «крупнейшие города» сегодня понимаются города, где нашли применение «новейшие технические средства»: трансокеанские телефонные линии, сверхзвуковые самолеты, внутренняя телевизионная

сеть в домах, скоростные автомобили, огромные супермаркеты, трансконтинентальные банковские операции, и так далее. В крупнейших городах сегодня существует «широчайшая, почти неосознанная система добровольного контроля и стандартов со стороны самого населения». А мы знаем, что мафиози — старые и новые — большие мастера по части социального контроля.

С 1960 года мафиози безбоязненно обосновывались в крупнейших городах Северной Италии. На карикатурах мафиозо обычно изображают сидящими в кафе в ожидании, когда же пролетит ангел и скажет «амен». В повседневной же жизни каждый мафиозо работает в три раза больше, чем любой другой человек: он убивает, вымогает, сбывает наркотики, устраивает избирательные кампании; покупает и продает все, что можно, и не забывает о страдной поре в сельском хозяйстве — «деле», которое, несмотря на имеющиеся у него миллиарды, всегда близко его сердцу. Любовь к труду и чрезвычайная работоспособность, характеризующие каждого мафиозо, делают его существом, наиболее приспособленным к жизни в крупнейших городах Италии.

В соответствии с культурной установкой мафии, «другие» — это не те, кого следует избегать, а те, кого следует подчинять и, значит, давать им жить. Мафиози никогда не стремились культивировать и отстаивать какую-то особую, присущую лишь им идеологию. Они естественным образом приспособливаются к доминирующей культуре и используют ее в целях укрепления своей власти.

Ускорение темпов социальной мобильно-

сти, обусловленной рядом глубочайших процессов, происходящих в обществе, содействовало в последние годы пропорциональному росту темпов мобильности мафий в крупнейших итальянских городах.

Во Флоренции и Болонье (где отбывал срок заключения «дон» Тано Бадаламенти, которому по первому его требованию доставлялась свежайшая сицилийская рыба) мафиози занимались продажей фальсифицированного крепленого вина. По этому поводу в прессе была поднята грандиозная шумиха. И действительно, по статистическим данным, в винодельческих районах Сицилии потребляется чрезмерно много сахара.

Присутствие мафии особенно остро ощущается в зоне Монтекатини-Виареджо в Тоскане и на всем побережье Романьи: это места наибольшего наплыва туристов и, следовательно, благоприятные для распространения наркотиков и организации сети игорных домов; места, изобилующие прекрасными естественными бухтами, открывающими широкие возможности для любой контрабанды. Но наибольшего успеха добилась мафия в итальянском промышленном треугольнике, т. е. в районе, расположенном между Генуей, Туринем и Миланом. В этих крупнейших североитальянских городах число судебных процессов, которое всегда было ниже, чем в целом по стране, свидетельствует тем не менее о широком присутствии здесь мафии. После 1960 года и в печати был отмечен резкий рост преступности новой мафии в Генуе, Турине и Милане (похищения людей, убийства, торговля наркотиками), что приписывалось влиянию американских гангстеров.

Количество и качество основных соци-

ально-экономических служб, находящихся в этих городах в руках мафии, точно отражают консолидацию сил представителей новой мафии и деловых кругов Турина, Милана и Генуи, происшедшую после 1960 года.

В своих показаниях перед «Антимафией», которые были заслушаны Комиссией в течение всего одного дня — 15 июля 1974 года — и явно недооценены ею, судьи, полицейские и профсоюзные деятели Северной Италии указывали на усиление деятельности новой мафии в итальянском промышленном треугольнике. «Только в одном Милане, имеющем черты американского города, боссы мафии владеют большим числом мелких и средних строительных предприятий и, по всей видимости, имеют строительные подряды в Швейцарии».

Помимо «сфер, где преступность традиционно чрезвычайно сильна», новая мафия осуществляет также «контроль над строительством, контроль за оптовым рынком овощей и фруктов, рэкет рабочей силы, контроль над ночными заведениями, над контрабандой драгоценных камней и мясным рынком, строгий надзор за предприятиями службы быта и погрузо-разгрузочными работами».

Присутствие мафии мы можем обнаружить в строительстве метро в Милане; в выполнении частных подрядов, таких, как строительство в Милане огромного жилого комплекса «Сан Феличе», владельцем которого является человек, безусловно не состоящий в мафии, но чье имя ни один судья или полицейский начальник почему-то не осмелился назвать на заседании «Антимафии».

Один из официальных представителей

властей области Пьемонте заявил, что мафия там повинна в стольких «непреднамеренных убийствах в результате несчастных случаев на производстве», а также в «урезывании заработной платы», что «все профсоюзные деятели единодушно заявили о невозможности встреч с рабочими до тех пор, пока их не перестанут запугивать» мафиози.

Деятельность новой мафии в городах итальянского севера, несомненно, свидетельствует о том, что мафия отдает явное предпочтение торговле или, точнее, сфере услуг в целом. Именно в этой сфере наблюдается наибольшая мобильность людей и капиталов, в ней занято большинство жителей в городах севера Италии.

Если новая мафия господствует на рынке овощей, фруктов и мяса, то, значит, снабжение такого города, как Милан, осуществляется мафиози.

Какую же позицию занимают в этом предприниматели Милана, Турина и Генуи, не мафиози? «Забота» — так охарактеризовал миланский судья Туроне отношение банков к деньгам мафии; это чувство оказалось настолько сильным, что миланские банкиры сделали просто невозможное, чтобы скрыть от судей финансовые счета мафиози.

Предприниматели-«северяне» ежедневно имеют деловые контакты со своими коллегами из мафии: если какой-то сектор экономики находится в ее руках, то от этого никуда не денешься. К тому же судьи, полицейские и профсоюзные деятели, говорившие представителям Комиссии об усилении власти мафии в Северной Италии, документально доказали, что речь идет о явлении непреходящем. Предприниматель итальянского севе-

ра отлично понимает, что за взрывами и поджогами промышленных предприятий, происходящими там почти каждый день, стоят те самые мафиози, с которыми они постоянно заключают торговые сделки.

Не следует забывать, что новая мафия в Милане, Турине и Генуе завладела почти всеми основными социально-экономическими службами с помощью насилия: убийства, вымогательства, поджоги и порча оборудования толкнули к пропасти тех, кто раньше занимался там своим делом, но затем «добровольно» уступил место мафиози.

VIII. ВНУТРИ НОВОЙ МАФИИ

Мафия — «эта ползущая невидимка», успешно внедрилась в мир, идущий навстречу 2000 году. Внутренняя организация и «законные права», обосновывающие власть мафии, показали себя настолько сильными и действенными, что новые мафиози в эпоху общества потребления буквально купаются в золоте. Эти капиталы, образование которых болезненно отражается на других социальных группах, придали новым мафиози своего рода «функциональную роль» в обществе.

Однако вслед за успехом новая мафия получает сильнейшие удары от современного мира. В самом деле, появляются новые элементы, порождаемые изменениями в итальянском обществе. Они вступают в противоречие с «законными правами», внутренним распорядком, структурой и законами новой мафии.

Во-первых, государственный аппарат распространил свою власть на всю территорию Италии. Честно говоря, сегодня в Италии все недовольны «таким» государством, все резко и страстно критикуют организацию и структуру «этого» государства. При этом под государственным аппаратом понимается прежде всего правительственная власть, дей-

ствующая начиная с 1962—1963 годов, когда было сформировано первое правительство левого центра. В течение последующего периода государство предоставило всем гражданам некоторые права. Оно, в частности, создало систему пенсионного обеспечения для всех престарелых, всеобщую государственную систему здравоохранения, обязательного школьного образования для всех граждан в возрасте до 14 лет. Можно также добавить сюда систему государственного телевидения. Хотя ее и нельзя отнести к «правам», тем не менее телевидение приучает всех молодых итальянцев пользоваться чистым итальянским языком, а не местным диалектом, а также дает им представление об элементах общенационального образа жизни.

Эта очень незначительная сфера современной государственной системы, действующая во всех уголках страны, внесла смятение в старую южную семью. Сегодня государственные органы предлагают почти бесплатно и в поощрительных формах то, что ранее давало семейное сообщество. Прежняя система экономических отношений внутри семьи рухнула, поскольку обучение в школе, социальное обеспечение обходятся теперь недорого. Таким образом, южанин освобождается от семейной зависимости. Однако речь идет о драматической борьбе, которая продолжается многие годы.

Некоторые изменения сицилийских нравов были разительными. В 1949 году полковник корпуса карабинеров в Палермо Лука потребовал от правительства запретить демонстрацию ряда фильмов мексиканского производства на исторические темы с уча-

стием популярного актера Педро Аремендариса, чтобы не возбуждать у жителей Палермо надежд на революцию даже в ее мексиканском варианте. В 1967 году юный мафиози (он был убит несколько лет тому назад) похитил девушку, однако та отказалась затем от свадьбы, которая «прикрыла бы грех». Это дело приобрело национальные масштабы. В ходе его между некоторыми органами власти острова и миланским журналистом Индро Монтанелли началась даже судебная тяжба, где были затронуты такие понятия, как «невинность» и «сицилийская честь». А сегодня в Палермо благополучно работают кинотеатры, где демонстрируются порнографические фильмы...

В июне 1981 года в Италии был проведен референдум по вопросу об отмене закона, разрешающего аборт. Около 70% сицилийцев — в среднем столько же, что и в целом по стране, — проголосовали за то, чтобы узаконить аборт. С 1960 по 1970 год сотни тысяч сицилийцев эмигрировали из Италии. Вместе с жителями других областей Юга страны они составили миллионы людей — жертв «геноцида, не доведенного до конца», как называла итальянская печать массовую эмиграцию жителей Юга. В других западноевропейских странах и в Северной Италии ситуация была иная. Здесь люди пользовались гражданскими правами с момента рождения; государственная администрация надежно функционировала; имелась работа (а следовательно, и заработок, а также возможность чувствовать себя независимым) для всех.

Какие изменения вызвали в семье мафиози эти социальные явления? Очевидно,

здесь мы сможем лишь перечислить их, не давая никакой оценки.

С внешней стороны «мир мафии» по-прежнему основывается на «верности семье, умении вести себя по-мужски, соблюдении тайны». Кровные связи по-прежнему обладают большой жизненной силой: люди продолжают рождаться с сознанием того, что они станут мафиози; в ритуалах посвящения, которые продолжают совершаться, хотя и в упрощенной форме, и в наши дни, символически проливается и соединяется кровь мафиози. Старинные традиции, таким образом, похоже, сохраняют свою силу. Тем не менее сегодняшние мафиози своими руками убивают старую мафию. Первые же удары вдребезги разбивают внутреннее устройство семьи мафиози.

С 1970 по 1980 год только торговля героином принесла мафии сумму, приближающуюся к пяти триллионам лир. К этому денежному потоку следует прибавить средства, извлекаемые из великого множества похищений людей с целью получения выкупа, а также огромного количества вымогательств, совершаемых мафией на всей территории Италии. Подобное широкомасштабное накопление «грязных» денег привело к тому, что новая мафия занялась организацией на всей территории Италии «предпринимательской деятельности, созданием предприятий, действующих в области строительства, обрабатывающей промышленности, а также коммерческой деятельностью». Речь идет о деятельности, которую новая мафия проводит в «совершенно чистой и законной форме» и которая представляет собой главную область для вложения средств, полученных в

результате преступной деятельности мафиози.

Как отмечает Арлакки, вложение сумм, полученных незаконно, в разрешенную законом деятельность представляет собой «паразитическое изменение поведения», характерное для новой мафии. Мафиозо не выступает более в качестве «посредника между различными сферами экономики, общественной и политической жизни». Он не старается больше в скрытой форме отнять деньги у бедного и у богатого. Сегодняшний мафиозо — это владелец крупных и приносящих доход промышленных предприятий, из которых он извлекает новые средства. Постепенно сформировалась «буржуазная мафия». Мафиозо — он же преступник, он же промышленник — имеет в обществе экономический, социальный и политический вес, равный тому, который имеет такой же промышленник — не мафиозо. Таким образом, мафиози с позиций отверженных (лиц, отклоняющихся от принятых норм поведения и мелких преступников) переместились на «центральное место в обществе».

Несомненно, новая мафия позаботилась о том, чтобы «были сохранены многие из самых древних присущих ей черт». Мафиозо, ставший промышленником, инстинктивно проявляет склонность к любому рискованному предприятию. Он не испытывает угрызений совести, его не сдерживают ограничения, накладываемые законом. И как следствие, из автоматизма реакций инстинктивно рождается та легкость, с которой принимается решение совершить заранее обдуманное убийство или применить взрывчатку против предпринимателя-немафиозо тог-

да, когда препятствие представляется непреодолимым иным путем.

Для «дела» мафиози решающее значение, таким образом, сохраняет отдельная личность. Право принимать решения всегда и исключительно сосредоточено в руках одного человека — главы семьи мафиози. Множество судебных процессов, проходивших и продолжающихся по всей Италии, доказали, что одно и то же лицо сочетает в себе различные черты, являясь одновременно мафиозо, убийцей и промышленником. Насилие по-прежнему является тем цементом, который скрепляет разные направления мафии.

«Дон» Калоджеро Виццини оставил наследникам после своей смерти в начале 50-х годов несколько миллиардов лир. Однако, пока он был жив, из родной Виллальбы в Палермо его «подвозил» разбитый грузовичок. Пришлось «дону» Виццини однажды пережить и позор судебного процесса по делу о собственном банкротстве.

Все южане в прошлом не выставляли напоказ свое имущество, чтобы избежать дурного глаза и зависти так же, как и старый мафиозо запрещал самому себе показывать кому бы то ни было имеющиеся к нему деньги. Одна из причин этого, но не главная — не допустить, чтобы полиция потребовала у него отчета об источниках доходов.

Сегодня мафиозо может выставить напоказ (и он нередко делает это) средства, которые, по его словам, получены им законно. Полиция, являющаяся с обыском в дома мафиози, обнаруживает огромные виллы с бассейнами и внутренней системой телевизионного наблюдения. Министр внутренних дел мог бы провести простейшее расследование:

сколько бронеавтомобилей стоимостью 50—70 млн. лир каждый находятся в руках мафии? Сколько автомобилей дорогих марок—БМВ, «мерседесов», «альфа-ромео», стоимостью около 20 млн. лир каждая, принадлежит мафиози? Злые языки говорят, что дети известных мафиози воспитываются в самых первоклассных и дорогостоящих частных заведениях. Многие мафиози, отмечает полиция, посещают казино, которых, кстати, в Италии всего три, и расположены они все на севере страны.

Какие же процессы происходят сегодня в семье мафиози? Какое воздействие они оказывают на внутреннее устройство новой мафии? На основании чего за ее главарями признается право на власть?

Молодое поколение мафиози утверждает-ся в условиях, когда патриархальной семьи больше не существует. Сама семья располагает сейчас такими средствами, что пользоваться ими наконец разрешено всем ее членам. Таким образом, молодые мафиози усваивают, что при наличии денег они становятся полноправными членами современного общества.

Сегодня, когда умирает отец семьи, сраженный из современного огнестрельного оружия, он оставляет своим детям не один миллиард. Многие из этих детей были воспитаны в роскошных привилегированных заведениях, как и все дети родителей, принадлежащих к правящему классу. Некоторые из детей мафиози сегодня отказываются от слепого служения отцовскому «ремеслу». Не желая быть одновременно убийцей и предпринимателем, кое-кто из них лишь пользуется семейными миллиардами.

Ослабление основ, на которых строилась патриархальная семья, положило начало расколу в среде кровного родства. Согласно сообщениям печати, начиная с 1980 года идет новая ожесточенная война между мафиози, участники которой стремятся поставить под свой контроль деньги, получаемые от торговли героином. Пока что нет никаких признаков прекращения этой войны. «Условия», на которых она ведется, отражают особенности природы семьи мафиози.

Контроль за подпольной торговлей героином требует каждодневных операций в Палермо и Милане, Женеве и Нью-Йорке. Ныне само понятие «территории», на которой осуществляет власть семья, не имеет более ничего общего с территорией, где правила старая мафия. Ту территорию составляло либо сельское поселение, либо городской квартал—место, где в прямом смысле слова родились члены семьи мафиози. Новая мафия претендует на власть на территории, не имеющей географических границ и, что еще хуже, не имеющей, как прежде, отправных точек. Таким образом, «территорию» новой мафии можно определить почти исключительно словом «деньги».

Сфера этой деятельности, ее цели накладывают отпечаток на взаимоотношения в кровном «братстве». По сообщениям печати, в ходе войны за контроль над торговлей героином определяются некоторые «семьи-победители». Причем в эти «семьи-победители» входят некоторые мафиози, связанные кровными узами с «семьями-неудачниками».

Мафиозо, убивающий своего «брата»,—факт, конечно, далеко не новый. Новизна,

однако, состоит в том, что два кровных брата порой принимают решение присоединиться к двум разным «семьям». Новое поколение мафиози не слышит больше зова ритуалов старой мафии.

Появляется все больше данных, свидетельствующих о том, что в новой мафии происходит и принимает все большие масштабы сильнейший раскол среди мафиози. Разгромлены такие «семьи», как Индзерилло, Спатола, Бонтаде, Ди Пери: речь идет как о «восходящих звездах», так и об именах, ставших частью исторической легенды мафии.

Сегодня в Палермо традиционное оружие мафии — лупару (обрез) уже никто не применяет. В 1981 году, когда был убит один из членов семьи Индзерилло, на Сицилии впервые был применен даже автомат «АКМ». Мафия совершает убийства среди бела дня на улицах города, широко применяя (речь идет о практически постоянном применении) мотоциклы и автомобили с мощным двигателем. С января 1980 по конец лета 1982 года было убито около трехсот мафиози. Лишь в одном случае было отмечено, как величайшая редкость, «исполнение ритуала»: самый младший по возрасту совершеннолетний мужчина, принадлежавший к одной из семей, вернулся из Нью-Йорка в Палермо (куда он бежал, будучи приговоренным в Палермо) в закрытом гробу. Голова трупа была отделена от тела убийцами: враги семьи желали обезглавить ее, оставить ее без мужчины — главы дома.

Один случай из трехсот — всего лишь исключение. В остальных 299 убийство было совершено наемными убийцами — людьми, не

имевшими никаких личных счетов с убитым. Они выполняют «задание» как можно быстрее. Это имеет определенный смысл. Обстоятельства и причины войны между кланами мафии сегодня не сводятся к нарушению личного авторитета и престижа главы семейства. Главари мафии убивают друг друга из-за денег. Контроль над торговлей героином означает лишь одно: деньги. Главарям мафии больше нет необходимости действовать лично, для того чтобы «спасти лицо» в глазах окружающих. Глава семейства нанимает и оплачивает наемного убийцу только для того, чтобы заработать деньги.

Война между кланами мафии началась в 1980 году. С тех пор «боссов» мафии в Палермо нет. В домах некоторых из них действительно их оплакивают и носят по ним траур: домашние знают, что хозяина нет в живых. В других домах ждут известий о том, в надежном ли месте скрывается хозяин и хорошо ли он защищен.

Продолжительность этой войны, ее жестокость, невозможность каким-либо образом ограничить ее, говорят о неспособности новой мафии привести в действие старые схемы.

Сегодняшние мафиози никак не могут выбрать из своих рядов «судью», который по старинным законам мафии прекращает спор и занимается его урегулированием. В новой мафии никто не пользуется таким авторитетом, какой в старой мафии имели Вито Кашо-Ферро и Калоджеро Виццини. Когда «Мазино» Бушетта согласился расстаться с надежным убежищем в Бразилии и выступить в Палермо в роли посредника, ему в приказной форме «посоветовали» не лезть не

в свое дело, чтобы не нажить непоправимых неприятностей. Вслед за этим двое его сыновей бесследно исчезли в Палермо.

Кого же сегодня можно назвать «сильным человеком» новой мафии? Или это понятие постепенно теряет смысл? В самом деле, нынешняя война между косками, с одной стороны, в наибольшей степени затрагивает престиж как раз верховного главы мафии; с другой — она оказывает на него новое и неожиданное воздействие. В 1979—1980 годах Розарио ди Маджо, глава коски Пассо ди Ригано (район в окрестностях Палермо), уступил власть Тотó Индзерилло и после «отречения» удалился в деревню для спокойной жизни. Это — вещь совершенно невероятная (полиция располагает тем не менее многочисленными данными, придающими истории правдоподобный характер): впервые за два века глава мафии при жизни отказывается от власти и от своего положения «босса». Была по всем правилам проведена «передача дел», и магическая власть перешла от одного «крестного отца» к другому, как будто речь идет об обычной сделке.

Однако происходят и еще более впечатляющие вещи. Все мы убеждены в том, что сицилийская мафия распространила свое влияние и заняла господствующее положение среди преступного мира в ряде районов континентальной Италии, устраивая настоящие войны, совершая убийства либо применяя другие формы насилия. Считается, что таким образом мафии удалось подчинить себе калабрийскую ндрангету, неаполитанскую каморру, миланскую малу, а также проникнуть в мир буржуазии различных городов Италии (Рима, Милана, Турина, Ге-

нуи). Однако из сообщений печати, данных судебных органов 1982 года вырисовывается иная картина. В Палермо орудуют преступные группы, происходящие из Катании. В этом городе всегда существовала своя особая форма жесточайшей организованной преступности. Однако она никогда не имела ничего общего с мафией, возникшей и действовавшей всегда только в Западной Сицилии. В ходе проходящего в Палермо одного из крупнейших и важнейших процессов по делу о международной торговле героином в качестве обвиняемых выступают в равной степени главари как сицилийской мафии, так и калабрийской ндрангеты, имеющей ответвления и в Неаполе. Как следует из материалов процесса, никакого иерархического подчинения между ними не устанавливалось. В Палермо в области строительства («территория», власть над которой осуществляет исключительно сицилийская мафия) самые крупные сделки, начиная от подрядов и субподрядов на строительство общественных зданий, осуществляют фирмы из Катании.

Впервые за два века существования мафии «чужаки» запускают руку и «урывают кусок от палермского пирога». Этого не могло произойти без согласия и активного участия в этих делах палермских боссов мафии. Сейчас мы не будем пытаться отыскать причины войны, которую мафия ведет в Палермо вот уже почти четыре года. Подобный поиск более подобает вести органам правосудия. Ясно однако, что состав «семьи» изменился. Сицилийский главарь мафии объединился с калабрийцами из ндрангеты, неаполитанскими «каморристами» и бандитами из Катании. Речь не идет здесь об эпизоди-

ческих контактах либо каких-то отдельных сделках. Организованная преступность Палермо, Калабрии, Неаполя, Катании объединилась на прочной основе, для того чтобы общими усилиями поставить под совместный контроль международную торговлю героином и вытекающие из нее прочие незаконные махинации, среди которых — вложение «грязных» денег в законный бизнес. Затем этот вновь созданный альянс начал борьбу, с тем чтобы уничтожить образовавшиеся тем временем другие коалиции, которые заключили иные группировки в Палермо с другими «чужаками». Именно этими обстоятельствами объясняются специфические особенности войны, которую ведут ныне мафиози.

3 сентября 1982 года в Палермо от рук мафии пал генерал Далла Кьеза — самая видная жертва мафии за последние годы. Все газеты опубликовали сообщения о том, что убийство было совершено по приказу «босса» из Катании. Главарь мафии, стремящийся увеличить доходы от торговли героином, не испытывал при этом никаких угрызений совести. Он порвал свои кровные узы и объединился с преступниками из Калабрии, Неаполя, Катании. А поскольку главари мафии-«буржуа» не признают моральных законов, вытекающих из кровных связей между членами семьи, соглашения, которых удаётся достичь между враждующими группировками, остаются в силе не более нескольких месяцев. Возможностей для возобновления «боевых действий» между косками становится все больше и урегулировать конфликты становится все труднее. Тем временем новая мафия продолжает усеивать Палермо «сиятельными трупами», так что кажется, что

уничтожение главарей — единственный путь к неосуществимому миру в мире мафии.

Все вышеперечисленные элементы, начиная с полноправного вхождения в группы мафиози иногородних, позволяют утверждать, что сегодня «семья» все больше превращается в банду. С каждым днем все в большей степени проявляется то, что в свое время уже произошло в среде сицилийских мафиози, эмигрировавших в США. «Возникают новые связи родственного типа и новая иерархическая модель организации». Она продолжает объединять между собой людей, связанных прежними кровными узами: «банду мафиози». Для этой банды «территорией», где она осуществляет власть, а следовательно, и самой природой этой власти все в большей степени становятся деньги. Отношения между новыми членами, а также между рядовыми членами и боссами еще в большей степени, если это возможно, связаны с конкретными лицами. Надо учитывать, что кровные семейные связи рвутся. Богатый нюансами спектр отношений, на которых строилась жизнь прежней семьи, уступает место одному очень несложному принципу: эффективности. Главным становится стремление добиваться желаемого результата любой ценой.

Но это вовсе не означает, что мафия умирает.

Безудержный индивидуализм, безумная жажда власти, присущие мафиози, и как следствие отсутствие каких-либо идеологических основ либо нравственных ценностей привели к тому, что новая мафия добилась максимального расширения власти мафиози за всю историю ее существования. Повсюду

сицилийского мафиози сопровождает насилие — способ устанавливать взаимоотношения с внешним миром, являющийся для него естественным. Однако современный мир не имеет границ. То, что происходит в Нью-Йорке, рикошетом отражается в Палермо, а после этого — в Париже. Сицилийский мафиозо усвоил обычаи и нравы других народов и в то же время передал им свои собственные. В результате этого обмена специфическая форма насилия сицилийской мафии приобрела черты, характерные для других стран (гангстеризм). Для достижения власти мафия объединила собственное насилие с насилием других социальных групп. В этом соединении опыта различных преступных групп сицилийский мафиозо привносит во вновь возникающую «мафиозную банду» черты, которые у него в крови: «верность семье, умение вести себя по-мужски, сохранение тайны».

Кризис, переживаемый семьей, показывает, что новая мафия — это уже более не «ответ на изменившиеся условия, которого ждали и требовали в мире организованной преступности» тогда, когда старая мафия представляла собой весьма оригинальную форму субкультуры насилия. Сегодняшние мафиози с бандами нового типа представляют собой «статистически обусловленную реакцию» по отношению к окружающему их миру, в который они внедрились в качестве полноправных членов.

Никого не удивило, когда в конце лета 1982 года, сразу же после убийства Далла Кьезы, итальянский парламент принял закон (проект его был в свое время выдвинут депутатом-коммунистом Пио Ла Торре, который также был убит мафией), согласно

которому был сформулирован новый вид преступления: преступное сообщество типа мафии.

Впервые слово «мафия» попало таким образом в итальянский уголовный кодекс. Закон носит общенациональный характер и применяется как в Палермо, так и в Аосте, как в Лечче, так и в Больцано. Таким образом, каморру, орудующую в Неаполе, и ндрангету, действующую в Калабрии, будут судить в соответствии с положениями, направленными против сицилийской мафии. Более того, по новому закону за создание преступного сообщества «типа мафии» могут быть осуждены и жители Альто Адидже, где большинство населения говорит на немецком языке. Если в 1982 году итальянский уголовный кодекс впервые дал определение мафии как преступного сообщества, то в самом законе слово «мафия» употреблено как синоним сочетания «мафиозная банда» либо «преступная организация», и следовательно, по обвинению в принадлежности к мафии могут быть привлечены к ответственности люди, не имеющие к ней никакого отношения.

IX. ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ ИЗ МИРА МАФИИ

В апреле 1982 года итальянское правительство назначает префектом Палермо генерала корпуса карабинеров Далла Кьезу.

До этого Карло Альберто Далла Кьеза был одним из главных действующих лиц в ходе борьбы против терроризма. Для решения этой задачи в его распоряжение государством были предоставлены такие средства и даны такие полномочия, которые выходили далеко за рамки обычной практики полицейских операций. Отныне же Далла Кьеза — обычный префект, не отличающийся от других. Он не наделен особой властью для ведения борьбы против мафии. При этом даже не ставится вопрос, следует ли наделять «особыми полномочиями» одного-единственного человека. Однако все ожидают, что Далла Кьеза с согласия правительства страны поведет войну и против мафиози.

30 апреля 1982 года, накануне Международного дня солидарности трудящихся, мафия убивает в Палермо Пио Ла Торре — депутата парламента, секретаря областной федерации Итальянской коммунистической партии.

Почему был убит именно Ла Торре?

Первая мысль, которая приходит в голову: традиционная ненависть и жестокость,

которую мафия проявляет в отношении коммунистов, рассчитывая таким путем «выслужиться» перед правящим классом и добиться полной безнаказанности. Кроме того, обстоятельствами, «отягчающими» вину Ла Торре в глазах мафиози, было, во-первых, то, что 31 марта 1980 года именно он представил в парламент проект особого закона, направленного против мафии. Согласно этому закону, вводилось обязательное наложение ареста на имущество мафиози и их родственников.

Во-вторых, Ла Торре возглавлял на Сицилии получившее международный размах движение против размещения на острове, в Комизо, американских ядерных ракет. Деятельность Ла Торре могла задержать эту операцию на годы. В результате подряды на строительство, которое неизбежно начнется в Комизо, исчисляемые сотнями миллиардов лир, могли на годы остаться без хозяина — без того хищника, который на Сицилии именуется «предпринимателем-мафиозо». Ла Торре проявлял решимость и покушался на святая святых мафиози — на их деньги. И они отомстили ему.

Третье соображение, неотделимое от других, связанных с убийством Ла Торре, прямо и непосредственно касается Далла Кьезы. Кого бы удивило, если бы христианско-демократическая и коммунистическая партии — две крупнейшие политические силы Италии — после убийства Ла Торре и председателя областной джунты Сицилии христианского демократа Пьерсанти Маттареллы выступили за то, чтобы полиция приняла в Палермо решительные меры против мафии. Много ли надо для того, чтобы отправить за решетку сотню мафиози? Достаточно взять

самых закоренелых убийц, ведущих непрерывную войну, начиная с 1980 года. Разве не с этой целью направлен в Палермо Далла Кьеза? Однако посадить в тюрьму в считанные дни еще сотню мафиози означает создать, по крайней мере на ближайшие 30 лет, просто неразрешимые проблемы для системы итальянского правосудия, и без того находящегося на грани развала. Проведение государством более жесткой политики в отношении мафии вызвало бы еще и такие последствия, которые нельзя рассматривать как второстепенные: общественное мнение было бы удовлетворено тем, что сотня опаснейших мафиози оказалась за решеткой, однако сотня других предпринимателей-мафиози ощутила бы полную свободу и возможность вольготно распоряжаться накопленными сотнями миллиардов без опасений быть «побеспокоенными» своими конкурентами — «кровными родственниками», оказавшимися за решеткой. Не стали бы беспокоить их и десятки судей и следователей, единственной заботой которых на ближайшие 20 лет стали бы дела сотни арестованных мафиози.

Далла Кьеза знает, что такое мафия. Как настоящий профессионал, он испытывает желание нанести ей чувствительный удар. В конце концов убийства, даже и видных деятелей, составляют гораздо меньше 10% общего числа преступлений, которые совершаются мафией каждый год.

Далла Кьеза намерен нанести удар в сердце мафии: расследовать международную торговлю героином и связанные с этим валютные операции. С этой целью он обращается к итальянскому правительству с

просьбой предоставить ему «полномочия общенационального масштаба» для ведения борьбы с мафией. Он хочет, находясь в Палермо, расследовать преступления мафиози в Бари, Неаполе, Триесте, Милане, Турине.

Однако давал ли кто-либо Далле Кьезе подобное задание, направляя его в Палермо?

Возможно, что за этим стоят социалисты (однако это скорее предположение, нежели уверенность), пользовавшиеся в этом мощной поддержкой со стороны ИКП. Напомним, что социалистическая партия входит в правительство вместе с христианско-демократической партией.

Как бы то ни было, фактом остается то, что из Рима в Палермо отправляется министр финансов, социалист Формика. В своих выступлениях в столице Сицилии он восхваляет деятельность финансовой гвардии, которая самостоятельно, еще до приезда в Палермо Далла Кьезы, стала накладывать аресты на имущество мафиози. 2 сентября 1982 года (за сутки до убийства Далла Кьезы) в выступлении по телевидению Формика присовокупляет к похвальному слову о финансовых гвардейцах и префекта Далла Кьезу.

Определенные круги в христианско-демократической партии стремятся, однако, помешать деятельности Далла Кьезы. 4 апреля 1982 года мэр Палермо — христианский демократ — заявляет: «Одного, даже очень выдающегося человека, недостаточно. Для осуществления вмешательства необходимы соответствующие средства и возможности. Государству нужно хорошо понять, что проблема Сицилии — это не такой вопрос,

который можно решить с помощью одной только полиции».

На председателя областного совета Сицилии никогда не распространялось действие статьи 31 Основного закона области, согласно которой на него возлагается ответственность за поддержание общественного порядка. Государство так и не приняло соответствующих постановлений, без которых ст. 31 остается пустым звуком. Пользуясь этим, руководители ХДП на Сицилии возражали против наделения Далла Къезы в Палермо «общенациональными» полномочиями, так как, помимо всех других последствий такого решения, сицилийские органы самоуправления не смогли бы контролировать действия генерала, не обладая в масштабах страны никакой формальной властью. Мэр Палермо Мартеллуччи выдвигает в этой связи план осуществления постепенных реформ, который можно назвать планом революции, которая никогда не произойдет. В нем говорится о необходимости изменить социально-экономическую структуру, усилить государственные органы и выделить дополнительные средства для борьбы с мафией. Этого последнего слова «мафия» Мартеллуччи, правда, никогда не произнесет вслух.

Тем временем проходит месяц за месяцем, но отыскать след убийц Ла Торре не удастся. В июне 1982 года полиция Палермо называет имена 162 мафиози, которые одерживают верх в войне 1980—1982 годов между кланами мафии. 16 июня 1982 года неизвестные открывают огонь по карабинерам, конвоирующим в тюрьму бандита из Катании Ферлито. Он убит в перестрелке: убийцы были подосланы, чтобы расправиться имен-

но с ним. Далла Къеза понимает, что итальянское правительство, где большинство составляют христианские демократы и возглавляет которое лидер республиканской партии Джованни Спадолини, буквально не знает, что с ним делать. Конечно, ни один министр самостоятельно не назначил бы генерала корпуса карабинеров на такую должность, как префект Палермо, в обязанности которого входит непосредственное участие в решении сложнейших проблем административного характера, связанных с вопросами взаимоотношений итальянского государства с местными органами самоуправления автономной области Сицилия. Для того чтобы справиться с этой задачей, необходим прежде всего значительный опыт в весьма тонкой и сложной области административного права.

Некоторые члены правительства явно не хотели, чтобы Далла Къезе удалась его миссия, и не позволяли ему сосредоточиться на борьбе с мафией. Другие же считали, что он должен полностью посвятить себя этой борьбе. В ожидании, пока решится вопрос, будет ли разрешено Далла Къезе — префекту — выступить также и в роли карабинера, его связывают по рукам и ногам административно-юридической работой, которая мешает ему действовать против мафии достаточно эффективно.

Он принимает решение подтолкнуть правительство. И здесь Далла Къеза совершает ошибку, которая станет решающей для его личной судьбы. Для того, чтобы вынудить министров принять решение, Далла Къеза открыто делится с журналистами мыслями о мафии и о себе самом. На эту тему с ним беседуют Джорджо Бокка и Камилла Чедер-

на — те самые журналисты, которые в период борьбы с терроризмом критиковали Далла Кьезу, не любившего давать общественности громких обещаний.

После убийства Далла Кьезы его сын Нандо напомнит, что тот называл «историческим» свое интервью Бокке, опубликованное газетой «Република» 10 августа 1982 года. Эти газетные строки действительно исторические. В интервью Далла Кьеза показывает, что полностью понял суть сегодняшней мафии, хотя и не называет конкретных имен, а также, проявляя рассудительность и серьезный подход к делу, не выдвигает публично предположений, идущих слишком далеко. Главное — это то, что он предельно ясно представляет, в чем состоит существо проблемы: в борьбе против терроризма он знал, что его поддерживает вся нация. Теперь же в борьбе против мафии он знает, что ведет ее в совершенном одиночестве. Поэтому он просит у правительства чрезвычайных полномочий и средств. «Република» — газета, выражающая взгляды левых сил Италии, возможно, и несколько неодобрительно отнеслась к высказываниям Далла Кьезы. Однако в конце концов она полностью принимает необходимость безотлагательно наделить одного деятеля чрезвычайными полномочиями (такими, которые никогда никому не предоставлялись в истории послевоенной Италии) для ведения борьбы против мафии в общенациональном масштабе. «Република», таким образом, передает слово правительству. Как газета, так и Далла Кьеза не могли, однако, не обратить внимания еще на один новый момент. В те дни должно было быть сформировано новое правительство.

Дж. Спадолини незадолго до этого подал в отставку. Это решение было принято после того, как ряд депутатов от партий правящей коалиции (возможно, от ХДП) проголосовал против правительственного законопроекта о налогообложении, представленного министром-социалистом Формикой. В результате он был провален. На следующий день после убийства Далла Кьезы Бокка в статье, опубликованной в «Республике», вспомнит, как в ходе «исторического» интервью с Далла Кьезой тот говорил о появившемся у него чувстве, что к возникновению правительственного кризиса приложили руку и «четыре-пять депутатов-мафиози». Законопроект о налогообложении, предложенный Формикой, в известной мере подрывал власть сборщиков налогов на Сицилии, где эти функции по поручению государства выполняли частные лица — легендарные братья Сальво, которые уже давно заявляли, что чуть ли не с рождения являются христианскими демократами: На следующий день после публикации интервью Карло Альберто Далла Кьезы «Республика» поместила сообщение о том, что после того, как мафией было совершено очередное убийство, в редакции одной из газет Палермо раздался телефонный звонок. Незнакомый заявил: «Операция «Карло Альберто» продолжается».

13 августа газеты сообщили, что министр внутренних дел Роньони и председатель сената Фанфани выступают против наделения Далла Кьезы «общенациональными» полномочиями. Аналогичное заявление сделает в эти дни и заместитель министра внутренних дел депутат Санца в интервью еженедельнику «Мондо».

3 сентября мафия убивает в Палермо Далла Кьезу. Убийцы не пощадили и находившуюся вместе с ним молодую жену.

После этого события Италия всколыхнулась. С необычайной быстротой новое правительство, возглавляемое тем же Спадолини, сформированное буквально за несколько часов до этого, 5 сентября создает пост верховного комиссара по борьбе с мафией. На эту должность назначается начальник секретных служб. Одновременно он назначается префектом Палермо и получает «общенациональные полномочия», о которых Далла Кьеза пять месяцев только мечтал.

Многие считают, что кто-то в высших эшелонах государственной власти «продал» Далла Кьезу мафиози. Все эти события произошли в стране, пережившей десятилетний период широкого разгула терроризма. Внимание людей, таким образом, концентрируется не только на том характере, который неизбежно примет расследование убийства супругов Далла Кьеза, но и на поиске убийц. Особый интерес вызывает проблема взаимоотношений государства и мафии.

Любопытно, что первым, кто выступил против «вызова, брошенного преступностью государству» (так охарактеризует 4 сентября убийство супругов Далла Кьеза газета «Коррьере делла сера»), был епископ Палермо, кардинал Паппалардо. Еще весной 1982 года он выступил с мессой, которая против его воли получила название «месса-антимафия». Кардинал осудил в ней мафию, используя высказывания из евангелия. Во время похорон супругов Далла Кьеза он не прибегает к бесполезным намекам на мафиози, но решительно заявляет, что сохраняет

свою силу отлучение от церкви, провозглашенное епископами Сицилии в 1944 и 1950 годах в отношении непосредственных исполнителей и организаторов убийств вообще. И все же он не решается подвергнуть отлучению всех, кто принадлежит к мафии. В ноябре 1982 года Палермо с пастырским визитом посещает папа Иоанн Павел II. От занимающего папский престол поляка Войтылы можно было бы ожидать открытого осуждения мафии. Но хотя он и проявляет решимость в отношении к преступности в целом, из его речи в Палермо 22 ноября 1982 года был исключен фрагмент с осуждением закона круговой поруки. Эта часть выступления содержалась в тексте выступления папы, розданном до этого сопровождавшим его журналистам.

Больше месяца после убийства Далла Кьезы продолжается полемика в средствах массовой информации Италии. Как обычно, выдвигаются обвинения в адрес христианско-демократической партии. В одной из телепередач видный деятель ХДП Джулио Андреотти с такой страстью защищает своих сторонников в Сицилии от обвинений в потворстве мафии, что остается только задаться вопросом: уж не пора ли начать приглашать на телевидение самих мафиози, чтобы они защищали себя от обвинений в потворстве кому бы то ни было?

Действительно, потрясение, вызванное убийством Далла Кьезы, было сильнейшим. Ни одна политическая группировка, даже те, в рядах которых прочно укрепились мафиози, не могла не выразить обеспокоенности.

В этих условиях 13 сентября 1982 года парламент принимает новый закон № 646,

направленный против мафии. В его основу лег проект, представленный двумя годами ранее коммунистом Ла Торре. Закон составлен достаточно обстоятельно и может хорошо сработать. В политическом плане самым важным элементом этого закона является то, что на исполнительную власть (правительство) возлагается обязанность вести тщательное расследование преступлений мафиози, используя при этом наложение ареста на их имущество. Проблема теперь заключается в том, намерены ли власти на самом деле выступить против мафии, и если намерены, то каким образом они собираются сделать это. Как бы то ни было, новый закон предусматривает учреждение парламентской комиссии, в задачу которой входит контроль за деятельностью правительства в этой области. Конечно, после убийства Далла Кьезы немало итальянцев ожидали от властей каких-то впечатляющих действий. Многие думали, например, что по улицам Палермо чуть ли не на следующий день проведут в наручниках не менее пятисот мафиози.

По мнению этих людей, нечто подобное стало бы доказательством того, что проблеме ликвидации господства мафии уже пытаются решить.

После того как 7 сентября 1982 года сын Далла Кьезы заявил, что моральными организаторами убийства были палермские политики из ХДП, дискуссия сосредоточилась главным образом на роли Сицилии как родины и родного дома всей мафии.

Между тем лозунг «держи мафиозо-сицилийца» хорош только для того, чтобы в очередной раз задеть гипертрофированную гордость жителей острова. В ответ на оскор-

бление, нанесенное «честь острова», может последовать только грубая и дерзкая реплика из местного «театра кукол». Его постановки средний сицилиец, в том числе и мафиозо, научился копировать в своей повседневной жизни. В ответ на гневные обвинения сына Далла Къезы в бой вступает мэр Палермо, христианский демократ Мартеллуччи. Однако, даже выступая по телевидению, он ни разу не употребил слово «мафия». Итальянцы, таким образом, так и не узнают мнения о мафии очевидца, каким является мэр Палермо. По существу, Мартеллуччи вновь и вновь пытался доказать, что Сицилия — вовсе не то место, где мафия пустила глубокие корни.

Однако в 1982 году уже никто больше не может заявить, будто деятельность мафии ограничивается одной Сицилией. Еще в 1976 году на это обратил внимание тогдашний мэр Милана, социалист Альдо Аниази, впоследствии неоднократно входивший в качестве министра в правительство. Об этом он сказал на одном симпозиуме, проходившем в Реджо-ди-Калабрия. Полемизируя с лидером партии пролетарская демократия Марио Капанной, нарисовавшим в своем выступлении на том же симпозиуме с большим размахом картину развития мафии как результата «эволюции отсталости Юга», Аниази счел своим долгом сказать о «степени глубокого проникновения мафии в социально-экономическую жизнь области Ломбардия». Аниази признал, что мафия со своими «гегемонистскими замыслами» в отношении Милана, с торговлей наркотиками и похищениями людей сыграла на «новом этапе стратегии важную роль создания напря-

женности». Иными словами, Аниази указал, что мафия, укрепив свои позиции в Милане, способствовала росту общей политической неуверенности в городе, где уже в 1976 году царил разгул терроризма. Аниази понимал, что крупный успех, которого мафия добилась на севере страны, тесно связан со «знаменитой жизненной силой, кроющейся в экономических и имущественных рычагах, которыми располагают мафиози». Однако он — один из лучших знатоков миланской действительности — так же ясно и определенно признал, что в отношении мафиози, укрепившихся на Севере Италии, проявляется «сочувствие и, конечно же, существуют союзы, стоящие на их стороне на различном уровне (вне мира преступности), хотя это и невозможно установить с точностью».

И действительно, уже давно миланские судьи Каицци и Туроне, которые вели упоминавшийся выше процесс Лучиано Лиджо, предупреждали относительно того, что мафиози «незаметно и почти неощутимо проникли в Милан, маскируя свою деятельность под законную». И именно Каицци и Туроне обнаружили у мафиози, арестованных в Ламбардии, визитные карточки местных политических деятелей.

Как политик, Аниази должен был отметить некоторые, весьма примечательные факты. Во-первых, что проникновению мафии в Северную Италию помогали очень влиятельные силы. Были приняты меры, с тем чтобы практически лишить силы постановление о высылке в места обязательного проживания, принятое в отношении почти тысячи мафиози, направленных в Ломбардию. Мафиози был облегчен доступ в «золо-

той храм» — банки Ломбардии. (Имеются в виду частные банки. Некоторые из них к этому времени уже находились в руках сицилийцев.) Законным путем создавались всевозможные льготы для торговых связей любого рода между Северной и Южной Италией. Во-вторых, то, что многие мафиози были уже достаточно хорошо подготовлены для того, чтобы в 1976 году занять господствующее положение на севере в области строительства и особенно успешно действовать в сфере подрядов на строительство общественных зданий.

Довершая картину проникновения мафии на Север Италии, Аниази еще в 1976 году заявил, что она «обеспечивает себе господство с помощью поддержки, которую оказывают ей [политические круги], заинтересованные в вербовке сторонников».

Сегодня имеется достаточно данных, для того чтобы понять, что за карьерами некоторых политических деятелей, сделанных ими на севере, стоят мафиози. Мафия теперь имеет прочные позиции в Северной Италии, располагая и здесь предприятиями, приносящими ей миллиарды. Возможно, что она заключила необходимые соглашения и договоры с местными властями. В районах, центрами которых являются такие крупные города, как Милан, Турин, Генуя, уже невозможно говорить о существовании четкой и вполне определенной культуры правящих классов, которой противостоит столь же четко определенная культура подчиненных классов. Более правильным будет рассматривать Милан, Турин и Геную как места, где целый ряд социальных меньшинств борется за то, чтобы в будущем достичь новой

стабильной и долговременной расстановки сил в обществе. Одно из таких меньшинств—это группы южан. Им уже неоднократно удавалось добиться избрания мэром того или иного населенного пункта на севере своего представителя. Самое малочисленное из этих меньшинств—это мафиози. Они проживают на севере только с 1960 года, то есть около 20 лет. Таким образом, не будет слишком смелым предположить, что в органах местного самоуправления на севере есть по крайней мере несколько представителей мафиози либо тех, кто уже установил с мафией отношения по принципу «ты—мне, я—тебе».

Анализируя бюрократический аппарат на Севере Италии, можно было бы также найти подтверждение тому, что сицилийская мафия—это проблема общенационального характера.

При любом разговоре на тему о насилии мафии в мире наших дней следует оговаривать, что это относится ко всей Италии в целом.

«Убит босс мафии»; «сведение счетов»; «завяла „черная примула“» — вот те выражения, которыми пользовались газеты и телевидение, комментируя самые зверские и невероятные убийства. На свет извлекались остатки манерного романтизма, и в отчаянной попытке возродить миф о Робин Гуде газетные полосы и телеэкран, представляющие любого бандита-мафиозо как «злого гения» или «короля преступного мира», окруженного тремя-четырьмя прекрасными «ангелами», подавали все это как своего рода гарнир, предназначенный, возможно, для читателей и телезрителей женского пола.

Так создавался миф о гангстерах-мафиози. Многие из них предстали перед нами, запечатленные на групповых фотографиях, как футбольные команды. Газеты, публиковавшие эти фото, не скрывали своего удовольствия, когда силы правопорядка производили их аресты при неизменном стечении фото- и телерепортеров. При этом читатель газет приходил к убеждению, что, несомненно, существует значительное различие как в культурном, так и в общем плане между рядовыми гражданами и мафиози. Получалось, что последние—это отвратительные грубые южане из какой-то доисторической эпохи.

На страницах итальянской прессы, писавшей в последнее десятилетие о новой мафии, утверждается также «миф о гангстере-мафиозо—благодетеле города», поскольку «существует спрос на определенные блага и услуги, который не может быть удовлетворен в рамках законности». Кто-то же должен торговать героином, учитывая, что, согласно нынешнему итальянскому законодательству, приобретение наркотиков не возбраняется; кто-то должен позаботиться о том, чтобы дать нам возможность испытать волнение от азартных игр, учитывая, что в трех городах Италии они разрешены законом; кто-то должен «позаботиться» о проститутках, число которых в Италии увеличилось (и не случайно) одновременно с либерализацией нравов; всегда есть спрос и на человека, умеющего убивать; надо иметь под рукой и такого, кто делает фальшивые документы и облигации. Гангстер-мафиозо—больше не чужой человек для любого итальянца.

С 1965 по 1975 год в Италии сократилось

число преступлений против жизни. За эти десять лет число умышленных убийств в стране с населением, превышающим 50 млн. человек, не превышало 700—800 в год по сравнению с более чем 2500 убийствами, совершавшимися ежегодно в промежуток между 1900 и 1910 годами, когда население страны достигало всего лишь 35 млн. человек.

В пятилетний период с 1966 по 1970 год впервые в истории Италии совершается в среднем менее одного убийства на каждые 100 тыс. жителей. Впервые в тот же самый период в ФРГ совершается больше убийств, чем в Италии. За десятилетний период с 1965 по 1975 год по количеству умышленных убийств Италия занимает одинаковое положение с другими странами Западной Европы (ФРГ, Франция, Великобритания). До 60-х годов статистика убийств сближала Италию со странами Юго-Восточной Европы (Югославия, Греция, Болгария), где, как правило, совершалось почти в два раза больше убийств, чем в остальных странах Европы.

За тот же период (1965—1975 годы) по числу умышленных убийств Италия значительно отстает от Соединенных Штатов, где только в четырех городах — Детройте, Кливленде, Чикаго, Нью-Йорке — убивают гораздо больше людей, чем во всех странах Западной Европы, вместе взятых. Более того, если с 1960 по 1970 год в Италии число совершаемых убийств сокращается, то в тот же период в США оно почти удваивается.

Сицилийская мафия также приспособляется в своей деятельности к снижению числа убийств в Италии.

С 1970 по 1975 год в Италии в общей

сложности было совершено 3615 умышленных убийств. На Сицилии за этот период совершено всего 365 убийств, распределяющихся следующим образом: Трапани—71, Кальтаниссетта—29, Агридженто—90, Палермо—175. В «треугольнике мафии» (Палермо—Трапани—Агридженто) было совершено на 90% меньше убийств, чем их совершалось в том же районе с 1905 по 1910 год, когда в общей сложности в Палермо, Трапани, Кальтаниссетте и Агридженто было совершено 3785 убийств. Не случайно, что снижение сказалось и на сельской местности, в которой действует мафия. В районе Кальтаниссетты в 1905—1910 годах совершалось 120—130 убийств в год, в то время как начиная с 1970 года—в среднем 12—13.

Если в 1906—1910 годах Сицилия давала более 20% общего числа убийств в стране, то в 1971—1975 гг. убийства, совершаемые в «треугольнике мафии», составляют только около 10% от общенационального показателя. Результат не меняется, если даже к убийствам, совершаемым в районе Палермо — Кальтаниссетта — Трапани — Агридженто, мы прибавим убийства, за которыми наверняка стоит мафия, однако совершенные в других районах Италии. Несмотря на шум, поднимаемый печатью, на Севере Италии мафия совершает ежегодно не более десяти убийств.

Деятельность мафии не вызывает увеличения этих показателей даже тогда, когда начиная с 1976 года положение в этой области начинает меняться к худшему повсеместно в Италии.

1975 год: по всей стране совершено 739 убийств.

1976 год: число убийств составило 1067.

С 1976 по 1981 год в Италии было совершено 6700 убийств. Наивысший показатель был достигнут в 1977 году — 1193 убийства. Средний показатель за эти годы составил 1100 случаев в год.

В Сицилии (к сожалению, официальных данных за 1977 год не имеется) с 1976 по 1981 год (без 1977 года) было совершено 650 убийств. Максимального значения этот показатель достиг в 1981 году (188 убийств за год), когда только в Палермо было убито 122 человека.

Что же произошло в роковом 1976 году?

Вероятно, он ознаменовал момент, когда в совокупности дал о себе знать целый ряд причин и противоречий, годами накапливавшихся внутри итальянского общества.

Между 1960 и 1970 годами усилия итальянцев были сосредоточены на том, чтобы успеть получить свою долю благ от 'так называемого «экономического чуда». В те годы доход итальянцев значительно возрос (это прежде всего касается наиболее состоятельных классов). Одновременно резко возросло количество и качество рабочей силы. Ее порождало само итальянское общество, главным образом наиболее бедные его слои.

Улучшение экономического положения стало детонатором, вызвавшим разрушение прежней социальной организации итальянского общества.

Было покончено с господством религиозной идеологии, служившей для итальянцев моделью образа жизни. Влияние католической церкви, несмотря на огромный путь модернизации, проделанный ею от контрреформации до второго Ватиканского собора,

упало: всего лишь 20—30% итальянцев-католиков посещают церковь. В 70-е годы в Италии—одной из самых католических стран мира, где находится папский престол—в результате общенародных референдумов 70% населения высказываются в поддержку принятых ранее парламентом законов, разрешающих сначала разводы, а затем—аборты.

Были буквально потрясены устои патриархальной семьи—одного из важнейших механизмов, служившего в старом обществе для передачи господствующей идеологии от поколения к поколению. В так называемой простой семье, состоящей только из родителей и детей, во главу угла ставятся интересы личности: именно они определяют поведение семьи в целом.

В Италию, как и в другие индустриальные страны, проник дух общества потребления. Прилагались усилия к созданию полной занятости для всего трудоспособного населения, с тем чтобы максимально увеличить покупательную способность каждого итальянца, которого влекла назойливая реклама товаров широкого потребления.

Дух потребления, свойственный индустриальному обществу, вызывает в свою очередь новые перемены. Труд как смысл жизни (но так же как и вынужденная жертва, приносимая для того, чтобы жить) заменяет личная карьера и повышение личного благосостояния. Нынешний уровень благосостояния, достигнутый обществом, рассматривается как очевидный и неизменный. Изучаются новые методы образования социальных групп, обсуждаются вопросы перераспределения доходов всего общества.

Новые противоречия возникают тогда, когда к началу 70-х годов в Италии начинают проявлять активность молодые люди, родившиеся накануне или в годы экономического бума. В этот момент прежние структуры и общественные нормы вступают в полосу кризиса, который, возможно, носит необратимый характер. Тем временем энергетический кризис 1972—1973 годов приводит к тому, что благосостояние итальянцев все в большей степени подрывает инфляция, темпы которой начинают превышать 20% в год. Рушится и миф о полной занятости.

Одновременно по всей Италии растет преступность. В 1970 году в стране было совершено 598 880 имущественных преступлений, среди них—3170 ограблений и похищений людей с целью получения выкупа. В 1976 году эта цифра, неуклонно возрастая, составила уже 1 711 865. Только ограблений было совершено 10 691, в то время как число похищений людей составило 277.

К этим огромным цифрам следует добавить около 30% мелких краж, совершаемых в крупнейших городах (Милан, Рим, Турин), по поводу которых никто уже даже не обращается в полицию.

Это явление, естественно с учетом специфики каждой отдельной страны, имеет место во всей Западной Европе. В Италии, как и во всем так называемом «цивилизованном обществе», с точностью подтвердились предположения, высказанные еще в конце прошлого века итальянцем Полетти, считавшим, что рост благосостояния несет с собой и рост преступности.

Объективно сложившееся положение усугублялось действиями итальянского пра-

вительства. Правящие круги сохранили механизм власти (легендарную «комнату с кнопками», из которой, по словам социалиста Ненни, можно править всем обществом) без всяких перемен, в том виде, в каком он действовал в 1950 году. Они воспрепятствовали доступу к нему представителей менее имущих классов и никак не прореагировали на то новое, что происходило в обществе и было заметно уже в 1970 году. Власти приняли не один закон, учитывая новые запросы, но в то же время они оставили в силе уголовное законодательство, созданное фашистским режимом еще в 1930 г. Используя некоторые положения фашистского законодательства (и следовательно, открыто относясь более благосклонно к господствующим классам), власти управляли индустриальным обществом 80-х годов XX века. Народное согласие и поддержка народом государства уменьшились. Государство все меньше вызывало страх у граждан. Некоторые группы частных лиц не исключали из своих планов намерения заменить собой государство. В 1982 году ряд богатых римлян сообщил о том, что ими уже собрано 12 млрд. лир, которые они готовы передать тому, кто способен положить конец непрекращающимся похищениям людей в итальянской столице. Одновременно как грибы растут частные полицейские службы, финансируемые почти исключительно банками.

Последний мазок на завершенную картину кладут террористы. Именно они в 1976 году перешли к убийствам (в Генуе «красные бригады» убивают прокурора Коко, в Риме неофашисты из «Ордине нуово» убивают судью Оккорсио).

Таково было положение с итальянской преступностью в 70—80-е годы. Свою роль в ней играет также и сицилийская мафия. Причины и обстоятельства, вызывающие рост насилия в Италии, действительно многочисленны. И если сицилийская мафия означает насилие, то не все насилие — дело рук мафии.

После 1970 г. в общенациональном масштабе активизируются и другие преступные группы.

Наибольших успехов в этот период добивается калабрийская ндрангета. Эта организация, как и мафия, имеет столетнюю историю. Ее всегда отличало умение внедряться в хитросплетения политической жизни области Калабрия. Члены ндрангеты, имея сильнейшие позиции в своих родных местах, приняли участие в переселении в северные области страны, охватившем массы южан начиная с 1960 года. В 70-е годы Ломбардия и Пьемонт стали ареной не одной войны между сицилийскими и калабрийскими кланами с соответствующими жертвами. Одновременно между ними заключались и союзы, для того чтобы беспрепятственно заниматься вымогательством и похищениями людей. В конце 70-х годов представители мафии и ндрангеты заключили соглашение, предусматривавшее «раздел» по некоторым областям международной торговли героином.

Так же начиная с 1970 г. с новой силой проявила себя другая преступная организация, история которой тоже насчитывает более ста лет — неаполитанская каморра. После того как государство выделило около 50 триллионов лир для оказания помощи и строительных работ в районах Кампании и

Базиликаты, пострадавших от землетрясения в ноябре 1980 года, каморра превратилась в организацию, на долю которой приходится немалая часть совершаемых в Италии насильственных преступлений. В 1981 году в Кампании было совершено свыше 300 убийств, в 1982 году несколько «каморристов» с оружием в руках штурмовали здание муниципалитета в городке под Неаполем в лучших традициях «дикого Запада».

С 1970 по 1980 год главное внимание средств массовой информации было, однако, почти исключительно сосредоточено на «красном» и «черном» терроризме. Вниманию к себе в отличие от уголовных преступников террористы обязаны тем, что их деятельность поставила перед страной серьезные проблемы, поскольку они подрывают самые основы цивилизованного общества. Не оправдан ли в этой связи тоталитарный строй и если да, то какой политической «окраски»? Или демократический строй, хотя и несовершенный, следует все же предпочесть? Однако террористы всех мастей очень скоро полностью сосредоточились на уголовных преступлениях, например ограблениях, которые они совершали, по их мнению, «по политическим мотивам».

В сегодняшней проблеме уголовной преступности можно найти много элементов чисто политического содержания. Она представляет собой своеобразное проявление протеста, распространенного в обществе, весьма существенно влияет на распределение государственных средств и, наконец, оказывает влияние на степень свободы, предоставляемой гражданам государства.

В 70—80-е годы против многих предста-

вителей правящего класса были выдвинуты обвинения в коррупции. Политические деятели, обвиненные в этом, постоянно заявляют, что полученные ими средства передавались в кассу партии, к которой они принадлежат. К сожалению, сами политические партии постоянно заявляют о дефиците своего бюджета. Поэтому вопрос о том, куда в действительности попадали эти суммы, остается открытым.

Разразились финансово-политические скандалы общенационального масштаба: войны между химическими концернами, дело «Анас», два скандала, связанные с закупками нефти Италией, «дело Синдоны», «дело „Локхид“», дело о послевоенных репарациях, крах «Банко Амброзиано», деятельность масонской ложи «П-2». Для их расследования потребовалось участие членов правительства. В сообщениях о ходе расследования этих скандальных дел фигурируют имена многих министров и глав правительства — от Андреотти до Моро, от Фанфани до Коломбо. В них оказывается замешанным даже президент республики Джованни Леоне, которому приходится уйти в отставку.

Опасения относительно того, что политическая деятельность в стране все в большей степени выходит за рамки законности, увеличиваются, когда министр социал-демократ Танасси оказывается за решеткой за взятки и подкуп должностных лиц.

В таких условиях сицилийская мафия неизменно добивается успеха.

За результатами ее действий следует и общественное признание. 4 сентября 1982 года газета «Коррьере делла сера» озаглавила передовую статью (комментарий, посвящен-

ный убийству Далла Къезы) следующим образом: «Страна многих мафий». Из статьи следует, что системы, созданные мафией, служат образцом почти во всех областях жизни Италии, начиная от любых разновидностей преступности и кончая многими видами политической деятельности и лицами, ею занимающимися.

На протяжении 70-х годов сицилийская мафия претерпела подлинные генетические изменения. В 1971 году в Палермо мафиози убили прокурора Скальоне. С 1977 по 1982 год от рук мафии пало сразу девять политических и судебных деятелей: Джулиано, Руссо, Базиле, Реина, Коста, Маттарелла, Терранова, Ла Торре, Далла Къеза. Ни один из этих «сиятельных трупов» не был связан с мафией, и все эти люди были убиты в Палермо.

Совершенно ясно, что речь идет о «политических убийствах». Все они понадобились мафиози для того, чтобы воспрепятствовать осуществлению противником его политической линии, и для того, чтобы на деле вершить свою собственную политику.

Устранив комиссара полиции Джулиано и полковника Руссо, мафия стремилась свести на нет расследование, которое полиция вела по поводу деятельности мафиози, и одновременно показать, что их трогать нельзя. Убив Маттареллу и Ла Торре, мафиози нанесли удар по «политике чистых рук» — такой политической деятельности, при которой интересы общества ставятся выше личных спекулятивных интересов представителей власти. Мафия же строит свою власть на привилегиях, несправедливости, служебных злоупотреблениях. Убийство Маттареллы и Ла Тор-

ре преследовало цель показать, что мафия уберет всякого, кто встанет на ее пути. Убив Далла Кьезу, мафия сказала «нет» в ответ на стремление, пусть и весьма робкое, всех итальянцев покончить с организованной преступностью.

В тот же самый период Италия переживает шок, вызванный рядом политических преступлений, ко многим из которых мафия не имеет никакого отношения. Помимо трагической истории с похищением и убийством Моро, и гибели многих невинных жертв терроризма, в 1977 году происходит похищение сына одного из руководителей социалистической партии Франческо де Мартино. Де Мартино был в то время одним из возможных кандидатов на пост президента республики. Было известно, что он не был противником вхождения коммунистов в правительство. После того, как друзья-политики заплатили выкуп за его сына, де Мартино практически уходит с политической арены. Вскоре будут арестованы непосредственные исполнители похищения, однако его расследование заглухнет, после того как один из похитителей назовет в качестве организатора преступления малозначительного деятеля христианско-демократической партии, к тому времени умершего.

В ходе расследования скандала, связанного с незаконной деятельностью банкира Синдоны, выясняются связи, существовавшие в этом деле между Ватиканом, мафией и христианско-демократической партией. В это же время в Милане был убит один из участников расследования, юрист Амброзоли. Ответственность за это преступление с большой долей вероятности возлагается на

самого Синдону. В Риме полиция арестовывает высокопоставленного руководителя «Банко д'Италия» Сарчинелли (впоследствии он был полностью оправдан).

С началом расследования обстоятельств краха «Банко Амброзиано» и деятельности масонской ложи «П-2» закружилась настоящая карусель слухов, достоверных сведений и просто выдумок о Ватикане, мафии, христианско-демократической и социалистической партиях. Профессиональный убийца отправляется из Рима в Милан для того, чтобы застрелить высокопоставленного руководителя «Банко Амброзиано».

Если буржуазия конца XIX века связывала свою деятельность с моралью, главной ценностью которой было производство, в силу чего политическая жизнь нередко носила морализаторский характер, то сегодняшняя буржуазия (в основном финансовая, а не промышленная) без колебаний прибегает к политическим преступлениям.

В темных закоулках современной итальянской политической жизни победители прячут некоторые средства, которыми они воспользовались на пути к победе. Как выясняется, такими средствами оказываются порой политические акции с использованием тех же способов, что в ходу у обычных уголовных преступников.

С 1977 по 1982 год сицилийские мафиози самостоятельно совершили в Палермо девять политических убийств.

Почему это было сделано? Какими критериями руководствовались преступники? Какова взаимосвязь этих преступлений с нынешней структурой новой мафии?

Судьба распорядилась таким образом,

что сами мафиози дали ответ на эти вопросы, причем в письменном виде.

Распутывая хитросплетения «дела Синдоны» в начале 1980 г., полиция арестовала Розарио Спатолю — строительного предпринимателя из Палермо и одного из главных обвиняемых на проходивших на Сицилии судебных процессах по делу о контрабанде наркотиков в США. У Спатолю была обнаружена записка следующего содержания: «Попробуем дать определение тому, что судьи и власти называют словом «мафия». Название ему — не «мафия», а «омерта́», то есть союз людей чести, которые помогают бедным, а не используют их в своих целях. Они всегда делают добро и никогда не делают зла. Именно поэтому их хотят уничтожить. Судьям и начальству принадлежит власть, с помощью которой они творят несправедливость. При этом они используют в своих целях слово «мафия», для того чтобы обосновать свое право распоряжаться слабыми». Записка, найденная у Спатолю, таким образом, представляет собой своего рода «надгробную надпись» мафиози в отношении девяти человек, убитых ими по политическим соображениям.

Однако в соответствии с «лучшими традициями» мафии содержание записки может быть истолковано несколькими способами.

Первое ее толкование вполне ясное: среди судей и «начальников», которым сегодня принадлежит власть, есть кто-то, кто не желает признавать, что часть этой власти принадлежит нам, мафиози, что мы завоевали ее. Поэтому в качестве предупреждения мы, мафиози, убьем того, кто так несправедливо обошелся с нами, а потом посмотрим,

как будут себя вести судьи и всякое начальство, которое мы оставляем в живых.

Обратимся к другому возможному толкованию. В записке, обнаруженной у Спатоли, мафиози ведут речь о разногласиях, проявляющихся среди представителей власти. Они говорят о картине, которая абсолютно реальна для Италии в целом и Сицилии в частности, начиная с 1970 года и по сегодняшний день. Неожиданности на выборах, частые правительственные и политические кризисы, межпартийные споры, приводящие к досрочному роспуску законодательных органов из-за невозможности образовать правительство или местную джунту, которые пользовались бы поддержкой прочного большинства депутатов — все это свидетельствует о том, что сегодня в Италии различные группы правящего класса ведут борьбу, которая пока не привела к формированию стабильного правящего большинства. Оппозиция в этих условиях имеет определенное преимущество, поскольку нельзя исключать, что одна из групп правящего класса может образовать новое правящее большинство в союзе с оппозицией. Так вот: мы, мафиози, существуем и принимаем участие в этой борьбе. Поэтому мы убьем всякого, кто воспрепятствует нам в нашем стремлении сохранять часть власти за собой.

Кое-кто скажет — и будет совершенно прав — что, вступив с совершением этих девяти убийств на путь политического терроризма, мафиози копировали схемы, по которым действовали террористические организации, разгул которых продолжался в Италии до начала 1982 года. Однако самый глубокий смысл, заложенный в записке, найденной у

Спатолы, состоит в том, что мафиози после 1970 года хотят, чтобы мафия была признана в качестве «самостоятельной политической силы».

Изображенные на карте зоны распространения новой мафии покрывают карту Италии многочисленными пятнами. Самым крупным из них по-прежнему остается «треугольник мафии» в Западной Сицилии (Палермо — Трапани — Агридженто). Однако и в других местах тут и там появляются черные точки, покрывающие всю территорию Апеннинского полуострова — от окраин Калабрии до Триеста и Турина на севере. Они свидетельствуют о присутствии мафии в жизни всех районов страны.

В Западной Сицилии — районе, который в начале века считался царством мафиози, сегодня они выступают в качестве посредников между различными социальными группами, не останавливаясь при этом и перед политическими убийствами. В остальных частях Италии позиции мафии не могут быть такими сильными (в особенности на Севере, где, с одной стороны, традиционно действует более энергичный правящий класс, а с другой — очень сильны позиции рабочего класса). Здесь мафия выполняет свои «посреднические» функции гораздо более тонко, и властям очень трудно распознать ее действия. Она ведет незаконную деятельность внутри отдельных ответвлений целостного общественного организма. Укрепившись в них, мафия оказывает влияние на жизнь всего общества. Миллиарды, оседающие в карманах мафиози, вырученные из незаконной деятельности и из дальнейшего их вложения в законный бизнес, мафия использует

ет в своих маневрах, расползаясь по всей Италии.

Мафиози, располагая прочными позициями в группах правящего класса, совершили за пять лет девять политических убийств. Некоторые из этих групп, в свою очередь ведущих борьбу за власть, пользовались в целях убийства услугами мафиози, которым было позволено действовать беспрепятственно.

С каждым днем облик новой мафии меняется, все более существенно отличая ее от старой мафии. Предстоит сделать еще очень многое для того, чтобы одержать над ней верх.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья	5
Предисловие к русскому изданию	29
I. Новая мафия	33
II. История мафии с 1800 по 1950 год	48
1. Мафия с 1800 по 1920 год	48
2. Первые сведения о мафии	93
3. Мафия с 1920 по 1943 год	97
4. Мафия с 1943 по 1950 год	109
III. Некоторые характерные черты старой мафии	137
IV. Мафия после 1950 года. Сыновья и внуки ...	162
V.. Контроль: Парламентская комиссия по расследованию преступной деятельности мафии и суды	202
VI. Деяния новой мафии	230
VII. Новая мафия — преступная организация?	259
1. Сбор и передача информации	261
2. Нейтрализация действий правоохранительных институтов	276
3. Основные социально-экономические службы мафии	285
VIII. Внутри новой мафии	294
IX. Последние известия из мира мафии	310

Литературно-художественное издание

Минна Розарио

МАФИЯ ПРОТИВ ЗАКОНА

Редактор русского текста Л. В. Махвиладзе

Младший редактор Д. У. Язмурадова

Художник Н. Н. Сенько

Художественный редактор Л. А. Розова

Технический редактор Н. И. Касаткина

Корректор М. А. Таги-Заде

ИБ № 15644

Сдано в набор 11.09.87. Подписано в печать 20.06.88.
Формат 70х90 ¹/₃₂ Бумага офсетная. Гарнитура таймс
Печать офсетная. Условн.печ.л. 12,58. Усл.кр.-отт. 25,31.
Уч.-изд.л. 12,77. Тираж 100.000 экз. Заказ № 1034.
Цена 85 к. Изд. № 42358

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
"Прогресс" Государственного комитета СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
119847, ГСП, Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 17.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Можайском
полиграфкомбинате Союзполиграфпрома при Государст-
венном комитете СССР по делам издательств, полиграф-
фии и книжной торговли.
Можайск, 143200, ул.Мира, 93.

Розарио Минни — судья из Флоренции — свою основную работу сочетает с занятиями журналистикой и научными исследованиями проблем организованной преступности. Его книга — новая серьезная работа в этой области.